

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

22
2021
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (364) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахронов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Фрэнсис Крик* (1916–2004), британский молекулярный биолог, биофизик и нейробиолог.

Фрэнсис Крик родился в Нортгемптоне (Англия). Его семья была достаточно богата, унаследовав долю некогда процветавшего обувного и сапожного бизнеса в Нортгемптоне, который включал несколько розничных магазинов и в самом Лондоне.

В средней школе Крик любил физику, химию и математику и прослыл веселым и изобретательным сорвиголовым. Бакалаврскую работу Крик выполнил в области физики в Университетском колледже Лондона. В Кембридж его не взяли: слишком плохо знал латынь. Диссертацию Крик тоже начал делать по физике: экспериментально определял вязкость воды при высоких температурах и считал свою работу самой неинтересной научной проблемой. Но с физикой в итоге пришлось расстаться. Докторскую Крик так и не доделал: началась война, бомба попала в его лабораторию, а его самого рекрутировали в научно-исследовательскую лабораторию Адмиралтейства, где будущий лауреат Нобелевской премии конструировал магнитные и акустические мины.

После войны Крик ушел из физики насовсем, перейдя в совершенно непонятную ему биологию. Он перешел от «элегантности и глубокого понимания» физики к «сложным химическим механизмам, естественный отбор которых развивался в течение миллиардов лет». Как потом вспоминал Крик, для этого ему пришлось «родиться заново».

Он успел поработать над исследованием цитоплазмы, а потом его пригласили в Кавендишевскую лабораторию, где руководителем был сэр Лоуренс Брэгг — человек, который получил Нобелевскую премию по физике в возрасте двадцати пяти лет.

Конец 1940-х годов был знаменателен для Крика: он развелся с первой женой и женился на Одайл Спид, которая

была художником. И примерно в то же время подружился с Морисом Уилкинсом из Кингс колледжа. В 1951 году к ним в лабораторию пришел Джеймс Уотсон (забавно, что 23-летний Уотсон уже был со степенью PhD, а 35-летний Крик был аспирантом), и через полтора года они, основываясь на работах Уилкинса и Розалинд Франклин, придумали-таки структуру ДНК, а жена Крика нарисовала знаменитую двойную спираль. «Мы разгадали тайну жизни!» — эту ставшую знаменитой фразу Фрэнсис Крик произнес в своем любимом баре в Кембридже, где они с Уотсоном праздновали открытие.

25 апреля 1953 года в журнале *Nature* вышла статья, в которой описывалась структура ДНК. Авторы работы — Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик — предположили, что их открытие может объяснить механизмы копирования генетического материала. Теперь эта дата отмечается как Международный день ДНК, а также как день рождения молекулярной биологии — науки о структуре и функционировании живых форм на молекулярном уровне. Публикация в журнале включала всего один простой рисунок и занимала чуть более одной странички, но она стала началом новой истории генетики, поворотным моментом в истории биологии. Великое открытие ученых из Кембриджа было оценено по достоинству, и в 1962 году они были удостоены Нобелевской премии по физиологии и медицине.

Последние десятилетия своей долгой жизни Крик с головой ушел в нейробиологию — искал субстрат сознания в головном мозге. Перед своей смертью он правил свою статью с Кристофом Кохом о том, что регион мозга, называемый клауструмом, дает начало процессам сознательного восприятия. Ученый скончался до публикации, но, по свидетельству известного нейробиолога Вилейанура Рамачадрана, Крик был уверен, что именно там скрыт секрет сознания.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ланьи Е. В.

Особенности гражданско-правовой ответственности подрядчика при привлечении им субподрядчика без согласования с заказчиком по договору подряда341

Ланьи Е. В.

Актуальные вопросы изменения цены по договору подряда 342

Линде А. Г.

Незаконные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда 344

Ловков М. И.

Государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ» как институт развития и различия статуса работника государственной корпорации и государственного гражданского служащего..... 345

Маркова А. А.

Борьба против расизма, ксенофобии и дискриминации351

Маркова А. А.

Проблемы квалификации использования рабского труда и торговли людьми в Российской Федерации 353

Михайлюк А. В.

Уголовная ответственность за взяточничество: вопросы теории и практики 355

Моисеев Н. Д.

Пределы судебного усмотрения при применении оценочных понятий гражданского права357

Моисеев Н. Д.

Квалифицирующие признаки оценочного понятия гражданского права..... 360

Москвитин Ю. М.

Злоупотребление процессуальными правами участниками арбитражного процесса 363

Мусихина А. М., Смирнова Е. Ю.

Значение сверхимперативных норм в международном частном праве..... 365

Овсянников Д. А.

Понятие «социальное обеспечение сотрудников полиции и членов их семей»: теоретический анализ сущности и содержания..... 368

Оказова Я. А.

Права лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам, на представительство в органах власти 370

Оросов С. Д.

Замена и отмена принятого вида обеспечения иска372

Петриков А. А.

Социальная солидарность, развитие прав человека в современном мире и проблемы их реализации374

Плотникова Л. В.

Организация и проведение ярмарок и выставок в Российской Федерации.....377

Плотникова Е. В.

Уголовно-правовая характеристика взяточничества и проблемы квалификации ... 379

Рашевский Р. С.

Реформирование апелляционного и кассационного производства по гражданским делам на основании Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».....381

Рябов А. А. Формы взаимодействия граждан и органов исполнительной власти в целях защиты прав и свобод граждан.....	384	Фабрика Т. А., Копанева У. П. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника	404
Савочкина Д. О., Андрусишин Г. В. Основные проблемы административной ответственности за нарушение правил продажи вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции несовершеннолетним	386	Федоров А. Р. Некоторые аспекты вооруженного хулиганства (на примерах судебной практики)	406
Севолобова С. А. Становление медиации в России.....	388	Федоров А. Р. Понятие и виды группового хулиганства	408
Симонова А. Е., Головкина Ю. А. Концепция двойственности источников международного частного права	391	Фирсова З. М. Обязательность решений Европейского суда по правам человека	410
Степанищева А. Р., Мельникова В. А. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации	393	Чайка А. Ю. Проблемы компенсации морального вреда в рамках процедуры реабилитации	412
Субоч Е. В. Система и структура федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Часть 1.....	395	ИСТОРИЯ	
Субоч Е. В. Система и структура федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Часть 2.....	397	Алейников К. И. Украинский вопрос в политике Австро-Венгрии и Германии накануне и в период Первой мировой войны.....	415
Тарасов А. Результаты интеллектуальной деятельности ...	400	ПОЛИТОЛОГИЯ	
Тарасов А. Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной деятельности в действующем законодательстве России	402	Самойлов И. П., Кадхим В. М. Особенности имиджа и элементы его структуры на примере образа Ирака в российских СМИ.....	418
		Сергеева Е. В., Приданкина Т. С. К вопросу о региональных политических партиях и их необходимости в современных политических условиях	419

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности гражданско-правовой ответственности подрядчика при привлечении им субподрядчика без согласования с заказчиком по договору подряда

Ланьи Егор Витальевич, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Согласно ч. 1 ст. 706 ГК РФ если из закона или договора подряда не вытекает обязанность подрядчика выполнить предусмотренную в договоре работу лично, подрядчик вправе привлечь к исполнению своих обязательств других лиц (субподрядчиков). В этом случае подрядчик выступает в роли генерального подрядчика. Привлечения для выполнения работ субподрядчиком довольно распространённая практика, особенно примирительно к договору строительного подряда.

Анализ практики составления договора подряда свидетельствует о том, что применительно к возможности привлечения субподрядчика устанавливаются следующие положения:

- в договоре не установлены положения по привлечению субподрядчика;
- нередко при выполнении подрядных работ в договоре прямо прописана обязанность подрядчика выполнять работы лично.
- возможность привлечения субподрядчика может быть ограничена объемом конкретных работ;
- привлечение субподрядчика допускается в случае предварительного согласования кандидатуры с заказчиком.
- в случае большого объема работ может быть установлено требование по невозможности привлечения без согласования субподрядчика если последний выполняет более определенного процента объема всех работ, например, более 1%.

Стоит отметить, что встречаются и другие условия привлечения субподрядчика, однако обозначенные формулировки в рамках исследования были выявлены в большинстве случаев. Также указание на невозможность привлечения субподрядчиков может содержаться ни только в договоре, но в других документах, например, в случае проведения публичных торгов указанное правило может быть закреплено в конкурсной документации и будет применяться вне зависимости от наличия подобного пункта непосредственно в договоре.

В случае, если подрядчик самовольно привлёк к выполнению работ субподрядчика, запрет на что был прямо установлен договором, заказчик имеет право требовать возмещение убытков с подрядчика, причиненных участием субподрядчика в исполнении договора на основании п. 2 ст. 706 ГК РФ.

В ряде случаев в договоре прямо прописаны штрафные санкции в случае привлечения сторонних для выполнения подрядных работ. Анализ договоров подряда позволяет сделать вывод о том, что штрафные санкции обозначаются различными способами. Так встречаются случаи, когда в договоре есть формулировка о том, что «Заказчик вправе требовать с подрядчика за каждого несогласованного субподрядчика уплаты штрафа в размере...». «Заказчик вправе требовать с подрядчика за привлечение субподрядчика уплаты штрафа в размере...». Наиболее часто встречается формулировка по назначению штрафных санкций за каждого субподрядчика.

Этот вывод находит подтверждение в судебной практике и дополнительно обосновывается отсутствием договорных отношений между заказчиком и субподрядчиком [1]. Также заказчик в праве требовать расторжения договора в связи с нарушением существенных условий договора. Судебная практика считает обоснованным данные положения и применяет их на практике [2]. Вместе с тем для взыскания с генподрядчика убытков заказчик должен доказать в суде, что данное нарушение было существенным и действительно причинило ему вред, в результате которого он лишился того, на что рассчитывал при заключении договора.

В свою очередь, подрядчик будет не вправе требовать возмещения убытков в виде расходов, понесенных в связи с оплатой работ субподрядчикам. Но, несмотря на нарушения, подрядчиком договорных обязательств Заказчик не имеет права уклоняться от оплаты принятых им работ [3].

Кроме того, судебная практика показывает, что в случае привлечения несогласованных субподрядчиков в ряде случаев такие сделки признаются ничтожными [4].

Дополнительно в случае возникновения убытков по причине привлечения несогласованных субподрядчиков заказчик вправе требовать с генподрядчика их возмещения.

По общим правилам предъявление требований заказчика и субподрядчика друг к другу не допустимо, за исключением прямого указания закона или договора. При этом проведенный анализ показывает, что суды в ряде случаев рассматривают дела, связанные с предъявлением требований заказчика к субподрядчику. Иногда между участниками договора могут быть заключены трёхсторонние соглашения, в рамках которых заказчик напрямую может предъявить требования к субподрядчику.

В целом стоит отметить, что заказчик может напрямую предъявить требования к субподрядчику в случае, если

между ними заключен договор, с согласия генерального подрядчика, согласно, которого субподрядчик должен сдать работы непосредственно заказчику и рассчитаться за них. Вместе с тем стоит учитывать условие договора об оплате выполненных работ после перечисления денежных средств заказчиком генподрядчику не может рассматриваться как возникновение солидарной обязанности заказчика, в связи с чем предъявление исковых требований возможно только к генподрядчику.

Таким образом установление в договоре подряда требований по привлечению субподрядчиков и нарушение данного условия подрядчиком влияет на качество выполняемых работ в связи с чем установление штрафных санкций является обоснованным и не противоречит действующему законодательству.

Литература:

1. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26.05.2005 № Ф04–3207/2005 (11590-А75–8).
2. Постановление восьмого Арбитражного апелляционного суда от 20.05.2013 г. по делу № А46–29758/2012 г. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.01.2014 № Ф03–6706/2013 г. по делу № А 51-24489/2012.
3. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.01.2014 г. № Ф03–6706/2013 по делу № А51–24489/2012 г.
4. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 28 мая 2009 г. № А58–1831/07-Ф02–2347/09 по делу № А58–1831/07).

Актуальные вопросы изменения цены по договору подряда

Ланьи Егор Витальевич, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Анализируя проблемные вопросы определения цены в договоре подряда, в первую очередь стоит отметить наличие неоднозначного подхода по отнесению к существенным условиям рассматриваемой сделки цены. Так ранее считалось, что цена является существенным условием договора подряда [1]. На сегодняшний день позиция судебных органов по данному факту изменилась, и цена не относится к существенным условиям договора подряда.

Указанный факт в первую очередь связан с положениями законодательства по определению цены договора подряда. В договоре подряда, согласно пункту 1 статьи 709 Гражданского кодекса Российской Федерации, указываются либо цена работы, подлежащей выполнению, либо способы ее определения. В соответствии с пунктом 3 указанной статьи цена работы может определяться путем составления сметы. В силу пункта 4 статьи 709 Гражданского кодекса Российской Федерации цена работ может быть приблизительной или твердой. Таким образом мы видим, что законодатель, учитывая особенности договора допускает установление приблизительной цены либо способа ее определения. Суды обосновывают свою позицию тем, что в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий

договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги [2].

В связи с этим наблюдаются многочисленные факты обращения в судебные органы по определению стоимости выполненных работ. Проведенный анализ позволяет выявить наличие сложностей в случае изменения объема работ по договору подряда. Так уже было отмечено, что в случае установления твердой сметы по работам, изменение цены услуг ни в сторону уменьшения, ни в сторону увлечения по действующему законодательству невозможно. Ситуации, возникающие в связи с изменением объема работ условно можно разделить на две группы:

Первая — случаи, когда, например, при выполнении строительного подряда выявляются дополнительные работы, которые не могли быть учтены при заключении договора. В случае установления объективности дополнительных затрат, невозможности выполнения объема работ в отсутствии их и невозможности предусмотреть это заранее, требования подрядчика по увеличению цены могут быть обоснованно удовлетворены заказчиком при наличии своевременного уведомления об этом. В случае же если своевременно заказчик об увеличении объема работ

уведомлен не был, согласно положений ч. 5 ст. 709 ГК РФ подрядчик обязан выполнить работы по цене, определенной в договоре. При возникновении ситуации, когда заказчик отказывается повышать стоимость работ, стороны в праве отказаться от договора, и заказчик обязан оплатить подрядчику часть цены за уже выполненный объем.

Вторая группа соответственно предполагает ситуации, когда твердая смета нарушает интересы заказчика. Например, подрядчик, выполнив работы не столкнулся с теми сложностями, которые изначально обсуждались и на основании которых была установлена сумма договора. Таким образом подрядчик экономит, а заказчик уменьшает свою выгоду.

Стоит отметить, что применительно к экономии заказчика на сегодняшний день отсутствует четкая судебная практика. Так одни суды определяют добросовестная экономия заказчика в случае уменьшения издержек, не повлиявших на конечный результат, не могут быть связаны с фактическим объемом работ установленных сметой [3]. В других случаях суды приходят к обратной позиции, что конечно же неоднозначно влияет на практику рассмотрения данных дел [4].

Кроме того, большая инфляция в стране обуславливает определённые сложности в случае подорожания товаров и услуг, которые при обсуждении сметы работ имели более низкую стоимость, а в последующем существенно подорожали, иногда подорожание происходит в два-три раза и подрядчику не выгодно выполнять работы по ранее обговоренным условиям относительно цены, поскольку контрагенты существенно завысили стоимость исходных материалов. Согласно положений ст. 709 ГК РФ увеличение цены договора, в том числе и при твердой смете

возможно при существенном возрастании стоимости материалов и оборудования, предоставленных подрядчиком, а также оказываемых ему третьими лицами услуг, которые нельзя было предусмотреть при заключении договора.

Сложность установления данных оснований связана с неопределенностью правовой регламентации самого понятия «существенное возрастание цены». Ни ГК РФ, ни подзаконные акты не содержат в себе легального определения и возникает вопрос какое повышение вызывает существенное возрастание цены 10%, 20% и т.д.? Относительно строительного подряда закон устанавливает право подрядчика на требование о пересмотре сметы в случае превышения стоимости выполняемых работ на 10% (ч. 3 ст. 744 ГК РФ). Применительно к другим видам подряда подобные положения отсутствуют, что, по нашему мнению, нарушает права подрядчика.

Вместе с тем возможным выходом из ситуации представляется правила, предусматривающие возможность изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, предусмотренные положениями ст. 450-451 ГК РФ.

Исследования отдельных авторов показывают нежелание судов разбираться с применением положений о существенном изменении условий обстоятельств, в случае кратных увеличений стоимости на отдельные материалы и работы, что особенно актуально при условии нестабильности экономики и кризисных ситуаций, которые в том числе были вызваны пандемией [5].

Кроме того, согласимся с мнениями авторов относительно того, что критерий существенности целенаправленно учтены в договоре подряда [6] и активное применение положений ст. 450-451 ГК РФ будет способствовать выравниванию интересов подрядчика и заказчика.

Литература:

1. Определение ВАС РФ от 25.06.2010 № ВАС-7628/10 по делу № А76–24607/2008-10-616/92; Постановление ФАС Центрального округа от 25.02.2010 № Ф10–6018/09 по делу № А09–6210/2009.
2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.08.2018 № Ф06–36132/2018 по делу № А06–5122/2017.
3. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 28.04.2011 по делу № А11–9180/2012; Постановление ФАС Поволжского округа от 17.04.2012 по делу № А06–4902/2011.
4. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.01.2012 по делу № А33–3451/201.
5. Филипенко, В. А. Проблема изменения твердой цены (сметы) в договоре подряда // Судебная практика. 2020. № 3. с. 43.
6. Мамонтов, В. А. Критерии существенности в гражданском законодательстве Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 12. с. 2-4.

Незаконные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда

Линде Артем Германович, студент

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина, Ленинградская обл.)

В статье представлены основные виды незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, проведен анализ судебной практики, сделан вывод, о неэффективности правовой и практической системы контроля и пресечения незаконных действий должностных лиц.

Ключевые слова: незаконные действия, органы дознания, прокуратура, Гражданский кодекс, судебная практика.

В стремительно меняющихся условиях жизни и возрастающей угрозе стабильности правопорядка в государстве, вызванном, военными конфликтами, распространением терроризма, повышением уровня преступности необходимым и важным становится развитие эффективной работы органов прокуратуры, следствия, судебных инстанций.

Деятельность государственных структур вызывает больше сомнений, и назвать их действительно инструментом защиты прав и свобод человека не представляется возможным ввиду снижения доверия к должностным лицам органов власти, совершению должностными лицами незаконных действий.

В ст. 1070 ГК РФ указано, что за вред, причиненный гражданину действиями сотрудников суда, прокуратуры, в процессе предварительного следствия либо при дознании должностное лицо несет ответственность. Проблема определения незаконности действий (бездействий) должностных лиц определяется ограниченностью видов противоправных поступков, за которые может наступить ответственность. [1]

В ч. 1. ст. 1070 ГК РФ законодатель указывает в виде противоправных действий такие деяния как: [1]

- незаконное осуждение;
- незаконное привлечение к уголовной ответственности;
- незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде;
- незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного ареста;
- незаконное привлечение к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности лица.

В своей статье М. А. Шаныгин указывает основными видами незаконных действий должностных лиц, которые должны указываться в законодательстве в дополнении к перечисленным в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ являются: [4, С 2]

- несоблюдение процессуальных сроков при судопроизводстве;
- допрос подозреваемого в отсутствие адвоката;
- допрос несовершеннолетнего подозреваемого в отсутствие опекуна или родителей;

— физическое насилие, угрозы, шантаж в отношении подозреваемого при допросе с целью получения показаний.

В данном контексте можно привести слова А. А. Жарикова о том, что «понятие «незаконные действия» не выражает с достаточной полнотой всех признаков и видов правовых явлений и нуждается в специальных оговорках, расширительном толковании и дополнительных характеристиках в рамках отраслевого законодательства». [4, С 3]

В своей статье «Сущность гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» А. А. Рудат определяет, что законодатель следует расширить перечень незаконных действий (бездействий), перечисленных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, и предусмотреть такие дополнительные основания, как: [3, С 50]

- незаконное применение принудительных мер медицинского характера, воспитательного воздействия;
- помещение подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы;
- выемку предметов и документов, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях. [3, С 50]

Судебная практика по делам о возмещении вреда за незаконные действия (бездействие) должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда демонстрирует, что законодатель считает перечисленные в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ виды незаконных деяний исчерпывающими, хотя весь спектр противоправных действий он не охватывает. [2]

В ст. 1070 и 1100 ГК РФ не предусмотрена возможность компенсации морального вреда за привлечение лица к дисциплинарной ответственности в виде штрафа, что так же является упущением законодателя и почвой для совершения безнаказанных действий должностными лицами в отношении граждан. Приговором городского суда Д. был признан виновным и осужден к 4 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в ис-

правительной колонии общего режима, после отбывания 2 лет и 4 месяцев, Верховный суд посчитал, что его необоснованно обвинили в преступлении, после чего заключенный был освобожден. [2]

После подачи заявления на возмещение ущерба, гражданину Д. была выплачена компенсация в размере 147 тысяч 510 руб., компенсация за затраты по оказанию юридической помощи в размере 16500 руб. [2]

В совокупности Д. было выплачено 164 тысячи рублей, за 2 года и 4 месяца, проведенных в колонии, за испорченную репутацию, моральный ущерб, ущемление прав и свобод, связанное с незаконным проведением следственных мероприятий и деятельностью суда, которые послужили поводом признания невиновного лица в качестве преступника.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «Консультант Плюс»
2. Обзор практики рассмотрения судами Московской области споров о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда от 6 декабря 2016. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/28855168/> (дата обращения 30.04.2021)
3. Рудат Александр Александрович, Самодуров Дмитрий Иванович Сущность гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Вестник МИЭП. 2017. № 2 (27). С 49-54
4. Шаныгин Михаил Александрович Правонарушение и его состав как основание ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Наука. Общество. Государство. 2017. № 3 (19). С 1-5

Государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ» как институт развития и различия статуса работника государственной корпорации и государственного гражданского служащего

Ловков Михаил Игоревич, кандидат юридических наук, директор направления по правовому обеспечению нормативной деятельности Правового блока
Государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ» (г. Москва)

Ключевые слова: государственная корпорация, правовой статус, институт развития, работник.

Реализация экономических, социальных, управленческих и иных полномочий и функций государства в интересах общества требует целенаправленного воздействия на различные сферы жизни, общественные процессы и связи. В сфере обеспечения устойчивого развития национальной экономики государственный сектор занимает одно из важных мест, и центральным компонентом его реализации становятся институты развития.

Особая значимость таких институтов в современных условиях развития экономики Российской Федерации не вызывает сомнений — повышенные инвестиционные и банковские риски, реализация крупных инвестици-

Таким образом, можно определить, что правовая основа незаконных действий сотрудников дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда является не проработанной, отсутствуя многие виды незаконных деяний в отношении подозреваемых, обвиняемых, заключенных, за которые не предусмотрена ответственность, мало того, законодатель определяет, что существующие нормы являются исчерпывающими и не нуждаются в проработке. В РФ отсутствует система механизмов по выявлению незаконных действий должностных лиц, привлечению к ответственности, существующая система материальной компенсации за незаконное содержание под стражей, и судебную ошибку не может компенсировать всех негативных последствий противоправных деяний в отношении гражданина.

онных и инфраструктурных проектов, отсутствие заинтересованности частных компаний в развитии инноваций, международные санкции делают их важнейшим инструментом в обеспечении экономической стабильности, реализации антикризисной политики и стратегии развития будущего нашей страны.

Законодательство Российской Федерации не содержит понятия «институт развития» или его квалифицирующих признаков, что, в целом, представляется естественным, учитывая многообразие видов деятельности различных институтов развития. Данный факт не означает наличия неопределенности или пробела в правовом

регулировании, а лишь подтверждает невозможность установления единых критериев в отношении всех институтов развития в рамках единого определения. В научных кругах нет единого мнения относительно определения понятия «институт развития». Некоторые ученые понимают под институтами развития организационно-экономические структуры, содействующие перераспределению общественных средств в пользу ключевых сегментов экономики, а также проектов, в наибольшей степени реализующих потенциал устойчивого экономического роста (Т. М. Орлова) [1, с. 8]. Другие исследователи (М. В. Демченко, Г. Ф. Ручкина, О. Н. Петюкова, С. В. Фрумина, Е. В. Терехова) дают более узкое определение, указывая, что к институтам развития следует относить исключительно организационно-экономические структуры (финансовые институты развития) [2, с. 49]. К. И. Брыкин, проведя анализ нормативных правовых актов и научных подходов к термину, делает вывод, что институт развития — это специально созданная и (или) осуществляющая деятельность на основании нормативного правового акта коммерческая или некоммерческая организация, которая обладает статусом получателя средств государственной поддержки в допустимой финансовым законодательством Российской Федерации форме для решения поставленных государством социально-экономических задач и (или) выполнения агентских функций [3, с. 56].

Действующими нормативными правовыми актами предусмотрены отдельные виды институтов развития, их функции, а также возможность одной государственной корпорации развития координировать деятельность иных институтов развития (части 5¹-5³ статьи 3 Федерального закона от 17 мая 2007 года № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития «ВЭБ. РФ» (далее — ФЗ «О ВЭБ. РФ»). Анализ сфер деятельности и функций действующих в Российской Федерации государственных корпораций позволяет отнести большую часть из них к институтам развития, функции работников которых обладают особой спецификой — наличием публично-правовой составляющей, а также необходимостью достижения целей и задач, поставленных, в том числе, органами государственной власти Российской Федерации.

Данный факт мог послужить причиной для формулирования позиции, встречающейся в отдельных публикациях по рассматриваемой тематике, в соответствии с которой правовой статус государственных корпораций может быть приравнен к правовому статусу органов государственной власти, а работники государственных корпораций выполняют функциональные обязанности государственных служащих и, по сути, также являются государственными служащими [4, с. 53].

Не последнюю роль в формировании подобного вывода сыграло и распространение на работников государственных корпораций отдельных ограничений и запретов, характерных прежде для государственных гражданских служащих. Тем не менее, здесь логика законодателя вполне объяснима — особое правовое положение госу-

дарственных корпораций — их функционирование в качестве инструмента проведения государственной политики в различных сферах обуславливает особенности правового регулирования труда занятых в них работников. Особенности регулирования труда работников государственных корпораций, установленные Трудовым кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и иными нормативными правовыми актами, представляют собой не только совокупность определенных обязанностей, возлагаемых на работников, установленных для них запретов, а также мер дисциплинарной ответственности за их нарушение, но отражают специфику их труда, обусловленную, с одной стороны, особым характером деятельности таких работников, связанной с обеспечением реализации государственной корпорацией интересов общества и государства, а с другой стороны, необходимостью предотвращения совершения данными лицами коррупционных правонарушений [5].

Установление особенностей регулирования труда работников государственных корпораций явилось следствием необходимости осуществления государственного контроля за ключевыми организациями, созданными Российской Федерацией, которые обеспечивают экономическую составляющую публичной власти. Вместе с тем, в силу принципиальных функциональных различий в профессиональной деятельности, осуществляемой работниками государственных корпораций и государственными служащими, некоторое сходство в установленных запретах, ограничениях и обязанностях не делает их правовой статус идентичным.

Примером государственной корпорации, в правовом статусе которой проявляется уникальный дуализм: с одной стороны, выполнение публичных функций, а с другой — выступление в гражданских правоотношениях в качестве института развития и независимого юридического лица, является государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ» (далее — ВЭБ. РФ).

К публичным функциям ВЭБ. РФ в соответствии с ФЗ «О ВЭБ. РФ» можно отнести:

— проекты общегосударственного значения (общегосударственные проекты). Согласно Меморандуму о финансовой политике государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк), утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 июля 2018 года № 1510-р, ВЭБ. РФ участвует в реализации национальных проектов, направленных на выполнение майского указа Президента Российской Федерации. В числе принципов деятельности — отсутствие конкуренции с коммерческими банками, открытость, безубыточность при финансировании проектов. Так, ВЭБ. РФ финансирует строительство десяти танкеров-газовозов с целью их дальнейшей эксплуатации в рамках проекта «Арктик СПГ 2». Ранее Группой ВЭБ. РФ были заключены судостроительные контракты с ССК «Звезда» и договоры лизинга с ООО

«СМАРТ СПГ» (совместное предприятие ПАО «Совкомфлот» и ПАО «НОВАТЭК»). Это заключительная партия в рамках финансирования строительства 15 таких судов, одобренных наблюдательным советом ВЭБ. РФ. Суда-газовозы ледового класса Arc7 предназначены для круглогодичной транспортировки СПГ в сложных ледовых условиях Арктического морского бассейна. Новые заказы на ССК «Звезда» — основа для дальнейшей работы по выполнению указа Президента России по созданию судостроительного кластера на Дальнем Востоке России, локализации производства, выпуску линейки средних и крупнотоннажных судов и морской техники [6];

— функции агента Правительства Российской Федерации по вопросам:

1) предоставления государственных гарантий Российской Федерации, сопровождения, администрирования и исполнения предоставленных государственных гарантий Российской Федерации;

2) обеспечения возврата (погашения) задолженности по денежным обязательствам перед Российской Федерацией, в том числе возникшим в связи с предоставлением и исполнением государственных гарантий Российской Федерации;

3) ведения аналитического учета задолженности по денежным обязательствам перед Российской Федерацией;

4) ведения аналитического учета предоставленных государственных гарантий Российской Федерации, обязательств принципалов и иных лиц в связи с предоставлением и исполнением государственных гарантий Российской Федерации, проверки финансового состояния указанных лиц;

5) учета, обслуживания и погашения (использования) государственного внешнего долга бывшего СССР и Российской Федерации (включая внутренний валютный долг бывшего СССР) и государственных кредитов, предоставленных бывшим СССР и Российской Федерацией иностранным заемщикам, а также мониторинга проектов, реализуемых в Российской Федерации с участием международных финансовых организаций;

6) хранения сертификатов ценных бумаг и (или) учета прав и перехода прав на ценные бумаги, собственником которых является Российская Федерация;

7) иные функции агента Правительства Российской Федерации, предусмотренные федеральными законами о федеральном бюджете на соответствующий год и плановый период, принимаемыми в соответствии с ними актами Правительства Российской Федерации и заключаемыми в соответствии с ними договорами (соглашениями) (перечень не является закрытым);

— координация деятельности институтов развития по вопросам обеспечения долгосрочного социально-экономического развития страны (в том числе Российского экспортного центра, ДОМ. РФ, Корпорации МСП) на основании решения Правительства Российской Федерации ВЭБ. РФ;

— доверительное управление средствами пенсионных накоплений граждан, не воспользовавшихся правом выбора негосударственного пенсионного фонда или управляющей компании, а также граждан, сделавших выбор в пользу государственной управляющей компании;

Основной задачей ВЭБ. РФ в качестве государственной управляющей компании является обеспечение сохранности средств, переданных в доверительное управление [7, с. 33].

доверительное управление имуществом, составляющее ипотечное покрытие в случае признания управляющего ипотечным покрытием несостоятельным (банкротом) или аннулирования лицензии управляющего ипотечным покрытием (абзац второй пункта 4 статьи 22 Федерального закона от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах»).

По мнению Осколковой Н.А., большое количество субъектов федерального уровня имеет ряд государственно-властных полномочий, в т.ч. государственные корпорации, государственные компании. Это не может служить строгим критерием отнесения субъекта к категориям государственной власти [8, с. 78].

Реализация ВЭБ. РФ функций государственного агента (обслуживание государственных кредитов или решение государственных задач, которые были поручены по агентскому договору или актом Правительства Российской Федерации), участие в проектах по решению Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации (общегосударственные проекты) определяют специфику отдельных аспектов деятельности государственной корпорации, поскольку ВЭБ. РФ обеспечивает реализацию задач государственного масштаба, постановленных публичной властью, реализуя при этом публичный, а не частный интерес [9], и в этом смысле функции работников ВЭБ. РФ можно считать близкими по статусу с функциями государственных служащих.

В то же время перечисленные публичные функции ВЭБ. РФ — всего лишь отдельная и далеко не самая большая часть ее деятельности. ВЭБ. РФ — специализированная финансовая организация, на которую возложены функции по поддержке долгосрочного финансирования общественно значимых проектов. ВЭБ. РФ действует в целях содействия в обеспечении долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и создании условий для устойчивого экономического роста, повышения эффективности инвестиционной деятельности и расширения инвестирования средств в национальную экономику посредством реализации проектов в Российской Федерации и за рубежом, в том числе с участием иностранного капитала, направленных на развитие инфраструктуры, промышленности, инноваций, особых экономических зон, защиту окружающей среды, повышение энергоэффективности, поддержку экспорта и расширение доступа российской промышленной продукции (товаров, работ, услуг) на зарубежные рынки, а также

иных проектов и (или) сделок в рамках осуществления инвестиционной, внешнеэкономической, консультационной и иной деятельности.

Указанные проекты являются частью локомотива экономического роста, модернизации экономики и решения социальных задач. ВЭБ. РФ как финансовый институт является инструментом развития инвестиционной деятельности, выполняющим роль катализатора частных инвестиций в развитии приоритетных отраслей и активов и позволяющим повысить эффективность использования бюджетных ресурсов. Государственную корпорацию можно представить как крупную инвестиционную компанию в рамках различных отраслей, которые способствуют повышению ее инновационной активности, формированию государственно-частных корпоративных и альянсных структур. Финансовые институты развития, в отличие от коммерческих банков, нацелены на решение задач, поставленных перед ними государством, и в целом не стремятся к извлечению или увеличению прибыли. В мировом масштабе такие организации действуют в качестве инструмента проводимой государством экономической политики.

С учетом поставленной Президентом России задачи по наращиванию инвестиционной активности (в Послании Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 года поставлена задача обеспечить ежегодный прирост инвестиций не менее 5%, увеличив их долю в ВВП с 21 до 25% к 2024 году. Для того чтобы получить такую динамику, нужно запустить новый инвестиционный цикл, серьезно нарастить вложения в создание и обновление рабочих мест, инфраструктуру, в развитие промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг) потребность в банковских кредитах будет только возрастать. В конце прошлого года, например, было заявлено несколько мегапроектов строительства мощностей по производству сжиженного природного газа стоимостью не менее 2 трлн рублей каждый. Обсуждаются масштабные инвестиции в транспортную (железнодорожную, автомобильную, трубопроводную) инфраструктуру, объемы которых также исчисляются триллионами рублей. Важнейшим приоритетом остается реализация Национальных проектов. Из 25,7 трлн. рублей, которые планируется потратить на их исполнение, около трети вложит частный бизнес. По оценкам экспертов, основная часть этих инвестиций будет профинансирована банками. Перед российским банковским сектором встает задача не просто наращивания кредитов реальному сектору, а финансирования действительно крупных проектов стоимостью миллиарды долларов. Отрезанные от глобального рынка капитала отечественные кредиторы и заемщики вынуждены решать ее с опорой на собственные силы [10].

Одним из примеров является развитие проектного финансирования и синдицированного кредитования в Российской Федерации в рамках реализации Программы «Фабрика проектного финансирования», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации

от 15 февраля 2018 года № 158. Так, в рамках Программы «Фабрика проектного финансирования» приток инвестиций в проекты национального значения в приоритетных секторах экономики Российской Федерации обеспечивается посредством софинансирования инвестиционных проектов ВЭБ. РФ совместно с коммерческими банками и иными потенциальными кредиторами по договорам синдицированного кредита и в результате размещения облигаций, выпускаемых специализированным обществом, созданным в рамках программы фабрики проектного финансирования, единственным участником которого является ВЭБ. РФ [11].

Иными примерами деятельности ВЭБ. РФ как института развития могут служить следующие проекты [12]:

— строительство угольного морского порта «Суходол» на Дальнем Востоке (объем участия ВЭБ. РФ — 5 млрд. рублей);

— финансирование программы «Р-Фарм» по разработке инновационных лекарственных препаратов (объем участия ВЭБ. РФ — 9,4 млрд. рублей);

— создание скоростной трассы М11 Москва — Санкт-Петербург при финансовой поддержке ВЭБ. РФ (объем участия ВЭБ. РФ — 12,4 млрд. рублей);

— поставка современных вагонов московскому метрополитену (объем участия ВЭБ. РФ — 24,9 млрд. рублей);

— строительство газохимического комплекса в Усть-Луге (объем участия ВЭБ. РФ — 111 млрд. рублей (лимит));

— строительство автомобильной магистрали «Западный скоростной диаметр» (объем участия ВЭБ. РФ — 25 млрд. рублей);

— новый пассажирский терминал аэропорта в г. Хабаровске (объем участия ВЭБ. РФ — 3,9 млрд. рублей);

— космический аппарат «Экспресс — АМ7» (объем участия ВЭБ. РФ — 7,7 млрд. рублей).

Участвуя в реализации столь важных проектов, ВЭБ. РФ занимает лидирующую позицию в развитии национальной экономики России. Функционирование национальных финансовых институтов развития помогает восполнить нехватку долгосрочных инвестиционных ресурсов в экономике и обеспечить возможность реализации проектов, коммерческое финансирование которых затруднено из-за более высоких рисков, длительного срока окупаемости, низкой доходности и необходимости значительных стартовых капиталовложений.

На основании изложенного первым и основным критерием, который позволяет разграничить правовой статус и особенности деятельности работников государственных корпораций и гражданских служащих, является уникальный дуализм правового статуса ВЭБ. РФ — выполнение функции агента государства и многоплановая финансовая деятельность в качестве независимого института развития; наличие как публичных, так и частных элементов его деятельности и как следствие различие функциональных обязанностей (функций, полномочий) государственных служащих и работников государственных корпораций.

Правовой статус государственных корпораций определяется не только особенностями, характеризующими саму организационно-правовую форму (особый порядок создания и ликвидации, индивидуальная специфика целей деятельности и функций, имущественная обособленность, особая структура органов, возможность обращения к Российской Федерации за финансовой поддержкой и т.д.), но также тем, что в состав высшего органа управления государственной корпорации могут входить лица, являющиеся государственными гражданскими служащими, обладающие правом выносить на рассмотрение вопросы, отнесенные к их компетенции, в том числе в целях исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации и поручений Правительства Российской Федерации. Порядок участия членов Правительства Российской Федерации и государственных гражданских служащих в высших органах управления государственных корпораций устанавливает Правительство Российской Федерации (См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2012 № 44 «О порядке участия членов Правительства Российской Федерации и государственных гражданских служащих в высших органах управления государственных корпораций и государственных компаний»).

«В отсутствие участников, членов государственной корпорации формирование органов этих юридических лиц прямо или косвенно осуществляется государством» [13, с. 6]. Контроль за государственными корпорациями со стороны государства осуществляется через назначение своих представителей в наблюдательный совет (совет директоров) и через назначение единоличного исполнительного органа.

Законодательством Российской Федерации закреплён прямой запрет на вмешательство органов государственной власти и органов местного самоуправления в деятельность ВЭБ. РФ: органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления не вправе вмешиваться в деятельность ВЭБ. РФ по достижению установленных настоящим Федеральным законом целей, за исключением отдельных случаев, предусмотренных Федеральным законом «О ВЭБ. РФ» и иными федеральными законами.

Государственный орган, в свою очередь, представляет собой автономную часть государства, и деятельность государственного служащего состоит в реализации от имени государства властных (публичных) полномочий (правомочий) в рамках установленной компетенции государственного органа. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 125 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. По мнению

С. Я. Боженка, положения статьи 125 ГК РФ не позволяют говорить о существовании в гражданском праве наравне с физическими и юридическими лицами особого субъекта правоотношений — органов государственной власти [14].

В отличие от государственных органов ВЭБ. РФ автономно в своих решениях и выступает как самостоятельное независимое юридическое лицо в гражданском обороте.

Учитывая изложенное, вторым критерием разграничения статуса работника государственной корпорации и государственного гражданского служащего является автономность и независимость ВЭБ. РФ как субъекта гражданских правоотношений.

Третьим критерием является имущественная самостоятельность, которая складывается из обладания государственными корпорациями обособленным имуществом, сформированным за счет переданных Российской Федерацией имущественных взносов и иных легальных поступлений, в том числе доходов, получаемых в процессе реализации коммерческой, инвестиционной и иной деятельности.

Деятельность же органов государственной власти финансируется исключительно за счет средств государственного бюджета и не может формироваться за счет иных источников, в том числе доходов от собственной или иной деятельности.

Хотелось бы еще раз отметить, что законодателем введен ряд контрольных элементов, которые в некоторых вопросах сближают статус государственных гражданских служащих и работников государственных корпораций. Это случаи, когда сферы деятельности государственной корпорации и государственных органов пересекаются, например, при выполнении корпорацией отдельных агентских функций в интересах Российской Федерации или исполнении поручения органа государственного управления, когда государство дает конкретные указания обслуживать его интересы. Но достаточные основания, которые бы позволили сделать вывод, что работники государственной корпорации действуют только в режиме государственных гражданских служащих, отсутствуют. В данной логике рассуждений работники иных коммерческих организаций (ПАО «Сбербанк», иные коммерческие банки), которые ежегодно осуществляют агентские функции в интересах Правительства Российской Федерации на основании федеральных законов о бюджете на текущий год и решений Правительства Российской Федерации, тоже должны были бы признаваться (приравниваться) к государственным служащим, однако этого на практике не происходит.

Подводя итог вышесказанному, государственные служащие и работники государственных корпораций обслуживают разные интересы публичной власти: первые осуществляют функции государственного управления от имени государства, а вторые обеспечивают решение долгосрочных экономических и иных задач в интересах государства и общества в целом методами гражданского оборота.

ВЭБ. РФ являет собой пример уникального дуализма правового статуса — с одной стороны, государственная корпорация развития финансирует проекты общегосударственного значения и выступает как агент государства в различных сферах, исполняя, в том числе, указания органов государственной власти. С другой стороны, ВЭБ. РФ — независимое юридическое лицо, осуществляющее многоплановую инвестиционную деятельность в качестве независимого института развития.

Высококвалифицированные работники ВЭБ. РФ, привлекаемые для осуществления и развития инвестиционной, лизинговой деятельности; ответственные за реализацию программ развития городской экономики, осуществление операционной деятельности, управление ликвидностью, привлечение финансовых ресурсов на российских и зарубежных рынках капи-

тала и межбанковского кредитования, играют важную роль в формировании бизнес-среды, предпринимательства, поддержки бизнеса (в особенности малого и среднего) и не могут по определению быть отнесены к государственным служащим в силу специфики их трудовой деятельности.

В связи с изложенным полагаем целесообразным закрепить в ФЗ «О ВЭБ. РФ» дополнительную норму, уточняющую, что работники ВЭБ. РФ, не являясь государственными гражданскими служащими, призваны добросовестно и на основе наилучших практик организации деятельности крупнейших российских, иностранных и международных финансовых организаций осуществлять должностные обязанности в целях эффективного содействия в достижении целей деятельности ВЭБ. РФ.

Литература:

1. Орлова, Т. М. Институты развития как катализаторы инновационной активности // Проблемы теории и практики прогнозирования. — 2012. — № 5. — с. 8-19.
2. Демченко, М. В., Ручкина Г. Ф., Петюкова О. Н., Фрумина С. В., Терехова Е. В. Правовое регулирование деятельности институтов развития: монография // М.: ИНФРА-М. — 2019. — 168 с.
3. Брыкин, К. И. Подходы к определению понятия «институт развития»: финансово-правовой аспект // Вестник Московского университета. Сер. 26. Государственный аудит. — 2019. — № 2. — с. 49-57.
4. Мамцев, Г. Э. Практика осуществления финансового контроля за деятельностью государственных корпораций: проблемы и перспективы // Законодательство и экономика. — 2015. — № 10. — с. 47-57.
5. Подробнее см.: Ломакина Л. А. Особенности регулирования труда работников государственных корпораций, государственных компаний по российскому законодательству как меры противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 4 (59). — с. 164-171.
6. https://www.vedomosti.ru/press_releases/2020/09/25/vebrf-pristupil-k-finansirovaniyu-stroitelstva-10-tankerov-gazovozov-na-verfi-zvezda.
7. Тарасенко, О. А. Предпринимательская деятельность государственной корпорации «Внешэкономбанк» // Предпринимательское право. — 2012. — № 2. — с. 32-35.
8. Осколкова, Н. А. Теоретические и практические аспекты взаимодействия Банка России и органов исполнительной власти Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2017. — № 7. — с. 76-79.
9. Кузнецов, С. В. Правовые основы участия Внешэкономбанка в антикризисном управлении государством // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2016. — № 2. — СПС «Консультант Плюс»
10. Аксаков, А. Г., Иванов О. М. Экономические, правовые и социокультурные предпосылки развития синдицированного кредитования в России // Банковское право. — 2020. — № 2. — СПС «КонсультантПлюс».
11. Наумцева, Е. Г., Кудлай В. А., Кузнецова З. А. Финансово-правовые аспекты сделок синдицированного кредитования в рамках программы «Фабрика проектного финансирования» // Банковское право. — 2020. — № 2. — СПС «КонсультантПлюс».
12. <https://вэб.рф/proyekty>
13. Долинская, В. В. Проблемы законодательства о государственных корпорациях // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 4. — с. 4-17.
14. Боженко, С. Я. О гражданской правосубъектности органов государственной власти // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — с. 47-54.

Борьба против расизма, ксенофобии и дискриминации

Маркова Анна Андреевна, студент
Санкт-Петербургская юридическая академия

В данной статье автор рассматривает проблему нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина, анализируя появление и деятельность экстремистских и националистических группировок, которые часто проповедают ксенофобию и расизм.

Ключевые слова: права человека, права гражданина, ксенофобия, расизм, скинхеды.

Fight against racism, xenophobia and discrimination

Markova Anna Andreevna, student
St. Petersburg Law Academy

In this article, the author examines the problem of violation of the equality of human and civil rights and freedoms, analyzing the emergence and activities of extremist and nationalist groups that often preach xenophobia and racism.

Keywords: human rights, civil rights, xenophobia, racism, skinheads.

Высокий уровень насилия в отношении этнических меньшинств в России чрезмерно детерминирован сочетанием постсоветских социальных и экономических социальных изменений. Таким образом, систематическое расистское насилие в России аналитически ближе к прямому этническому конфликту, чем к форме преступного отклонения, которое можно было бы назвать преступлением на почве ненависти.

Ксенофобию можно в целом определить как выражение негативного отношения к представителям различных этнонациональных или этноконфессиональных сообществ (народов) или стран, а также к социальным группам, воспринимаемым как «иностранцы» в сообществе.

Национализм — это не синоним ксенофобии. В обычной жизни национализмом мы называем любую неприязнь к другим этническим сообществам. В академическом английском языке этот термин не имеет оценочного компонента, скорее он близок к понятию «патриотизм» в русском языке. Но если за патриотизмом следует длинный «шлейф» позитивных эмоций, то за национализмом этого нет. Это оценочный научный термин, который используется для того, чтобы описать идентификацию с нацией, со множеством людей, принадлежащих к одному сообществу, объединенному культурой [4].

Устойчивость (повторяемость) таких реакций позволяет утверждать, что такие проявления не являются случайными, а проистекают из навязанных группе убеждений, приобретенных в ходе групповой социализации, из общности «повседневной культуры», воспроизводимой при смене поколений, где негативное отношение к различным «нечленам» группы или сообщества, к которым принадлежит сам ксенофоб, играет важную социальную роль в поддержании основных представлений о том, кто «один из нас», а кто «чужой».

Язык и логика расизма в России, особенно по отношению к чернокожим, не являются органическим развитием. На протяжении всего советского периода афроамериканцы и африканцы посещали, учились и жили в стране с относительно небольшим количеством случаев насилия на расовой почве (хотя один африканский студент был убит в 1963 году). Даже использование расистских выражений было другим. Чернокожих называли «негр» (но без негативных коннотаций, которые это слово носило в США).

Распад Советского Союза привел к идеологическому кризису и кризису идентичности в России. До распада СССР был многонациональным, многокультурным государством с идеологической миссией быть авангардом всемирной коммунистической революции. После этого россияне не смогли понять, кто они такие, какую идеологию им следует принять и где они вписываются в глобальный мир. Первоначальные попытки либерализации, казалось, потерпели сокрушительный провал, и попытки определить себя породили новую форму национализма.

Феномен российских скинхедов начался как небольшое субкультурное движение в начале 1990-х годов, состоящее в основном из подростков, имитирующих стиль и действия своих западных групп. Это было симптомом более общей тенденции, которая охватила множество различных молодежных движений и субкультур после распада Советского Союза. Когда рухнули стены СССР, жители Российской Федерации оказались более подверженными, чем когда-либо, различным западным стилям и тенденциям, которые советское государство на протяжении всего своего существования пыталось либо строго контролировать, либо полностью запретить. В 1990-е и 2000-е годы число скинхедов значительно выросло, что привело к его нынешнему состоянию как особенно популярного ультраправого субкультурного дви-

жения. Скинхеды появились в Англии в конце 60-х годов XX века. Основным принцип претензий, который двигал ими тогда, был классово-территориальный. Группировки стали расистскими в 80-е годы XX века. Тогда же сформировалась идеология движения WhitePower. С точки зрения адептов WhitePower, раса выше нации, а интересы «Белого мира» распространяются поверх узкополитических и узконациональных интересов отдельных белых народов, представляя собой этакий «белый интернационал». Поэтому расология WhitePower предполагает гораздо более широкий формат содружества белых наций с включением в идею «Белого мира» и «Великой Белой Европы» славян и некоторых других белых народов, считавшихся Гитлером неполноценными. [3].

Начиная с 90-х годов, люди были обеспокоены лишением жилья, уровнем преступности, системой здравоохранения, занятостью, отсутствием государственных услуг, а также невыполненными обещаниями, касающимися пропасти между правительственной риторикой и государственной политикой. В России насчитывается несколько экстремистских и националистических группировок, которые часто проповедуют ксенофобию и расизм. Одной из наиболее крупных и относительно давних экстремистских группировок является Национал-большевистская партия, которая недавно была запрещена после судебного заседания [1].

Открытый национализм, по-видимому, является неотъемлемой частью идеологии скинхедов, но важно деконструировать это предубеждение и выяснить, в какой степени национализм движет и мотивирует действия этих людей, а также каковы основы и причины этих убеждений. Помимо откровенно националистической повестки дня, их идеология включает в себя нечто большее, чем просто патриотические чувства по отношению к русской нации. Российские скинхеды, как известно, совершили большое количество насильственных преступлений против иностранцев в России, утверждая, что защищают русскую нацию, нападая на иммигрантов, иностранных студентов и российских граждан, которые не являются этнически русскими. Так, например, в ночь с 16 на 17 сентября 2019 года в Санкт-Петербурге около одного из домов по Среднеохотинскому проспекту двое молодых людей напали на гражданина Узбекистана. По предварительной

версии, конфликт произошел на почве национальной неприязни. В полиции отметили, что у задержанных есть татуировки охраняемых отделений Третьего рейха и СС [2].

Из-за значительного падения уровня жизни обеспеченные мигранты сегодня негативно воспринимаются местными жителями, часто исходя из предположения, что они приобрели свое богатство за свой счет. Большинство мигрантов работают чернорабочими; они убирают улицы, собирают мусор и работают на строительстве. В экономическом и социальном плане большинство мигрантов находятся в худшем положении, чем местные жители. Правительство предприняло мало мер по интеграции мигрантов в российское общество, оставив местное население справляться в одиночку.

Кроме того, неприязнь к чеченцам и кавказцам подпитывается серией террористических актов и чеченскими войнами. Сегодня во всем мире отмечается рост этнической, религиозной и расовой ненависти, что неизбежно повлияло на изменение российского порядка. Глобализация имеет неоднозначные последствия: с одной стороны, она стандартизирует образ жизни, а с другой — провоцирует массовую миграцию и тенденцию обвинять аутсайдера в социальных проблемах.

Известно, что скинхеды нападают на представителей различных субкультур, таких как панки и поклонники хип-хопа, и в последние годы все чаще наблюдается всплеск нападений на ЛГБТ-россиян, совершаемых скинхедами и неонацистами.

В заключение следует отметить, что и русское движение скинхедов, и внесли большой вклад в рост русского национализма. После всплеска националистических и ксенофобских настроений среди российского населения и движение скинхедов, многие приняли национализм как отдельную часть своих политических программ, активно распространяя идеологию среди российской молодежи. Рост ультраправого национализма среди этой части населения в конечном итоге создаст проблемы для будущего многонациональной и многокультурной нации. Важно наблюдать за тем, какое влияние эти поколения группировок оказывают на тех, кто моложе их, и в каком направлении движется нация в долгосрочной перспективе, когда представители сегодняшней молодежи начнут занимать властные позиции и приобретут влияния в обществе.

Литература:

1. Верховный суд запретил деятельность НБП. — Текст: электронный // Коммерсантъ: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/793595> (дата обращения: 18.05.2021).
2. В Петербурге скинхеды напали на гражданина Узбекистана. — Текст: электронный // ВестиRU: [сайт]. — URL: <https://www.vesti.ru/article/1318419> (дата обращения: 18.05.2021).
3. Движение скинхедов WhitePower: история создания, идеология. Справка. — Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20081028/153936359.html> (дата обращения: 18.05.2021).
4. Соколов, М. Национализм как понятие/М. Соколов. — Текст: электронный // ПостНаука: [сайт]. — URL: <https://postnauka.ru/video/427> (дата обращения: 22.05.2021).

Проблемы квалификации использования рабского труда и торговли людьми в Российской Федерации

Маркова Анна Андреевна, студент
Санкт-Петербургская юридическая академия

В научной статье рассматривается торговля людьми как один из видов преступлений против свободы, чести и достоинства личности. Автор анализирует состояние проблемы в настоящее время, проводя анализ как международного законодательства, так и рассматривая конкретные случаи похищения людей с целью принуждения их к рабскому труду в Российской Федерации.

Ключевые слова: торговля людьми, торговец людьми, принудительный труд, жертва, рабство.

Problems of qualification use of slave labor and trafficking in people in Russian Federation

Markova Anna Andreevna, student
St. Petersburg Law Academy

The scientific article considers human trafficking as one of the types of crimes against the freedom, honor and dignity of the individual. The author analyzes the current state of the problem, analyzing both international legislation and considering specific cases of kidnapping for the purpose of forcing them to slave labor in the Russian Federation.

Keywords: human trafficking, trafficker, forced labor, victim, slavery.

Как отметил Джон Рольф в письме в 1619 году, «20 тыс лишним негров» были доставлены голландским кораблем в зарождающиеся британские колонии, прибыв туда, где сейчас находится Форт Хэмптон, а затем Пойнт Комфорт, в Вирджинии [2]. Хотя порабощенные африканцы были частью португальской, испанской, французской и британской истории по всей Америке с XVI века, пленники, высадившиеся в Вирджинии, вероятно, были первыми рабами, прибывшими в страну, которая станет Соединенными Штатами 150 лет спустя. На протяжении XVII-го и XVIII веков людей похищали с африканского континента, принуждали к рабству в американских колониях и эксплуатировали для работы в качестве наемных слуг и бесплатной рабочей силы в производстве таких культур, как табак и хлопок. К середине XIX века экспансия Америки на запад и движение за отмену рабства спровоцировали большие дебаты по поводу рабства.

Сегодня торговля людьми является формой рабства современного общества. Нарушение прав человека, являющееся преступлением как против личности, так и против государства. Торговля людьми является одной из форм насилия в отношении ее наиболее частых жертв: женщин и детей. Она также является одной из форм противоправного вмешательства в сферу международного семейного права, поскольку отдельные виды торговли людьми связаны с искажением или недобросовестным использованием законных семейных порядков. Торговля людьми представляет собой вид нелегальной предпринимательской деятельности, который в некоторых случаях исполь-

зуют для своей выгоды международные миграционные потоки [9].

30 июля 2010 года своей резолюцией 64/293 [8] Генеральная Ассамблея одобрила Глобальный план действий ООН по борьбе с торговлей людьми [6] в котором обратилась ко всем соответствующим органам ООН с решительным и настоятельным призывом координировать усилия для эффективной борьбы с торговлей людьми и для защиты прав человека жертв такой торговли.

Каждый год миллионы мужчин, женщин и детей становятся жертвами торговли людьми по всему миру, в том числе и в России. Это может произойти в любом сообществе, жертвы могут быть любого возраста, расы, пола или национальности. Торговцы людьми могут использовать насилие, манипуляции или ложные обещания хорошо оплачиваемой работы или романтических отношений, чтобы заманить жертв в ситуацию, когда они окажутся беззащитны.

Большая часть торговли людьми в России сегодня принимает форму принудительного труда, и ее жертвами в основном являются рабочие-мигранты из Центральной Азии, Украины, Вьетнама, Китая, Нигерии и Северной Кореи. По оценкам, ежегодно в Россию мигрируют четыре миллиона рабочих. Эта массовая миграция в Россию каждый год одновременно обеспечивает прикрытием для торговцев людьми для найма рабочей силы и делает мигрантов более уязвимыми. Торговцы людьми обещают потенциальным жертвам документы, необходимые для пересечения границы, и высокоопла-

чиваемую работу, а затем заманивают их в ловушку принудительного труда, удерживая проездные документы, отказываясь выплачивать заработную плату или подвергая их физическому или психологическому насилию. Этот вид торговли людьми в значительной степени затрагивает мигрантов из Центральной Азии, но более организованные группы по торговле людьми также эксплуатируют мужчин и женщин из Нигерии. Кроме того, торговцы людьми либо вербуют, либо «накачивают» жертву наркотиками и похищают ее.

Это случилось с Антоном Погореловым, который уехал из Нижнего Новгорода в Москву в поисках работы. Он попросил незнакомого человека на закурить. Они разговорились, и незнакомец предложил ему «хорошую работу у моря» вместо переезда в Москву. Погорелов согласился и охотно последовал за незнакомцем на кирпичный завод в Дагестане. Владелец фабрики заплатил вербовщику 18000 рублей и сказал Погорелову, что ему нужно будет работать, чтобы погасить долг, который понес владелец. Теоретически зарплата Погорелова в 10000 рублей в месяц должна была быстро закрыть долг, но, когда Погорелов попросил отправить его домой через три месяца, ему было отказано. Владелец фабрики сказал, что стоимость сигарет и алкоголя, которые ему давали каждый день, были взяты из его зарплаты, так что он еще не погасил свой предполагаемый долг. Даже если бы он это сделал, у Погорелова не было ни документов, ни возможности связаться со своей семьей, и, конечно, не было возможности оплатить проезд домой. Невероятно, но всего через несколько месяцев он был освобожден неправительственной организацией по борьбе с торговлей людьми «Альтернатива», но многие проводят десятилетия, работая в настоящем современном рабстве [3].

Следственными органами СК России по Санкт-Петербургу возбуждено уголовное дело в отношении 20-летнего мужчины, по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми). По версии следствия, подозреваемый с целью поиска женщины для использования ее в рабском труде и сексуальной эксплуатации на территории Республики Египет, познакомился в сети Интернет с 19-летней местной жительницей, которой сообщил ложные сведения о выезде за границу под предлогом ее религиозного обучения. В де-

кабре 2020 года прибыв в Санкт-Петербург, он при личных встречах убедил потерпевшую в необходимости оставления места ее постоянного жительства и незамедлительного выезда за пределы Российской Федерации, после чего приобрел для них авиабилеты на рейс авиакомпании сообщением Санкт-Петербург-Стамбул [5].

В 2000 году определение торговли людьми появилось в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, который приняла Генеральная ассамблея ООН. В России протокол ратифицирован. Согласно статье 3 этого протокола, торговля людьми — это «осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо [7].

В России торговля людьми определяется еще и как купля-продажа человека. Это прописано в статье 127.1 Уголовного кодекса РФ [1]. Но куплю-продажу, можно доказать только тогда, когда это продажа ребенка, в момент передачи денег. В отношении взрослых выявить куплю-продажу, то есть саму торговлю людьми, практически невозможно.

В 2020 году судья Верховного суда РФ сообщил, что число осужденных за торговлю людьми в России значительно снизилось: с 48 человек в 2015 году до 16 человек в 2019 году [4].

Таким образом, на данный момент торговля людьми, которая является одним из видов преступления против свободы, чести и достоинства личности все еще сохраняется. Жертвами трудового рабства зачастую становятся мужчины, а жертвами сексуального — женщины. Жертв обманывают, обещая им выгодные трудовые условия или встречу с предполагаемым избранником, сохраняются также случаи одурманивая жертв психотропными веществами. Несмотря на ратификацию Россией множества документов ООН, Российская Федерация не способствует поиску жертв в должной мере. Дополнительной проблемой является и факт доказывания данного вида преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954
2. 400 лет со дня рабства: хронология американской истории. — Текст: электронный // The Guardian: [сайт]. — URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/aug/15/400-years-since-slavery-timeline> (дата обращения: 18.05.2021).
3. Антон Погорелов о своем рабстве в Дагестане | Движение Альтернатива. — Текст: электронный // YouTube: [сайт]. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=nUH_ZkIb63o (дата обращения: 18.05.2021).
4. В Верховном суде сообщили о снижении числа осужденных за торговлю людьми. — Текст: электронный // Tass: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/9010073> (дата обращения: 22.05.2021).
5. В Санкт-Петербурге задержан мужчина, подозреваемый в торговле людьми. — Текст: электронный // Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Санкт-Петербургу: [сайт]. — URL: <https://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1525402/> (дата обращения: 18.05.2021).

6. Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/gp_trafficking.shtml (дата обращения: 18.05.2021).
7. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 18.05.2021).
8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 30 июля 2010 года. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/479/43/PDF/N0947943.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.05.2021).
9. Торговля людьми. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: <https://www.un.org/ru/rights/trafficking/> (дата обращения: 18.05.2021).

Уголовная ответственность за взяточничество: вопросы теории и практики

Михайлюк Александра Владиславовна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

*В статье исследуются вопросы теории и практики уголовной ответственности за взяточничество.
Ключевые слова: уголовная ответственность, взяточничество, коррупция, государственная служба.*

Criminal liability for bribery: questions of theory and practice

*The article examines the theory and practice of criminal liability for bribery.
Keywords: criminal liability, bribery, corruption, public service.*

Одним из направлений деятельности государства выступает обеспечение безопасности, которая подразумевает под собой комплекс мер защиты по охране определенных отношений. Одним из таких разновидностей отношений выступают правоотношения, которые складываются в сфере государственной службы, которая традиционно подвержена криминогенным явлениям, крайне негативно влияющим на государственные и общественные процессы.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрена отдельная 30 глава, которая посвящена преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [1]. Для нас в настоящей статье интерес представляет такой состав преступления как взяточничество.

М.А. Подгрушный полагает, что «взяточничество и коррупция — явления взаимосвязанные и взаимообусловленные, сопутствующие, следующие друг за другом» [3].

Б.В. Сидоров, А.Ш. Балаев определяют взяточничество как «относительно самостоятельное негативное социально-правовое явление, ставшее элементом, определяющим сущность негативной стороны современного рыночного общества, пронизанного коррупцией, избравшего ос-

новным способом существования «благополучной» части общества незаконное обогащение» [2].

На основании статьи 290 УК РФ можно выделить следующие специфические признаки взяточничества:

- субъект является специальным, т.е. в качестве такого рассматривается исключительно должностное лицо, а также лицо, которое занимает государственную должность;
- субъект обладает набором полномочий, который у него имеется в силу занимаемой должности;
- происходит нарушение функционирования органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления.
- получение взятки, которая носит незаконный, имущественный характер;
- получение взятки происходит за действия или бездействия должностного лица;
- субъективная сторона заключается в прямом умысле [4].

В практике применения российского уголовного законодательства возникает немало спорных вопросов, которые касаются юридической квалификации составов коррупционных преступлений. Также это затрагивает вопросы взяточничества.

Так, в настоящее время немало вопросов по разграничению таких смежных коррупционных составов преступ-

плений, как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ). Проблемы квалификации вышеназванных составов преступлений заключается в том, что они обладают рядом общих признаков, среди которых мы можем выделить следующие:

— противоправные посягательства затрагивают интересы, которые возникают в сфере государственной службы;

— совершение противоправных действий должностным лицом, который обладает определенным набором служебных полномочий;

— корыстный мотив;

— наличие прямого умысла [4].

Тем не менее, несмотря на наличие схожих черт, вышеназванные составы преступлений имеют принципиальные отличия, которые влияют на квалификацию. Отличия состоят в следующем:

корыстная цель при получении взятки выступает в качестве обязательного признака, при должностном злоупотреблении — альтернативный;

состав должностного злоупотребления сконструирован в законе как материальный, т.е. для его наличия необходимо наступление последствий — существенного нарушения охраняемых российским законодательством интересов, состав получения взятки является формальным [4].

Рассмотрим отдельный пример из судебной практики. Хомушку К.Н. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, то есть в получении взятки в виде денег за попустительство по службе в значительном размере. По итогам судебного разбирательства установлено, что Хомушку К.Н., являясь должностным лицом, начальником ветеринарной службы, действуя из корыстных побуждений, используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, не организовал должный ведомственный контроль за исполнением служебных обязанностей ниже-

стоящим по должности сотрудником — главным ветеринарным врачом ветеринарной службы, у которого с целью личного обогащения сформировал убежденность в ненадлежащем исполнении им служебных обязанностей, под предлогом чего потребовал передачи денег в размере 5000 руб., а также покупки своего личного автомобиля по существенно завышенной цене за непринятие в отношении последнего мер дисциплинарного характера.

Вопреки выводам суда первой инстанции по делу в обвинительном заключении содержатся все необходимые сведения, позволяющие квалифицировать действия Хомушку К.Н. по ч. 1 ст. 285 УК РФ, в частности указаны фактические обстоятельства (место, время, способ, мотивы совершения преступления) Так, со ссылками на должностную инструкцию указаны полномочия Хомушку К.Н., позволяющие считать его должностным лицом, обладающим организационно-распорядительными полномочиями, отмечено что в части получения денежных средств от подчиненного Хомушку руководствовался именно корыстными побуждениями. Из существа обвинения видно, что от действий Хомушку К.Н. были существенным образом нарушены права подчиненного как нижестоящего по службе сотрудника, поскольку он первоначально отказывался от предложений Хомушку К.Н. о покупке его автомобиля, мотивируя это отсутствием денежных средств, а затем, продав свой собственный мотоцикл, дал согласие на приобретение автомобиля, принадлежащего Хомушку К.Н. В результате суд апелляционной инстанции Красноярского краевого суда переквалифицировал действия обвиняемого с ч. 2 ст. 290 УК РФ на ч. 1 ст. 285 УК РФ [4].

Как мы видим, между преступлениями коррупционной направленности проходит тонкая грань, которую органам судебной власти и правоохранительным органам следует учитывать при юридической квалификации. Нами видится необходимым осуществить четкое законодательное регламентирование уголовных правоотношений, которые имеют место в сфере государственной службы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 08.04.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25, ст. 2954.
2. Балаев, А. Ш. Взятничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и правовая характеристика и вопросы совершенствования уголовного законодательства/Балаев А. Ш., Сидоров Б. В. // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — № 2. — с. 157-165;
3. Подгрушный, М. А. Взятничество и коррупция: вопросы терминологии и средства противодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2015. — № 2 — с. 138-143.
4. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник/под. ред. Л. Л. Кругликова. — М.: Проспект. 2018. — 816 с.;
5. Апелляционное постановление № 22-1605/2018 от 29 марта 2018 г. по делу № 22-1605/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Lhqsrp61gHB/> (дата обращения: 18.05.2021).

Пределы судебного усмотрения при применении оценочных понятий гражданского права

Моисеев Никита Дмитриевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Деятельность судей, будучи строго регламентированным процессом, включает в себя элементы логической и субъективной (чувственной) оценки ситуации. При этом ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.] обязывает суд выносить мотивированные акты, т. е. законодательно и логически обоснованные. Как следствие, оценочная деятельность судьи, его собственные умозаключения должны реализоваться в разумных пределах, достаточных для обеспечения вариативности законодательных норм в отношении различных практических ситуаций.

Такие ограничения необходимы для предотвращения судебного произвола, который может быть спровоцирован так называемым «судебным усмотрением». Суть понятия «судебное усмотрение» выражается в возможности выбора из нескольких законных альтернатив. Профессор И. А. Покровский раскрывает понятие судебного усмотрения с опорой на морально-этические принципы судьи и общечеловеческие ценности, как «право более свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести» [Покровский И. А., с. 90].

Таким образом, затрагивая тему судебного усмотрения можно говорить о единстве трех начал: законности, логики и морали. Судьям в процессе принятия решений надлежит, прежде всего, ориентироваться на объективные критерии, сопоставляя факты и соответствующие им нормы, выявляя наиболее приемлемый способ правового регулирования в условиях вариативности. Требования этики и морали скорее относятся к личности судьи, выступают в качестве побуждения к подробному исследованию всех обстоятельств дела и тесно связаны с таким правовым явлением, как «судебная политика», т. е. общей системой принципов, на которых строится рассмотрение дел в судах РФ. Судебная политика формируется высшими судами, и, как следствие, занимает главенствующее по отношению к судебному усмотрению положение. Следовательно, судебная политика отражает общую концепцию правоприменения, а судебное усмотрение является одним из элементов, способствующих формированию общей картины.

Применение права — сложный процесс, состоящий из ряда этапов, в каждом из которых присутствуют элементы судебного усмотрения:

— на первом этапе правоприменительного процесса судебного усмотрения при определении фактических обстоятельств юридического дела;

— на втором этапе правоприменительного процесса судебного усмотрения, где судебное усмотрение проявляется посредством выбора правовой нормы, подлежащей применению;

— на третьем этапе правоприменительного процесса судебного усмотрения — при вынесении решения по юридическому делу, когда судебное усмотрение проявляется при определении юридических последствий, вытекающих из конкретного дела [Лобанов И. В., с. 30].

Правовые нормы зачастую содержат понятия и категории, легальное определение которых законодателем не закреплено, включающих целый спектр признаков, характеризующих разнородные предметы, явления, действия, процессы, находящиеся в сфере правового регулирования [Дубинина Е. В., с. 107]. Такие понятия носят название оценочных.

Оценочное понятие представляет собой выраженное в нормах права положение (предписание), в котором закрепляются наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, детально не разъясняемое законодателем с тем, чтобы оно конкретизировалось в пределах зафиксированной в нем общности индивидуальной поднормативной регламентации общественных отношений. Появление оценочных понятий при рассмотрении дела предполагает, что сложившиеся отношения не укладываются в предварительно предусмотренные законодателем или укладываются лишь частично, в связи с чем, на суд возлагается обязанность дополнительно «усмотреть» недостающие элементы. Выражаясь техническим языком, решить проблему, устранить неполадки, несостыковки в ручном режиме, используя собственный аналитический аппарат [Ведерников А. В., с. 420].

Оценочные понятия могут включать в себя различные виды категорий, предполагающих проведение процедуры оценки на основании как объективных (цена, качество), так и субъективных (уважительность, существенность, добросовестность) критериев.

Гражданско-правовая доктрина предусматривает обширное количество вариантов классификаций оценочных понятий по различным признакам. Ввиду ограниченности объема исследования приведем самые распространенные из них.

По содержанию выделяют следующие виды оценочных понятий:

1) Количественные («разумный срок» — ч. 3 ст. 611 ГК РФ, «обычная цена» — ч. 3 ст. 524 ГК РФ).

2) Качественные («необходимые действия» — ч. 1 ст. 513 ГК РФ, «уважительная причина» — ст. 205 ГК РФ).

3) Смешанные («существенное нарушение» — ч. 1 ст. 523 ГК РФ, «неблагоприятные последствия» — ч. 2 ст. 166 ГК РФ).

А.Ф. Черданцев в зависимости от эмпирических свойств, выделяет оценочные понятия, выражающие:

1) Ситуации и состояния («необходимая оборона» — ст. 1066 ГК РФ, «при чрезвычайных обстоятельствах» — ст. 887 ГК РФ, «чрезвычайная ситуация» — п. 8 ч. 1 ст. 20 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ»).

2) Действия («добросовестно» — ч. 1 ст. 167 ГК РФ, «известить в разумный срок» — ч. 2 ст. 187 ГК РФ).

3) Результаты действий (бездействий) («положительный результат» — ч. 5 ст. 753 ГК РФ, «неблагоприятные последствия» — ч. 2 ст. 340 ГК РФ).

4) Причины действий (бездействий) («уважительная причина» — ч. 1 ст. 1155 ГК РФ, «существенное заблуждение» — ч. 1 ст. 178 ГК РФ).

5) Предметы и вещи («ценные товары» — п. 3 ч. 1 ст. 1483 ГК РФ).

Правильное установление пределов судебного усмотрения обеспечивает его законность [Никитин А. А., с. 193]. Рассмотрим, как на практике реализуется процесс судебного рассмотрения, в каких пределах, и с какими проблемами сталкивается судебная система и непосредственно участники судопроизводства.

Одной из фундаментальных категорий гражданского права является срок. Для абсолютного большинства договоров срок выступает существенным условием. Не меньшее значение данная категория имеет в рамках наследственных правоотношений. Напомним, что срок принятия наследства, установленный законодателем, составляет 6 месяцев с момента открытия наследства (ч. 1 ст. 1154 ГК РФ). Однако огромное количество граждан пропускает его по различным причинам. Как отмечается в ч. 1 ст. 1155 ГК РФ, срок принятия наследства может быть восстановлен при наличии у наследника «уважительных причин» его пропуска. Перечень уважительных причин в законодательстве не закреплен, поэтому заявителям приходится полагаться на усмотрение судей в решении данного вопроса.

Так, согласно материалам дела [Решение № 2-5118/2020 от 28 сентября 2020 г.], Гузун Н.Ф. обратилась в суд с просьбой продлить срок принятия наследства. Гузун Н.Ф. случайно узнала об открывшемся наследстве в виде половины квартиры, которое оставила ей Чумина Е.Я. по завещанию, т.к. предполагала, что единственной наследницей является её сестра, Тряпицина О.Ф., ухаживавшая за матерью до её смерти.

Ввиду неприязненных отношений между сестрами Тряпицина О.Ф. вступила в права наследования, сообщив нотариусу, что не знает адрес проживания Гузун Н.Ф. Вместе с тем, представитель Тряпициной сообщил, что Гузун знала о наличии завещания на её имя, т.к. об этом знала их мать, присутствовала на похоронах и вводит суд в заблуждение. Суд счел уважительными причины, по которым Гузун пропустила срок принятия наследства, а до-

воды Тряпициной несостоятельными, и продлил истце срок принятия наследства.

Как показывает практика, незнание об открывшемся наследстве, а также явная заинтересованность прочих наследников в получении чужой доли в наследстве является достаточным основанием для продления сроков принятия наследства. Другой уважительной причиной зачастую выступает почтенный возраст наследника в совокупности с юридической неграмотностью. Среди новых причин восстановления сроков принятия наследства с лета 2020 года фигурирует пандемия коронавируса. Так, Шалинский районный суд восстановил срок принятия наследства К.М. А., единственному наследнику своей матери по причине отсутствия необходимого пакета документов на момент смерти наследодателя и задержки с их восстановлением, вызванной карантинными мерами, продлившимися в РФ с марта по июнь 2020 года [Решение № 2-405/2020 от 24 сентября 2020 г.].

Таким образом, пределы судебного усмотрения в ситуации с восстановлением срока принятия наследства распространяются на анализ объективных доказательств пропуска срока, а в их отсутствие (или при недостаточности) на такие субъективные показатели, как личная заинтересованность других наследников и третьих лиц. Основными критериями для принятия положительного решения выступают последняя воля наследодателя, выраженная в завещании, вступление в право владения недвижимостью без оформления наследства ввиду незнания.

Значительно большие сложности в судебной практике связаны с рассмотрением договоров, заключенных ввиду существенного заблуждения одной из сторон. Существенное заблуждение является одним из самых трудно доказуемых составов оспоримых сделок. Вместе с тем, в отличие от «уважительных причин» понятие «существенное заблуждение» в отношении сделки раскрывается законодателем в ч. 1 ст. 178 ГК РФ, а в ч. 2 приводится перечень условий, при наличии которых заблуждение можно считать «достаточно существенным», а именно:

1) сторона допустила очевидные оговорку, опisku, опечатку и т.п.;

2) сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные;

3) сторона заблуждается в отношении природы сделки;

4) сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой;

5) сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку.

Наибольший интерес в рамках рассмотрения данной категории вызывают споры между юридическими лицами, т.к. предполагается, что организации и индивидуальные предприниматели, будучи профессиональными участни-

ками торгово-рыночных отношений, ориентированными на достижение прибыли, изучают условия сделки до её подписания, просчитывая все возможные риски. Аналогичных соображений придерживаются и судьи, указывая истцам на отсутствие доказательств их незнания обо всех обстоятельствах сделки.

Учитывая сказанное выше, пределы судебного усмотрения при применении оценочных понятий гражданского права, несмотря на кажущуюся расплывчатость данной категории, в большинстве случаев опираются на довольно стандартные представления о том «как должно быть», присущие обществу в конкретный промежуток времени. В этом плане судьям, как и работникам следственных органов, приходится задействовать не только знания в сфере законодательства, но и понимание психологических и интеллектуальных особенностей людей различных возрастов и профессий, особенности их поведения в различных ситуациях.

Опасность использования оценочных понятий заключается в том, что субъект, производящий оценку, рассматривает при этом не какие-то строго заданные критерии, а анализирует свойства предмета, используя не только объективные, но и субъективные критерии (собственный опыт, представления о морали, отношение к определенным

категориям субъектов). Как следствие, полностью избежать влияния «человеческого фактора» на практике оказывается трудно реализуемой задачей, даже при условии высокого профессионализма судей. Как-либо искусственно решить данный вопрос, введя список характеристик оценочных понятий, на сегодняшний день не представляется возможным по причине их переменчивости.

Таким образом, решение вопроса пределов судебного усмотрения при применении оценочных понятий гражданского права видится, прежде всего, в совершенствовании правовых норм, регулирующих общественные отношения в каждой сфере. Например, в рассмотренном нами примере с оспариванием сделки по покупке доли в ООО, истица по факту совершила менее выгодное приобретение, чем планировала. Однако проблемы могло бы и не быть, в том случае, если законодательство обязывало бы продавца доли приложить к договору купли-продажи ряд документов, отражающих реальное экономическое положение организации, и сведения обо всех сделках, заключенных за последние 3-5 лет.

Следовательно, необходима проработка норм, носящих охранительный характер и обеспечивающих, помимо защиты интересов сторон различных отношений, возможность формирования доказательной базы.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. — 08.01.2001. — N 2. — Ст. 163.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — N 32. — ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — N 5. — Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Парламентская газета. — N 224. — 28.11.2001.
5. Ведерников, А. В. Судейское усмотрение в российском арбитражном и гражданском процессе: правовые и социальные аспекты // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — № 27 (3). — с. 419-424
6. Газимагомедов, М. А. Судебное усмотрение как источник судебного правотворчества // Образование и право. — 2019. — № 12. — с. 105-109
7. Дубинина, Е. В. Оценочные понятия в гражданском праве // Инновационная наука. — 2017. — № 04-4/2017. — с. 106-109
8. Иващенко, Е. А. Актуальные проблемы судебного усмотрения по гражданским делам // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2018. — № 8 (24). — с. 9-12
9. Йорг, П. Понятие усмотрения и разграничение с судебным усмотрением // Review of law sciences. — 2017. — № 1. — с. 38-45
10. Какурина, М. В. Злоупотребление процессуальным правом и судебное усмотрение // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — № 1. — с. 176-182
11. Корнилова, А. В. О некоторых аспектах судейского усмотрения в процессе распределения расходов на оплату услуг представителя // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5. — № 2. — с. 125-130
12. Лобанов, И. В. Судейское усмотрение и судебная политика // Евразийский научный журнал. — 2017. — № 4. — с. 30-32
13. Назаров, И. Д. Этико-философский анализ факторов судебного усмотрения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 113-120

14. Никитин, А. А. Законодательное ограничение судебного рассмотрения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 1 (132). — с. 191-197
15. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. — 349 с.
16. Третьякова, Т.Н., Караманукян Д.Т. Понятие судебного усмотрения // International journal of professional science. — 2020. — № 2. — с. 5-8
17. Решение № 2-405/2020-405/2020~М-381/2020 М-381/2020 от 24 сентября 2020 г. по делу № 2-405/2020 // Шалинский районный суд (Свердловская область). — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p5OEL0XcPPUv/> (дата обращения: 03.04.2021)/
18. Решение № 2-5118/2020-5118/2020~М-5213/2020 М-5213/2020 от 28 сентября 2020 г. по делу № 2-5118/2020 // Петрозаводский городской суд (Республика Карелия). — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/04unMx2mtlov/> (дата обращения: 03.04.2021).
19. Решение от 30 сентября 2020 г. по делу № А07-19419/2019 // Арбитражный суд Республики Башкортостан. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Se9EX7uSPCхК/> (дата обращения: 03.04.2021).
20. Решение от 16 октября 2020 г. по делу № А41-10339/2020 // Арбитражный суд Московской области. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/lv1mKarOSnLC/> (дата обращения: 03.04.2021).

Квалифицирующие признаки оценочного понятия гражданского права

Моисеев Никита Дмитриевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье освещена проблема квалифицирующих признаков оценочного понятия гражданского права. Проведен анализ различных подходов к трактовке квалифицирующих признаков оценочного понятия в гражданском праве. Выявлены проблемы в данной области и предложены пути решения данных проблем. Определено текущее состояние по данной проблеме. Автор предлагает свою трактовку квалифицирующих признаков оценочного понятия гражданского права.

Ключевые слова: оценочное понятие, гражданско-правовые отношения, квалифицирующие признаки, гражданское право.

Qualifying features of the evaluative concept of civil law

The article deals with the problem of qualifying features of the evaluative concept of civil law. The analysis of various approaches to the interpretation of the qualifying features of the evaluative concept in civil law is carried out. Problems in this area are identified and ways of solving these problems are proposed. The current status of this problem is determined. The author offers his own interpretation of the qualifying features of the evaluative concept of civil law.

Keywords: evaluative concept, civil law relations, qualifying features, civil law.

Социальные и демократические преобразования, которые происходят в нашем государстве, обуславливаются стремлением к достижению мировых стандартов в области построения правового государства и гражданского общества. Данный факт связан с наличием у правоприменителя возможности собственного усмотрения в процессе реализации нормативных предписаний. Теоретическое и практическое решение данной проблемы возможно через применение оценочных понятий в ходе правового регулирования.

На сегодняшний день одной из доминирующих проблем российского права является обеспечение правильного понимания сущности правовых норм, субъектами правоотношений. В последние годы, активно ведется дискуссия об использовании «оценочных понятий» в гражданском праве.

Впервые, термин «оценочное понятие» в гражданском праве было введен в 1956 году, профессором Харьковского юридического института С. И. Вильнянским, который полагал, что оценочные понятия предоставляют возможность свободной оценки фактов с учетом индивидуальных особенностей определенного случая в ходе применения закона [Вильнянский С. И., с. 14].

Оценочные понятия в гражданском праве встречаются довольно часто. Данный факт обусловлен тем, что усложняется и значительным образом изменяется общественная жизнь, что требует иного законодательного подхода и вызывает повышенный интерес к технике изложения норм в правовых актах.

Оценочные понятия являются по своей природе уникальными, несут в себе особое предназначение, особый

порядок использования. Как отмечает Гараймович Д. А., оценочные понятия являются особой формой неопределенности закона, при этом они играют важную роль в регулировании гражданско-правовых отношений и в ходе правоприменения [Гараймович Д. А. с. 15].

Благодаря оценочным понятиям, гражданская форма получает определенную гибкость, обеспечивается ликвидация пробелов в праве и правовом регулировании. В силу того, что оценочные понятия обеспечивают законодательную экономию, при правильном использовании, они помогают правильно уяснить смысл и сущность правовых норм.

В тоже время, не все неточные понятия, существующие в гражданском праве, могут быть отнесены к оценочным понятиям. Для определения понятия как оценочного, необходимо выявить его квалифицирующие признаки.

Васильев Д. Ф. полагает, что квалифицирующими признаками оценочных понятий в гражданском праве, являются следующие:

1. Квалифицирующим признаком оценочного понятия является невозможность придания ему четкого определения, что вызывает у суда сложности в процессе его толкования;

2. Отсутствие в оценочном понятии указания субъекту права на совершение определенных действий или бездействий. В связи с этим, в оценочном понятии намеренно содержится возможность правоприменителя наполнить данную категорию определенным содержанием, с учетом внешней обстановки и иных обстоятельств дела [Васильев Д. Ф., с. 41].

В правовой литературе сформулированы следующие квалифицирующие признаки оценочных понятий в гражданском праве:

1. Для оценочных понятий характерным является открытость логической структуры;

2. Правовая норма, содержащаяся в оценочном понятии, может быть как диспозитивной, так и императивной, в тоже время, содержит в себе открытый ряд комбинаций, применяемых различным образом, в зависимости от ситуации;

3. Для оценочного понятия всегда характерной является свобода усмотрения. Как отмечает Чеговадзе А. А., признаком оценочной категории является альтернатива выбора условий ее осуществления. Однако, правоприменитель может выбирать не любое поведение, а учитывать границы регулируемых отношений [Чеговадзе А. А., с. 84.];

4. Одним из квалифицирующих признаков оценочного понятия является его обязательное правоприменение, поскольку содержание оценочного понятия напрямую зависит об определенной обстановки, при которой правоприменитель, адаптирует ситуацию и определяет признаки содержания оценочного понятия, совершает выбор определенного поведения;

5. Для оценочного понятия, как и для любого правового явления, характерным является синтез субъек-

тивного и объективного. Лысенко Е. С. говорит о том, что в объективную часть оценочного понятия входят объективные свойства определенного предмета, представление о котором имеется у субъекта. Что касается субъективной части оценочного понятия, то она представляет собой тот смысл, который вкладывает в оценочное понятие субъект правоприменительной практики, соответствующий его представлению о свойствах и качествах предмета [Лысенко Е. С., с. 56].

6. Для реализации правовой нормы, которая содержится в оценочном понятии, не является достаточным установить фактические обстоятельства дела, необходимо также установить само содержание оценочного понятия субъектом, который ее применяет с учетом определенных обстоятельств дела.

7. Оценочные понятия не носят автономный, самостоятельный характер. Данный факт обусловлен тем, что оценочное понятие находится во взаимосвязи с реальным миром не напрямую, а опосредовано, только лишь в сочетании с системой человеческого мнения и оценки, наполняет оценочную категорию содержанием.

Лукьяненко М. Ф. справедливо отмечал, что оценочным понятиям характерны общие признаки, которые характерны для правовых явлений, однако они также наделены особыми квалифицирующими признаками, обусловленные целями гражданско-правового регулирования, содержанием тех отношений, которые они регулируют, а также и их характером [Лукьяненко М. Ф., с. 23]. Она выделяет следующие квалифицирующие признаки оценочных понятий в гражданском праве:

1. Поскольку для большей части гражданских правоотношений является характерным распределение прав и обязанностей между субъектами, каждая из сторон выступает не только обладателем прав, но и носителем обязанностей. Оценочные понятия гражданского права, в отличие от оценочных понятий административного, уголовного права, применяются не в связи с правонарушением, а в ходе осуществления прав и исполнения обязанностей участников гражданско-правовых отношений.

2. Следующим квалифицирующим признаком оценочного понятия гражданского права является ярко-выраженная диспозитивность правового регулирования;

3. В ходе осуществления своих прав, граждане и юридические лица не должны нарушать охраняемые права других лиц, призваны соблюдать основы нравственности и иные постулаты. Данные общие правила также относятся к оценочным понятиям, которые служат его границами. Показателем границ, при применении оценочного понятия служит нормы нравственности и морали, которые не заменяют правовые нормы, но при этом служат вектором действий участников гражданских правоотношений.

В целом Лукьяненко М. Ф. говорит о том, что специфика, главный квалифицирующий признак оценочных понятий в гражданском праве это проявление их диспозитивности в праве.

Голубцов В. Г. выделяет следующие квалифицирующие признаки оценочных категорий гражданского права:

— диспозитивность и наличие возможности выбора содержания самого оценочного понятия не независимо от судебной практики или обычаев делового оборота, деловых обыкновений;

— в отличие от оценочных понятий административного, уголовного, конституционного права, оценочные понятия гражданского права закрепляются не только в гражданском законодательстве, но и договорах и сделках;

— в отличие от оценочных понятий, которые имеют в отраслевых науках, оценочные понятия гражданского права, исходя из смысла цивилистики, наименьшим образом подвержены унификации, что предопределяется наличием принципа равенства участников гражданского оборота [Голубцов В. Г., с. 41].

Таким образом, в доктрине сложилось понимание оценочных понятий в гражданском праве, как нечетких, абстрактных категорий, характеризующих различные явления правовой действительности, и содержащие в себе общие признаки обобщаемых явлений [Седова Н. А., с. 118]. Учитывая данное определение можно полагать, что главным квалифицирующим признаком оценочных понятий является наличие специально неконкретизированного содержания оценочного понятия, имеющие важное значение для правоприменителя.

В современной науке имеется двоякое отношение к возможности закрепления оценочных понятий в гражданском законодательстве. Так, ряд исследователей отмечают лишь позитивный окрас наличия оценочных понятий в гражданском законодательстве, расценивая их как достижения юридической техники [Лукьяненко М. Ф., с. 45].

Другие ученые-теоретики, заявляют, что наличие норм с оценочными понятиями, ведет к особой роли судебного усмотрения в ходе правоприменения. Речь идет о высокой степени субъективизма судьбы в ходе формирования судебного усмотрения в данной сфере [Диденко А. А., Кобылинский Н. Д., с. 495].

Очевидно, что основная роль в трактовке оценочных понятий принадлежит суду. В связи с этим, видится интересным рассмотрение квалифицирующих признаков оценочного понятия гражданского права на конкретных примерах. Обратимся к применению такого оценочного понятия как «необоснованная выгода» кредитора. В п. 73 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 необоснованная выгода кредитора толкуется как возможный размер убытков кредитора, которые могли иметь место при нарушении обязательства, ниже начисленной неустойки [«Бюллетень Верховного Суда РФ», № 5, май, 2016].

В судебной практике наиболее часто критериями необоснованной выгоды кредитора служат соотношение основного долга и неустойки, незначительный период образования задолженности, наличие добросовестного поведения ответчика по исполнению основной обязанности [Решение от 10 июля 2019 г. по делу № А56-99515/2018].

Такое оценочное понятие злоупотребление правом довольно часто встречается в судебной практике. Если будет установлено, что одна из сторон имела недобросовестное поведение, то суд, с учетом обстоятельств дела, характера и последствий, к которым привело данное поведение, может отказать в защите прав данной стороне.

Примером может служить случай, когда генеральный директор компании, заранее зная о том, что на заседании совета директоров будет разрешаться вопрос досрочного прекращения его полномочий, не явился на данное заседание. Данное решение совета директоров было принято единогласно. Впоследствии бывший директор компании обратился в суд, с требованием о признании данного решения совета директоров незаконным. Как аргумент в свою пользу он указал, что в уставе общества предусмотрено, что решения совета директоров по вопросам назначения и досрочного прекращения полномочий генерального директора принимаются не менее чем пятью голосами при обязательном присутствии на заседании всех членов совета директоров [Решение от 30 июля 2020 г. по делу № 2-625/2020].

К выводу о злоупотреблении правом, пришел суд в Определении об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-14817 от 28 октября 2019, дело № А53-3054/19. В данном деле акционер действовал на спорном собрании с целью причинения вреда иным акционерам и получения необоснованного контроля над обществом в обход закона. Основываясь на этом, суды исключили из итогов голосования результаты голосования привилегированными акциями, принадлежащими акционеру.

В Определении Верховного суда РФ от 03.02.2018 г. по делу № 32-КГ14-18 суд следующим образом разъясняет, что злоупотребление правом будет иметь место в случае, когда субъект действует против нормы, которая предоставляет ему право, ставя свои интересы против общества и государства, не исполняя свои юридические обязанности [Определение Верховного суда РФ от 03.02.2018 г. по делу № 32-КГ14-18].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что оценочные понятия содержатся в нормах гражданского законодательства и используются при правовом регулировании. Наличие оценочных понятий в гражданском законодательстве обусловлено необходимостью правового регулирования отношений, в которых порядок поведения их субъектов носит динамичный, изменчивый характер, в зависимости от определенной обстановки и иных факторов.

Сущность и своеобразие оценочного понятия раскрывается через его квалифицирующие признаки:

1. Оценочное понятие всегда носит формально неопределенное положение, в силу чего не имеется возможным, дать абсолютно точное определение;

2. Законодательное закрепление оценочного понятия происходит посредством обобщения каких-либо процессов, явлений, действий;

3. Применение оценочного понятия осуществляется правоприменителем в зависимости от определенного случая, ситуации.

С учетом сказанного выше можно трактовать оценочное понятие в гражданском праве как закрепленное

в гражданском законодательстве, формально неопределенное положение, образуемое при помощи обобщения процессов, явлений, действий, применяемое в зависимости от определенных обстоятельств дела, с учетом личного внутреннего убеждения применителя права.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 5, май, 2016.
3. Определение Верховного суда РФ от 03.02.2018 г. по делу № 32-КГ14-18// [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/vEtfYeEYg9Zd/> (дата обращения: 02.04.2021).
4. Решение от 10 июля 2019 г. по делу № А56-99515/2018 // [Электронный ресурс]: URL <https://sudact.ru/arbitral/doc/y90JCCOQmhmN/> (дата обращения: 01.04.2021).
5. Решение № 2-625/2020-625/2020~М-249/2020 М-249/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-625/2020// [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/practice/zloupotreblenie-pravom/?page=3> (дата обращения: 02.04.2021).
6. Васильев, Д. Ф. К вопросу о правовой природе оценочных понятий в гражданском праве // Актуальные проблемы юриспруденции и пути их решения. Омск, 11 мая 2017 года с. 41-44.
7. Вильнянский, С. И. Применение норм советского права. // Уч. записки Харьковского юридического института. Вып. 7. — Харьков, 1956. — с. 3-18.
8. Гараймович, Д. А. Оценочные понятия в современном гражданском праве // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. М., 2017 с. 15-20.
9. Голубцов, В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex Russica. 2019. № 8 (153).с. 41-47.
10. Диденко, А. А., Кобылинский Н. Д. Судебная практика как источник гражданского права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2018. — № 112. — с. 495-501.
11. Лукьяненко, М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
12. Лысенко, Е. С. К вопросу об оценочных понятиях в гражданском праве // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (40). с. 56-62.
13. Седова, Н. А. Роль судебного усмотрения при применении оценочных понятий гражданского права: теория и практика // Право и практика. 2018. № 1. с. 118-124.
14. Чеговадзе, А. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2014. с. 84-93.

Злоупотребление процессуальными правами участниками арбитражного процесса

Москвитин Юрий Михайлович, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Ключевые слова: злоупотребление правом; арбитражный процесс; Российская Федерация; судебная практика.

Важной задачей правового регулирования любых общественных отношений является контроль за соблюдением установленных правил и добросовестным использованием имеющихся прав, в том числе, в случае судебного спора. Обращаясь в арбитражный суд стороны спорного правоотношения стремятся как можно скорее разрешить возникшее противоречие и, посредством суда, найти выход из сложившегося тупика. Для достижения

своих целей лица, участвующие в деле, обладают определенным набором прав и обязанностей, которые им необходимо неукоснительно соблюдать. Однако не является редкостью ситуация, когда кто-либо из участников выходит за рамки добросовестного использования отведенного ему набора процессуальных прав и, для реализации своих планов, допускает злоупотребление с целью, например, затягивания процесса. Согласно правилу, уста-

новленному абз. 2 ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), злоупотребление процессуальными правами лицами участвующими в деле влечет для них неблагоприятные последствия, предусмотренные кодексом [1]. Данные неблагоприятные последствия перечислены в ст. 111 и 159 АПК РФ. Однако доктрине и судебной практике нет единства по поводу многих аспектов категории злоупотребления правом. Данная работа нацелена на изучение и выявление существенных признаков злоупотребления правом в арбитражном процессе, отличающих его от одноименного материально-правового института, а также на анализ сложившейся судебной практики по рассматриваемому вопросу.

В первую очередь следует отметить, что АПК РФ не дает легального определения злоупотребления правом, поэтому для выявления содержания данного понятия необходимо обратиться к судебной практике и доктрине. Концепция злоупотребления правом давно и хорошо известна гражданско-правовой доктрине: так, например, И. А. Покровский понимал под злоупотреблением правом осуществление права с целью причинить вред другому лицу [6, С. 113]. Указанное определение нашло отражение в современном подходе к злоупотреблению правом. Рассматриваемый термин напрямую определен в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), которая выделяет три основных аспекта злоупотребления правом [2]:

- осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу;
- действия в обход закона с противоправной целью;
- иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Приведенный перечень является открытым, что представляется обоснованно тем, что при признании того или иного действия в качестве злоупотребления правом следует исходить из целевого критерия, обозначенного в приведенном положении ГК РФ: причинение вреда или иная противоправная цель. Применительно к арбитражному процессу такой противоправной целью представляется любая, не корреспондирующая задачам арбитражного судопроизводства (ст. 2 АПК РФ) и (или) нарушающая принципы арбитражного процесса (например, состязательность или судебное разбирательство в разумный срок). Определение наличия или отсутствия такой цели входит в дискрецию суда, что подтверждается положением п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — ПП ВС № 25), согласно которому поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения [3].

Рассмотренное регулирование относится прежде всего к материально-правовому пониманию злоупотребления правом. Представляется, что с существенной точки зрения злоупотребление материальным и процессуальным правом тождественны: оба имеют в своей основе определенное осуществление определенного права вопреки его назначению [7]. Однако нельзя не упомянуть о важном отличии рассматриваемых понятий: материально-правовое злоупотребление влечет за собой отказ в защите права, а процессуальное — наложение штрафа или судебных расходов. То есть, злоупотребление процессуальным правом представляет собой определенное поведение участника процесса при реализации имеющегося у него права вопреки его назначению, наказываемое штрафом, возложением судебных расходов или отказом в удовлетворении заявления или ходатайства.

Итак, исходя из отсутствия закрытого перечня примеров злоупотребления процессуальными правами очевидно, что в судебной практике есть великое множество примеров злонамеренного использования различных прав. Классифицировать их в сколько бы то ни было уместной форме не представляется возможным, поскольку формы злоупотреблений быстро эволюционируют, а суды со временем квалифицируют все новые и новые действия участников процесса в качестве злоупотребления правом. В качестве основных способов злоупотребления правом выделяют:

- несвоевременное (незаблаговременное) представление документов, заявление ходатайств, заявлений;
- представление документов с недостатками;
- незаблаговременная (поздняя) подача встречного иска лишь с намерением приостановить рассматриваемое дело;
- обжалование актов судов, не подлежащих обжалованию;
- неявка в судебное заседание, непредставление истребуемых доказательств лицом, участвующим в деле;
- ссылка на неполучение корреспонденции по имеющемуся в материалах дела адресу;
- неоднократное обращение в суд по аналогичным основаниям [7].

Наиболее классический пример злоупотребления — неоднократное заявление отводов судьбе. Определение, какое число поданных отводов будет составлять достаточное, чтобы рассматривать действия стороны, как злоупотребление правом, входит в усмотрение судьи. Так, ФАС ДВО счет обоснованными доводы Арбитражного суда Камчатского края, наложившего штраф на истца — индивидуального предпринимателя, обратившегося в суд — за 4 заявленных в ходе судебного процесса отводов судьбе, не имеющих обоснования и законных оснований для удовлетворения [5]. Представляется, что суд правильно квалифицировал имевшее место количество отводов, как неуважение к суду и злоупотребление процессуальными правами, однако следует отметить, что неоднократность чисто теоретически могла быть наказана

и с подачи второго заявления об отводе, в случае, например, если оно ничем не отличается от первого.

Существуют и более экзотические способы злоупотребления правом, например при подаче встречного иска. Так, в одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Омской области, ответчик принял решение подать встречный иск спустя более, чем 3 месяца с момента принятия дела к производству. Более этого, встречный иск был подан менее чем за час до начала судебного заседания, по итогам которого было вынесено решение по делу. В принятии заявления было отказано [4]. Из приведенных обстоятельств явствует, что суд на момент получения встречного иска был готов принять решение. У ответчика же было достаточно времени для подачи упомянутого заявления раньше, а о невозможности совершить соответствующее процессуальное действие раньше ответчик доводов не предоставил. Примечательно, что при принятии встречного иска рассмотрение дела начинается с начала (ч. 6 ст. 132 АПК РФ), то есть, имело место затягивание процесса.

Таким образом, концептуально злоупотребление правом в материально-правовом и процессуально-правовом смысле являются родственными институтами. Они оба в своей основе имеют нарушение некоторых пер-

вооснов, задач, принципов правового регулирования на первый взгляд обличенные в форму простой реализации имеющегося у данного субъекта права. Главное отличие же заключается в мерах ответственности за то или иное злоупотребление: в то время, как материально-правовое злоупотребление означает отсутствие защиты в данном правоотношении, то процессуальное злоупотребление наказывается возложением судебных расходов, наложении штрафа или отказа в принятии ходатайства или заявления. Существуют различные способы злоупотребления процессуальными правами, такие как неоднократная необоснованная подача заявления об отводе судьи, несвоевременная подача встречного иска и т.д. Не существует закрытого перечня подобных нарушений, как и их классификации ввиду того, что суды применяют квалификацию злоупотребления все к новым и новым действиям. Представляется, что в будущем злоупотребление правом не станет полностью определено законом, поскольку исходя из сути регулирования, оценивать является ли данное поведение недобросовестным должен оценивать исключительно суд, а перечислить все возможные случаи в определенном закрытом перечне не представляется возможным.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 8, август, 2015
4. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 29.01.2004 по делу № Ф04/606-5/А46–2004 // СПС КонсультантПлюс Дата обращения: 22.05.2021.
5. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20.08.2012 № Ф03–3655/2012 по делу № А24–3348/2011 Арбитражного суда Камчатского края // СПС КонсультантПлюс Дата обращения: 22.05.2021.
6. Покровский, И. А. Проблемы собственности // Основные проблемы гражданского права // М.: Юрист. — 1998.
7. Арбитражный процесс: Учебник / А. В. Абсалямов, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.

Значение сверхимперативных норм в международном частном праве

Мусихина Анна Михайловна, студент;

Смирнова Екатерина Юрьевна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Нормы непосредственного применения, или «сверхимперативные» нормы права страны суда не подпадают под понятие «публичный порядок», определяемое в российском законодательстве как «основы правопорядка». По мнению О. Н. Садикова, такие нормы (и более того, «сверхимперативные» нормы права третьей страны)

способны в ряде случаев ограничивать начало автономии воли сторон и действие иных коллизионных правил [1, с. 74].

Нормативное определение понятия «сверхимперативные нормы» содержится в Регламенте Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17.06.2008 г.

№ 593/2008 «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I). Так, согласно п. 1 ст. 9 Регламента, под сверхимперативными нормами (понимаются положения, соблюдение которых имеет принципиальное значение для охраны публичных интересов принявшего их государства [2].

Проанализировав данную дефиницию, можно выделить следующие наиболее значимые признаки сверхимперативных норм:

1) целями норм является защита публичных интересов государства, таких как его политическое, социальное и экономическое устройство;

2) нормы имеют принципиальное значение для защиты указанных интересов, что оправдывает их применение к любой ситуации, подпадающей под сферу их действия, независимо от применимого права;

3) нормы имеют особую императивность — помимо того, что от них нельзя отступать во «внутренних» договорах, такие нормы подлежат применению даже в том случае, когда отношение содержит иностранный элемент, и регулируется иностранным правом.

При решении вопроса о возможности признания нормы сверхимперативной, следует также принимать во внимание используемые в ней термины и выражения, а также иные обстоятельства, свидетельствующие о том, что норма была принята в целях защиты основополагающих интересов данного государства [3, с. 89].

Вопрос о взаимодействии коллизионных и императивных норм материального права является на данный момент дискуссионным: способны ли императивные материально-правовые предписания в силу своих особых свойств вытеснять коллизионные нормы, либо же коллизионные нормы обладают приоритетом по отношению к первым?

Однако стоит отметить, что доктрина и практика многих стран сходятся во мнении о существовании «сверхимперативных» норм, которые, не являясь частью «публичного порядка» и функционируя помимо «публичного порядка», действуют в сфере международного частного права независимо от коллизионных правил, практически устраняя их.

Правила раздела VI ГК РФ не затрагивают действие тех императивных норм законодательства РФ, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения) [4].

Соответственно, можно сделать вывод, что нормы могут квалифицироваться как сверхимперативные, если в них самих содержится соответствующее указание или они имеют особое значение. В отношении последних стоит отметить, что вследствие оговорки «в том числе» особое значение этих норм может не ограничиваться соображениями обеспечения прав и охраняемых законом

интересов участников гражданского оборота. Следовательно, круг сверхимперативных норм остается открытым.

При применении права какой-либо страны согласно правилам данного раздела суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно праву этой страны такие нормы являются нормами непосредственного применения. При этом суд должен учитывать назначение и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения [4].

Из данного положения представляется возможным сделать вывод, что сверхимперативные нормы другой страны могут применяться, если право этой страны тесно связано с правоотношением. Примером может служить страна исполнения договора, а также страна, где одна из сторон договора имеет место жительства или основное место предпринимательской деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что применение сверхимперативных норм российского права, о которых речь идет в п. 1 ст. 1192 ГК РФ, является обязанностью суда. Сверхимперативные нормы другой страны «суд может принять во внимание», если сочтет, что для этого есть основания, установленные в законе.

Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» суд применяет к спорным правоотношениям российские нормы непосредственного применения независимо от того, каким правом регулируется это отношение в силу соглашения сторон о выборе применимого права или коллизионных норм. Судам следует учитывать, что не любая императивная норма в значении ст. 422 ГК РФ является нормой непосредственного применения [5].

Императивная норма права имеет особое значение и относится к нормам непосредственного применения, если она имеет своей основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства.

Например, к числу норм непосредственного применения относятся положения российского законодательства, устанавливающие ограничения оборотоспособности определенных объектов гражданских прав (в частности, на приобретение иностранными лицами в предусмотренных законом случаях земельных участков, акций и долей в уставных капиталах определенных хозяйственных обществ и др.), определяющие обстоятельства, препятствующие заключению брака иностранным гражданином на территории РФ (ст. 14, п. 2 ст. 156 СК РФ) [6].

В силу прямого указания закона к числу норм непосредственного применения относятся положения п. 2 ст. 414 КТМ РФ, согласно которым наличие соглашения сторон о выборе применимого права не может повлечь устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с КТМ РФ перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки [7].

Соответственно, как справедливо отмечает Верховный суд РФ в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 г. «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»), в части, не урегулированной нормами непосредственного применения, как раз не исключается применение к спорным правоотношениям права, определенного в соответствии с соглашением сторон о выборе применимого права или коллизионными нормами [5].

На решение проблемы определения круга сверхимперативных норм можно посмотреть с разных сторон. Это будет зависеть от отношения указанных норм к нормам *lex fori*, так называемым нормам права страны суда или к нормам права третьих стран.

К числу сверхимперативных следует также отнести предписания п. 2 ст. 414 КТМ РФ 1999 г., не допускающие устранение или уменьшение ответственности перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо за просрочку их доставки посредством соглашения сторон о подлежащем применению праве.

Наиболее противоречивые оценки даются доктриной и законодательной практикой относительно возможности применения императивных норм права третьих стран.

Так, ст. 7 (1) Римской конвенции (воспроизведенную в п. 2 ст. 1192 ГК РФ) некоторые страны связывают со слишком большим вмешательством в процесс выбора применимого права, что с точки зрения сторон договора вносит неопределенность и непредсказуемость в меж-

дународную торговлю. Поэтому в Регламенте «Рим II» в окончательной редакции положение об императивных нормах третьих стран было удалено.

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит отметить, что несмотря на закрепление в Регламенте Рим I легальной дефиниции сверхимперативных норм, вопрос об их определении по-прежнему остается дискуссионным. Поскольку при толковании термина «публичный интерес» (который является одним из основных критериев сверхимперативности норм) возникают многочисленные проблемы, представляется возможным предложить отечественному законодателю сформировать собственный, свойственный российскому праву подход к толкованию данной категории.

В заключение, хотелось бы предложить следующее определение сверхимперативных норм отечественного законодательства, которое представляется авторам наиболее полным и отражающим суть данного понятия: сверхимперативные нормы международного частного права (нормы непосредственного применения) — это отдельные предписания отечественного законодательства, относящиеся к категории императивных норм, имеющие материально-правовой характер, безусловный характер действия и нацеленность на защиту наиболее значимых интересов государства или отдельных категорий лиц, подлежащие применению к отношениям, осложненным иностранным элементом, независимо от выбранного сторонами или определенного судом или международным коммерческим арбитражем права.

Литература:

1. Садиков, О. Н. Императивные нормы в международном частном праве / О. Н. Садиков // Московский журнал международного права. — 1992. — № 2. — с. 71-84. — Текст: непосредственный.
2. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17.06.2008 г. № 593/2008 «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I). — URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040001/> (дата обращения: 17.03.2021). — Текст: электронный.
3. Засемкова, О. Ф. «К вопросу о понятии и признаках сверхимперативных норм международного частного права» / О. Ф. Засемкова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2016. — № 4. — с. 86-91. — Текст: непосредственный.
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации Часть 3.: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.10.2019: [принят Государственной Думой 1 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года]. — Москва, 2019. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Российская Федерация. Верховный суд. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09.07.2019 № 24 — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
6. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 04.02.2021: [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]. — Москва, 2021. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
7. Российская Федерация. Законы. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.05.2021: [принят Государственной Думой 31 марта 1999 года: одобрен Советом Федерации 22 апреля 1999 года]. — Москва, 2021. — Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Понятие «социальное обеспечение сотрудников полиции и членов их семей»: теоретический анализ сущности и содержания

Овсянников Денис Айдарович, слушатель
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

В статье на основе теоретического анализа научной литературы и нормативных правовых актов, регламентирующих социальное обеспечение в органах внутренних дел, сформулировано определение понятия «социальное обеспечение сотрудников полиции и членов их семей», определено его содержание и сущность, проведен сравнительный анализ понятий «социальное обеспечение сотрудников полиции и членов их семей», «социальная защита сотрудников полиции и членов их семей».

Ключевые слова: сотрудник полиции, социальное обеспечение сотрудника полиции и членов их семей, социальная защита сотрудников полиции и членов их семей.

Политические и экономические потрясения, деструктивные общественные процессы, обусловленные, в том числе, и пандемией коронавирусной инфекции, как следствие — обострение криминогенной активности как в мире в целом, так и в России, в частности, обуславливают повышение значения эффективной деятельности органов внутренних дел в новых условиях современной жизни. На органы внутренних дел Российской Федерации возложен широкий спектр важнейших для обеспечения стабильности в обществе задач. Полиция наряду с другими правоохранительными органами выступает в соответствии с Конституцией Российской Федерации гарантом обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина, равенства всех перед законом, гарантом обеспечения общественного порядка, встает на защиту жизни, неприкосновенности, чести и достоинства личности, является частью, единой системы обеспечения защиты конституционных прав человека и гражданина на государственном уровне [1].

Исходя из значимости для общества и государства возложенных на современную полицию задач, сегодня актуализируются и вопросы усовершенствования системы социального обеспечения не только сотрудников ОВД, но и членов их семей. От надлежащего исполнения ними своих служебных обязанностей в значительной степени зависит и состояние правопорядка в стране в целом. Таким образом, сотрудник полиции выступает своего рода гарантом как правопорядка, так и стабильности в обществе и государстве. Эффективность выполнения служебных задач сотрудником полиции помимо всего прочего зависит и от уровня благосостояния семьи полицейского, качества его социального обеспечения.

После проведенной реформы органов внутренних дел уровень благосостояния сотрудников ОВД и членов их семей, качество социального обеспечения существенно повысились. Однако определенные проблемы в указанной сфере все еще остаются не решенными. Это касается и эффективности реализации нормативных правовых норм, регулирующих порядок предоставления тех или иных видов социального обеспечения, на практике, а также

пробелов в действующем законодательстве, регламентирующем правоотношения по социальному обеспечению полицейского и членов его семьи.

Сотрудники органов внутренних дел, а в некоторых случаях и члены их семей являются специальными субъектами системы социального обеспечения. Это обусловлено спецификой возложенных на сотрудников задач и выполняемых ими функций.

Эффективность механизма социальной защиты сотрудников полиции и членов их семей «напрямую зависит от качества правового регулирования правоотношений в этой сфере, наличия слаженных механизмов и процедур реализации мер социальной защиты, которые предусмотрены в действующем законодательстве» [2, с. 180].

Социально-правовой статус сотрудника ОВД определяется Федеральным законом от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], ФЗ «О полиции» [3], Закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468- I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» [4], Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] и др. Именно в указанных нормативных правовых актах заложены основы социального обеспечения данной категории служащих. Однако, следует отметить, что ни в одном из приведенных выше актов не закреплено понятие социального обеспечения сотрудников полиции и членов их семей.

Что касается сущности и непосредственного определения указанного понятия, прежде всего, следует отметить, что данный институт прошел долгую историю

формирования и становления. Термин «социальное обеспечение», впервые появился в литературе в 20-30 гг. прошлого столетия, однако трактовался по-разному. Часто его уравнивали с понятием «социальное страхование».

Более глобальные исследования сущности социального обеспечения имели место в 50-70-е годы. Так, например, Е.И. Астрахан под социальным обеспечением понимал «одну из правовых форм материального обеспечения граждан в старости и при нетрудоспособности за счет средств государственного фонда, который образуется путем ассигнований из государственного бюджета» [6, с. 340]. В этом же контексте трактовали указанное понятие и М.Г. Александров, А.Е. Пашерстник, однако указывали на то, что социальное обеспечение распространяется на военнослужащих и некоторые другие категории лиц [7, с. 288-290]. Значительный вклад в определение сущности понятия «социальное обеспечение» был сделан Андреевым В.С., который определял его как «систему социально-экономических мер, связанных с обеспечением матери и ребенка, граждан в старости и при нетрудоспособности, с медицинским обслуживанием и лечением как важное средство профилактики и восстановления трудоспособности» [8, с. 14].

Некоторые авторы считают, что для характеристики особого правового статуса сотрудников полиции необходимо использовать термин «социально-правовая защита». Так, Л.В. Чернышова считает, что понятия социальная и правовая защита не следует трактовать по отдельности. Именно объединение указанных понятий «в единый термин «социально-правовая защита» дает возможность комплексно подходить к решению проблем социально-правового обеспечения сотрудников органов внутренних дел» [9, с. 52].

В действующем законодательстве, регламентирующем социальную защиту сотрудников ОВД и членов их семей закреплен термин «социальная защита». Необходимо определить соотношение терминов «социальная защита» и «социальное обеспечение». По мнению В.М. Самарова, «социальная защита сотрудников ОВД состоит, кроме всего прочего, также и в обеспечении данной категории служащих всеми видами довольствия, а также предоставлении членам их семей льгот, социальных гарантий, различных видов социальной поддержки, компенсаций за условия службы» [10, с. 78].

Однако, на наш взгляд, под социальной защитой сотрудников полиции и членов их семей следует понимать систему государственных гарантий правового, экономического и организационного характера, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и (или) социального положения сотрудников ОВД, а в случаях, предусмотренных законодательством РФ, членов их семей, при наступлении социально значимых обстоятельств, признаваемых государством таковыми.

Под социальным обеспечением сотрудников ОВД и членов их семей следует понимать систему мер материального и нематериального характера, которые применяются государством в целях обеспечения сотрудника ОВД и членов его семьи, и направлены на удовлетворение социально-экономических, бытовых, культурно-образовательных потребностей и создание условий для их достойного существования.

Что касается соотношения указанных понятий, то понятие «социальная защита сотрудников ОВД и членов их семей» шире, нежели понятие «социальное обеспечение сотрудников ОВД и членов их семей», поскольку поглощает его.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. — 2020. № 144.
2. Саранкина, Ю. А. Социальное обеспечение членов семей сотрудников органов внутренних дел: проблемы нормативно-правового регулирования/Ю.А. Саранкина // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 11 (90). — с. 180-181.
3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (редакция от 08.12.2020 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12192456/53070549816cbd8f006da724de818c2e/>
4. О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 года № 3-ФЗ (редакция от 05.04.2021). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://kodeks.systems.ru/zakon/fz-3/>.
5. О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: Закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468- I (в редакции от 01.10.2019 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/100257/>.
6. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ (в редакции от 11.08.2020 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/12188106/paragraph/2:0>

7. Советское трудовое право. М., — 1946. — 344 с.
8. Александров, Н. Г., Пашерстник А. Е. Советское трудовое право. — М., — 1952. — 492 с.
9. Право социального обеспечения: Учебное пособие/Под ред. К. Н. Гусова. — М.: Проспект, 2001. — 344 с.
10. Чернышова, Л. В. Организация социально-правовой защиты сотрудников полиции: Монография. Уфа, 2013. — 213 с.
11. Шамаров, В. М. Организация работы с личным составом ОВД: учеб.-практ. пособие/В. М. Шамаров. — М.: Акад. МВД России, 1997. — 98 с.

Права лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам, на представительство в органах власти

Оказова Яна Аслановна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Все люди, независимо от пола, сексуальной ориентации или гендерной идентичности, имеют право на предоставление им равных возможностей, предусмотренных международным правом в области прав человека, в том числе предоставление им прав. Цель настоящей статьи — проанализировать сложившуюся в мире ситуацию относительно политических прав лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам, используя при этом примеры различных стран.

Ключевые слова: международное право, сексуальные меньшинства, органы власти, права человека.

В настоящей статье речь пойдет о лицах, относящихся к сексуальным меньшинствам и их праве на представительство в различных органах власти и в целом в политической сфере. Зачастую ЛГБТ-представители находят себя в каких-то творческих сферах, особенно это применимо к геям, так как патриархальное общество склонно не воспринимать их как полноценных мужчин, и, если не осуждают и не оскорбляют, то ассоциируют геев с людьми, которые имеют больше возможностей и навыков работы в сфере искусства или красоты. Они представляются в образе стилистов, фотографов, художников, музыкантов. Существует также идея, что ЛГБТ люди являются слишком творческими и более уязвимыми натуры. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что среди лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам большое количество тех, кто выбирают упомянутые области по своей воле. Тем не менее, это не означает, что им не под силу справиться с работой в других областях, кроме искусства и индустрии моды. А если говорить об органах власти, то ситуация несколько иная. Рассмотрим, есть ли в этой сфере предубеждения относительно ЛГБТ-представителей.

Право на равное участие в ведении политических и государственных дел как таковое предусматривается большим количеством международных актов. Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) [4] гласит, что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность: (а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; (b) голосовать и быть

избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; (с) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе. Согласно Замечаниям общего порядка 25 [2] ведение государственных дел представляет собой широкое понятие, связанное с осуществлением политических полномочий, в частности, с реализацией законодательных, исполнительных и административных полномочий. Оно охватывает все аспекты государственного управления, а также разработку и осуществление политики на международном, национальном, региональном и местном уровнях. В статье 21 Всеобщей декларации прав человека [1] закреплено, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей. Каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране. Согласно п. (с) ст. 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [3] государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления политических прав, в частности права участвовать в выборах — голосовать и выставлять свою кандидатуру — на основе всеобщего и равного избирательного права, права принимать участие в управлении страной, равно как и в руководстве государственными делами на любом уровне, а также права равного доступа

к государственной службе. И это лишь малая часть международных актов, закрепляющих такие права. Рассмотрим, как обстоят дела на практике.

Однозначную оценку этому вопросу дать сложно, ведь все зависит от каждой отдельно взятой страны. Если рассматривать Россию, то ситуация в этой сфере довольно печальная, так как об открытости ЛГБТ-сообщества в целом говорить сложно, а о его представителях в органах власти и подавно. Так, например, депутат гордумы Екатеринбурга обвинил местные СМИ в гей-пропаганде по причине того, что те опубликовали историю молодого парня, который рассказал о жизни ЛГБТ-людей в армии [5]. Депутат назвал распространение информации о людях с нетрадиционной ориентацией большой проблемой и интересовался, какую меру воздействия, кроме административного наказания, можно применить, чтобы «остановить распространение содомии в обществе». В связи с таким отношением к теме ЛГБТ не может быть и речи, о том, чтобы кто-то из государственных служащих, депутатов, судей признался бы в своей нетрадиционной ориентации. В некоторых случаях открытость ЛГБТ лиц может даже повлиять на их продвижение по карьерной лестнице. Так, например, Фидес Сайер, депутат Европарламента от венгерской правящей партии, подал в отставку после того, как полиция задержала его на вечеринке с представителями сексуальных меньшинств. Этот случай получил широкую огласку еще и потому, что партия, к которой Сайер принадлежал, заявляла, что стоит на страже традиционных семейных ценностей и выступает против усыновления детей однополыми парами. Это пример краха карьеры, общественного неодобрения и всеобщего осуждения. Но стоит отметить, что значимую роль конкретно в этой ситуации сыграл не только сам факт открывшейся ориентации Сайера, а то, что всю жизнь он принадлежал к партии, выступающей против ЛГБТ. На мой взгляд, это важный показатель, так как очевидно, что у Фидеса были на то причины, он понимал, что такая позиция выгоднее с точки зрения общества, но жил при этом двойную жизнь.

Если говорить о примерах успешной реализации политических прав лицами, относящимися к сексуальным меньшинствам, то, в первую очередь, стоит отметить Америку, где в феврале 2021 года Джо Байден назначил Пита Буттиджича министром транспорта в США [6]. Это первый открытый гей на позиции министра в истории страны. Более того, он живет в браке с женщиной. Сенат США также поддержал его кандидатуру, подавляющее большинство сенаторов было «за». Это, естественно, вызвало резонанс, а правозащитная организация Human Rights Campaign назвала решение Байдена историческим. Несмотря на то, что некоторые сомневаются в реальном желании президента уравнивать в правах людей, считая, что таким образом пытается заслужить одобрение электората и идти в ногу с прогрессивным обществом, как бы то ни было, он, в любом случае, в каком-то смысле

«вершит историю». Намерения и скрытые мотивы отходят на второй план перед лицом фактов. К тому же, не стоит упираться в статус «гея» или еще какого-то меньшинства, которым уделяет внимание Джо Байден, ведь тот же Пит Буттиджич — невероятно талантливый политик, которого отмечали задолго до его назначения на пост министра транспорта.

Еще один позитивный пример представляет собой Новая Зеландия, парламент которой стал самым дружелюбным к представителям ЛГБТ в мире: из 120 мест в палате 11 заняли представители ЛГБТ-сообщества, то есть 9%. Один из кабинетов парламента для правительственных заседаний даже переименовали в «Радужную комнату» в честь геев и трансгендеров страны [7]. В правительстве Великобритании также работает большое количество открытых геев. Более того, Вахид Алли — открытый гей-мусульманин стал первым членом палаты лордов в парламенте [8]. Людям религиозным и верующим всегда сложнее открыто говорить о своей ориентации, а тем более заявлять о ней на весь мир, но, несмотря на это, такой пример есть и в Тунисе, где главой либеральной партии является открытый гей Мунир Батур, исповедующий ислам [9].

Правительство весьма патриархальной Сербии с 2017 года возглавляет лесбиянка Ана Брнабич, первая женщина премьер-министр страны и первая открытая представительница ЛГБТ на этом посту. Однополые браки в Сербии запрещены, но у Брнабич есть гражданская жена, врач Милица Джурждич [10]. В Ирландии, которая длительное время имела репутацию одной из самых негативно настроенных к ЛГБТ-сообществу стран Европы, и в которой до 1993 года гомосексуальность была наказуема, в 2017 году премьер-министром стал открытый гей Лео Вардакар [11].

Таким образом, мы видим, что ситуация в отношении реализации прав представителей сексуальных меньшинств на представительство в органах власти, а также на равное участие в ведении политических и государственных дел варьируется от страны к стране. Законодательного запрета на участие в ведении политических и государственных дел, как правило, нет и такой запрет противоречил бы всем существующим международным актам и конвенциям, но, тем не менее, на практике людям, занимающим высокие должности, часто сложно открыто говорить о своей нетрадиционной ориентации, так как это может повлиять на их карьеру. Наибольшее количество открытых гомосексуалов на постах в органах власти, конечно, в странах Европы, ведь именно эти страны являются в настоящий момент наиболее толерантными. Но также нельзя не отметить, что в течение последних двадцати лет ситуация, несомненно, сильно поменялась в лучшую сторону и можно наблюдать, как страны, некогда считавшиеся патриархальными, двигаются в сторону уравнивания прав. Хочется надеяться, что эта тенденция будет только развиваться.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека, 10 декабря 1948, Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи.
2. Замечание общего порядка № 25 (участие в ведении государственных дел и право голосовать), 12 июля 1996 года, Комитет ООН по правам человека, 1510-е заседание, пятьдесят седьмая сессия.
3. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 21 декабря 1965, Генеральная Ассамблея, Сборник международных договоров ООН, т. 660, стр. 195.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966, принят Генеральной Ассамблеей, Сборник международных договоров ООН, т. 999, стр. 171.
5. <https://www.e1.ru/text/gorod/2021/02/25/69783023/>
6. <https://www.theguardian.com/us-news/2021/feb/02/pete-buttigieg-confirmed-transportation-secretary>
7. <https://birdinflight.com/ru/novosti/20201019-newzealand-parliament.html>
8. https://datewiki.ru/wiki/Waheed_Alli,_Baron_Alli
9. <https://golosislama.com/news.php?id=36890>
10. <https://www.bbc.com/russian/news-40297007>
11. <https://www.bbc.com/russian/news-40137570>

Замена и отмена принятого вида обеспечения иска

Оросов Санал Джалаевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрывается сущность и особенности применения норм о замене и отмене мер обеспечения иска.

Ключевые слова: иск, отмена мер обеспечения, замена, суд.

Одним из принципов гражданского процесса является принцип состязательности и равноправия сторон, находящий свое отражение и при обеспечении иска. Несмотря на то, что данный институт направлен на защиту имущественных интересов, в первую очередь, истца, ответчику и иным лицам законом также предоставлены процессуальные средства защиты своих прав. К таким средствам можно отнести замену и отмену принятых мер обеспечения иска.

В соответствии со ст. 143 ГПК РФ с заявлением о замене одних мер обеспечения иска другими мерами вправе обращаться лица, участвующие в деле [1]. Так, истец и другие лица, участвующие в деле, могут обратиться с данным ходатайством, если принятая мера обеспечения не гарантирует реальность исполнения судебного акта. В свою очередь, ответчик может просить замены обеспечения, если принятая мера чрезмерно ущемляет его права или наносит ущерб.

Замена одной меры обеспечения на другую возможна, если принимаемая мера соразмерна заявленному требованию, соответствует предмету и характеру спора, а также отвечает целям обеспечения иска. Кроме того, при подаче ходатайства о замене меры обеспечения заявителю необходимо доказать обстоятельства, подтверждающие необходимость замены мер. Суд, в свою очередь, не наделен правом по своей инициативе производить замену мер обеспечения, поэтому при разрешении данного вопроса должен учитывать волеизъявление сторон.

Так, В. обратилась с иском к З., Г. и ООО «Производственная компания «ЛипецкПромСтрой» о взыскании компенсации за неправомерное использование промышленного образца № ... «Буровая машина на базе автокрана МАЗ», на который В. имеет исключительное право. Одновременно Советским районным судом г. Липецка было удовлетворено ходатайство о принятии меры обеспечения в виде наложения ареста на две буровые машины, используемые ответчиком. Ответчики З., Г. обжаловали данное определение, указав, что З. не является собственником автокранов, а лишь пользуется им по договору аренды.

Суд, отменяя определение, постановил запретить ответчику и иным лицам совершать действия по отчуждению и использованию транспортных средств МАЗ. Липецкий областной суд не согласился с судом первой инстанции и указал, что оснований для применения новых мер взамен ранее принятых не было, поскольку ни одна из сторон об этом не ходатайствовала. Также было отмечено, что ответчики не представили доказательств необходимости отмены ранее принятых мер обеспечения [2].

На практике нередко возникают и ситуации, когда суды при замене одной меры обеспечения на другую не исследуют вопрос о том, изменились ли обстоятельства, которые послужили основанием для принятия предыдущей меры обеспечения.

Так, Московским областным судом было отменено определение Орехово-Зуевского городского суда Московской области о замене меры обеспечения, принятое по иску

Ч. к М. о признании договора займа недействительным. Согласно определению, Управлению федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Московской области было запрещено совершать регистрационные действия в отношении помещения магазина «Табак». Ответчик просил заменить данную меру на арест имущества, пояснив, что собирается исполнить финансовые обязательства перед Ч. за счет средств, вырученных от сдачи указанного имущества в аренду, а принятая мера обеспечения не позволяет это сделать.

Ходатайство было удовлетворено, однако Московский областной суд его отменил, ссылаясь на то, что суд первой инстанции не указал, в чем именно проявляется изменение обстоятельств, обусловивших необходимость замены мер обеспечения. К тому же ранее принятая мера обеспечения была заменена на менее эффективную, поскольку арест предполагает запрет на совершение ограниченного круга действий, в отличие от запрета на регистрацию любых сделок с имуществом [3].

Альтернативным способом замены обеспечения является возможность внесения истребуемой истцом суммы на депозитный счет суда. Данный способ замены возможен только по искам о взыскании денежных средств, т. е. по искам о присуждении, и является правом, а не обязанностью ответчика, поэтому суд по своей инициативе не может осуществлять замену таким образом. Среди характерных особенностей данного способа замены можно выделить следующие.

Во-первых, в отличие от общего правила, закрепленного в ч. 1 ст. 143 ГПК РФ, ходатайствовать о таком способе замены обеспечения вправе не любое лицо, участвующее в деле, а только ответчик.

Во-вторых, при удовлетворении ходатайства о замене обеспечения внесением денежных средств на депозитный счет суд обязан отменить ранее принятую меру обеспечения, в противном случае это привело бы к нарушению прав ответчика и сделало данный способ замены мер нецелесообразным.

Еще одним способом защиты прав при обеспечении иска является право ходатайствовать об отмене мер обеспечения. Отмена обеспечения возможна как по заявлению лиц, участвующих в деле, так и по инициативе суда.

Существенной гарантией защиты прав участников процесса является тот факт, что при решении данного вопроса обязательно проведение судебного заседания.

По смыслу статей 140, 144 ГПК РФ меры обеспечения иска могут быть отменены в случаях, когда отпала необходимость в их принятии и сохранении. Так, по иску Е. к ООО «Гуглис» о взыскании задолженности по договору купли-продажи Вологодским городским судом Вологодской области были приняты меры обеспечения иска в виде наложения ареста на имущество ООО «Гуглис». Позднее суд отказал в удовлетворении исковых требований Е. ввиду того, что им не представлено доказательств наличия у гендиректора ООО «Гуглис» личных обязательств перед истцом. Таким образом, учитывая, что необходимость в сохранении ареста отпала, Вологодский городской суд отменил меру обеспечения [4].

К другим основаниям отмены обеспечения иска можно отнести, например, исполнение решения суда, отказ от иска, заключение мирового соглашения, оставление иска без рассмотрения и т. д. Если истцу было отказано в иске, принятые меры сохраняют свое действие до вступления решения суда в законную силу, однако это не мешает судье одновременно с решением вынести определение об отмене принятых мер обеспечения. Если иск был удовлетворен, принятые меры сохраняют свое действие до исполнения решения суда.

Таким образом, замена и отмена обеспечения иска являются эффективными способами защиты прав лиц, участвующих в деле. Так, замена одной меры на другую, с одной стороны, позволяет защитить как интересы лица, в чью пользу приняты меры обеспечения если принятая мера не может полностью гарантировать исполнение решения, так и интересы ответчика, если мера обеспечения чрезмерно ущемляет его права. Отмена обеспечения, в свою очередь, ликвидирует те ограничения прав ответчика, в которых отпала необходимость. Анализ судебной практики показал, что суды зачастую допускают ошибки при применении норм о замене или отмене мер обеспечения, поэтому необходимо более тщательно исследовать обстоятельства, послужившие основанием для изменения или отмены мер обеспечения, а также учитывать волеизъявление сторон при разрешении данного вопроса.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46 ст. 4532.
2. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 11 октября 2017 года по делу № 33–3714а/2017. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 01 июня 2016 года по делу № 33-14920/2016. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Решение Вологодского городского суда Вологодской области от 12 октября 2020 года по делу № 2-5907/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 23.05.2021).

Социальная солидарность, развитие прав человека в современном мире и проблемы их реализации

Петриков Александр Алексеевич, студент

Научный руководитель: Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

Статья посвящена рассмотрению особенностей реализации прав человека в России и других стран, анализу их ценностной значимости в государстве, проблем их реализации, а также солидарности отдельных граждан или групп граждан друг к другу в области прав и свобод.

Ключевые слова: Конституция, права человека, социальная солидарность, развитие прав человека, реализация прав в современном мире, правовое государство, толерантность.

Реализация прав и свобод человека и гражданина в современном мире приобрела наиболее важный и весомый характер. Анализируя опыт мировой истории, можно и нужно говорить, что по сравнению с прошлыми историческими эпохами та, в которой мы живем, отличается наиболее развитыми системами права, уровнем демократизации общества, высоким влиянием глобализации на право и т. д.

В настоящее время существует и считается передовым такая форма государства, как правовое государство, в котором главным и незыблемым аспектом его организации является господство права над всеми сферами жизни общества и государства, в котором, как правило, закреплены основные принципы права (законность, гуманизм, демократизм, справедливость и т. д.) и идеи прав и свобод человека, как высшей ценности в этом государстве. Безусловно, говорить о полном торжестве права и безукоризненной его реализации сложно, т. к. еще нет настолько развитых в этой сфере стран, способных полностью отвечать всем критериям правового государства, которые представлены в концептуальном аспекте. Однако существует ряд цивилизованных передовых государств, стремящихся в этом направлении, и, по сравнению с прошлыми историческими эпохами, могут продемонстрировать юридические достижения в области прав человека.

Как уже было сказано, во многих государствах в современном мире господствуют идеи прав и свобод человека как высшей ценности, идеи демократии и господства права. Большинство из них соответствуют общепризнанным нормам международного права, положениям международных договоров, содержащих гарантирование, признание и соблюдение основных прав и свобод человека. Мы можем заметить отражение данных идей в законодательстве этих стран. Как правило, они отражены, как составные части конституционного строя того или иного государства в главном законе — в Конституции.

В Конституции Российской Федерации, а в частности в ст. 1 закреплено [1], что «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». А в ст. 2 закреплено, что «че-

ловек, его права и свободы являются высшей ценностью, и признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [1]. Более подробно основные права и свободы человека и гражданина закреплены во второй главе Конституции РФ.

В Германии, которая, как и Россия является федеративной республикой, положения об основных правах и свободах находят свое отражение в Основном законе Федеративной Республики Германии, а конкретно в первой главе [3]. Что касается США, то положения об основных правах и свободах граждан закреплены в Конституции США в качестве первых десяти поправок, известных как Билль о правах 1791 г. [2]. Впоследствии, были внесены и дополнительные поправки, касающиеся правового статуса граждан США. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что их объединяет главная государственная идея — верховенство, реализация и охрана права человека.

Права и свободы человека неприкосновенны, их защитой занимается государство. Неудивительно их сходство, о чем сказано выше, они не противоречат нормам международного права и отвечают его принципам.

Но, хотя идеи и положения о правах человека в этих государствах схожи, то способы и обстоятельства их реализации, а также вектор развития различны. Причем различия реализации этих прав наиболее заметны при сравнении России и США или России и Германии, но не Германии и США. В последнем случае встречаются схожие проблемы и обстоятельства реализации прав и свобод человека и гражданина на современном этапе исторического развития.

Обстоятельств, играющих важную роль в этом вопросе несколько. Первым по порядку, но не по значимости будет реальный политический строй государств. Развитие и эффективная реализация прав и свобод человека возможны только в случае существования демократии, в случае реального отражения и применения правовых норм и принципов в процессе юридической практики и в повседневной жизни общества, что и происходит в США и Германии (однако настолько сильно, что уже приносит вред этим государствам).

В России, юридически закреплен главный демократический принцип, но фактически развитие прав и свобод человека ограничено и (или) замедлено, а значит и реализация затруднена. Связана данная проблема со многими факторами, которые сыграли свою роль в разное время существования Российской Федерации и в совокупности привели к реальному несоответствию России облику правового, демократического государства, поэтому необходимо рассмотреть, как исправить сложившуюся ситуацию. Главным аспектом, который привел к такому несовершенному состоянию реализации и соблюдения прав и свобод граждан РФ, является гражданская пассивность и недостаточный уровень правовой культуры и правосознания граждан РФ. Часто выходит так, что граждане либо не знают своих прав и свобод в конкретных жизненных ситуациях, либо не могут их реализовать в связи с различными причинами (сложная система и процесс восстановления прав, недоверие к органам власти, должностным лицам и др.).

Важную роль играет исторически сложившийся в России менталитет и обычаи повседневной жизни россиян. В подавляющем большинстве исторических периодов мы можем заметить, что они не участвовали в делах государства и не обладали таким обширным кругом прав и свобод, как в современных условиях, и тех организаций и институтов, обеспечивающих эффективную реализацию имеющихся прав и свобод.

Немаловажную роль играет и политическая пассивность граждан, которые не считают, что право управления государством им реализовывать не стоит по разным личным причинам. Однако, в таком случае, когда общество аморфно, и его трудно назвать гражданским, неудивительно и то, что государственная власть осуществляет свою власть, не основываясь на принципах демократии, т.е. ключевого звена в таком политическом режиме (т.е. «демос») не заметно в делах, касающихся управления государством. Таким образом, главным и наиболее эффективным решением по поддержке развития прав и свобод граждан и их реализации и верховенства права в России, будет повышение гражданской активности граждан, обеспечение развития уровня правосознания и правовой культуры общества.

Если говорить о проблемах, связанных с правами и свободами граждан США и Германии, то они отличаются от проблем в России совершенно полярно. Если в России недостаточно высок уровень развития и реализации прав человека по сравнению с США и ФРГ, где в приоритете находятся государственные, а не гражданские интересы. В США и Германии права и свободы человека являются действительно высшей ценностью, что подтверждается их безукоризненным исполнением и соблюдением, всех тех, кто законно находится на территории данных государств. Но, нередко не соблюдение норм национального законодательства в области реализации прав и свобод, произвольно разрушают эти государства изнутри, способствуют разложению общества

и подрыву безопасности. В Германии наиболее «опасными» для государства, общества и правопорядка категориями населения являются беженцы, которым по «Закону об убежище» («Asylgesetz») [4], а также исходя из обязательных социальных выплат из государственного бюджета «Закон о пособиях просителям убежища» («Asylbewerberleistungsgesetz») [5], предоставляются благоприятные условия проживания в период их пребывания на территории Германии. Учитывая высокий уровень толерантности в этой стране, колоссальной поддержки беженцев со стороны государства, узаконенного предоставления им широкого круга прав неудивительно, что желающих иметь статус беженца в этой стране предостаточно. Но как отражается такой приток иностранцев на правопорядке, государственной целостности и общественной безопасности этой страны? Конечно, Германия, как демократическое, правовое государство соблюдает принцип гуманизма по отношению к иностранцам, проявляя подобные «привилегии» к ним, но, однако, на деле не был учтен тот факт, что, удовлетворяя сполна интересы и права беженцев, ущемляются права немецких граждан. Одними из самых ужасных и вопиющих примеров являются продолжающиеся по сей день стихийные митинги, теракты и покушения на граждан Германии, что, несомненно, подрывает правопорядок и общественную безопасность государства как внутри страны, так и за ее пределами. Учитывая толерантную политику в отношении данных лиц со стороны государства, вполне закономерно подобное поведение. Подавляющее большинство беженцев, прибывших из стран Ближнего Востока, Средней Азии, Северной Африки, с определенной культурой поведения (обычаи, традиции, религия и др.), не могут соответствовать и не соответствуют европейскому укладу жизни. А учитывая то, что им предоставлен широкий круг прав и свобод, закрепленных в законодательстве Германии, они используют их в ущерб правам и свободам других лиц.

В США маргинальные беженцы не являются столь опасной категорией населения, разрушающей государство изнутри и рушащей авторитет правового государства, так как там проблемы с соблюдением прав человека связаны с другими предпосылками. Также как и в Германии, в связи с высоким уровнем толерантности в обществе, в США поддерживаются меньшинства любого рода как государством, так и большими группами населения.

На современном этапе развития этих стран были созданы и развиваются общественные движения, представляющие интересы меньшинств, и борющиеся за их права и свободы. Выделяются эти меньшинства по разным признакам: расовому, национальному, религиозному, биологическому, половому, признакам сексуальной ориентации и др. Однако не всегда реализация данных интересов, в целом деятельность, осуществляемая представителями подобных общественных движений, может соответствовать здравому смыслу, исполнению своих гражданских обязанностей и безопасности государства. Например, активность экстремистского движения «Black

Lives Matter», освещенная в СМИ США и по всему миру свидетельствует о том, что особенности методов и способов выражения своей гражданской позиции, а также цели и требования данной организации переходят границы правомерного поведения [6]. Основной их идеей и целью является уничтожение расовой дискриминации, однако за ней маскируются радикальные настроения, террор и дикарство. «Борцы за права темнокожих» в процессе своих протестов и митингов разрушают исторические памятники, наносят вред здоровью и представляют угрозу жизни другим гражданам. Обвиняют власть в тирании и расизме, что, безусловно, не имеет под собой никаких фактических оснований, наоборот, вполне развитое правовое демократическое государство под гнетом противозаконных, а точнее экстремистских действий рискует превратиться в государство с диктатурой темнокожих, что порождает неравенство в правах, а соответственно разрушает демократический государственный строй и принцип правового государства. Подобных крайне активных и борющихся за свои права и свободы граждан и их объединений в США множество, но также много объединений, деятельность которых неправомерна, их мотивы и действия не соответствуют юридическому осмыслению, а цели не соответствуют нормам морали. И, соответственно, активность и распространённость данных явлений не способствует правильному соблюдению прав и свобод всех равноправных граждан и развитию, а также верховенства права. Таким образом, и в США, и в Германии, развитие прав человека, обеспечение их безукоризненного соблюдения свидетельствует о прогрессивности права. Но прогрессивность затрагивает не все общество в целом, а отдельные общественные группы, свидетельствует о регрессе права и несоблюдении его основных принципов.

Еще одним важным фактором, который влияет на состояние реализации прав во всех трех рассматриваемых

государствах — это фактор социальной солидарности, уровень ее направленности.

В России уровень социальной солидарности по сравнению с Германией и США ниже, так как мы видим, что сплоченности и единства в деятельности по использовании своих прав, и борьбе за них намного меньше, чем в западных государствах. Однако в России для сохранения государственной целостности, безопасности, состояния права, данный уровень намного ниже, чем в США и Германии. Граждане США и Германии становятся солидарны не со здравомыслящими гражданами, права и свободы которых нарушаются и не соблюдаются в связи с деятельностью вредных для государства и права общественных объединений, беженцев и иных опасных лиц, а, наоборот, с этими объединениями и лицами, по мнению которых право по отношению к ним несовершенно, в чем пытаются убедить и других граждан.

Конечно, называть право совершенным ни в одном из трех перечисленных государств невозможно, как и в любой другой стране мира. Страны, которые провозгласили верховенство права лишь стремятся стать такими, развивают право и законодательство вместе с государством в целом. Но проблемы, которые были освещены в данной статье, не позволяют ни одному из трех государств стать правовыми. Они стагнируют развитие права, а в некоторых случаях и способствуют его регрессу, что соответственно не позволит привести к реальным соблюдению и защите прав и свобод человека, а также развитию права в лучшую сторону. Чтобы двигаться в правильном направлении такому молодому государству, как демократическая Российская Федерация, то, устранив проблемы низкого уровня социальной солидарности, гражданской и политической пассивности граждан, низкого уровня правосознания и правовой культуры, в первую очередь следует учесть опыт таких стран, как США и Германия, но и не допускать их ошибок в развитии права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.] (ред. 4.07.2020) // Рос. газ. — 2020. — № 144 (дата обращения: 26.12.2020 г.)
2. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. Текст Конституции в переводе на русский язык [Электронный ресурс]. <https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/>.
3. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. Текст Конституции в переводе на русский язык [Электронный ресурс] https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru.
4. Asylgesetz (Закон об убежище Германии) [Электронный ресурс]. http://www.gesetze-im-internet.de/asylvfg_1992/.
5. Asylbewerberleistungsgesetz (Закон о пособиях просителям убежища) [Электронный ресурс]. <http://www.gesetze-im-internet.de/asylblg/index.html>.
6. Банда разрушителей: кто стоит за движением «Black Lives Matter» Александр Крохмаль 17 июля 2020 [Электронный ресурс]. <https://yandex.ru/turbo/argumenti.ru/s/opinion/2020/07/677261>

Организация и проведение ярмарок и выставок в Российской Федерации

Плотникова Людмила Викторовна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье раскрываются нормативно-правовые основы организации и проведения ярмарок и выставок на территории Российской Федерации. По результатам анализа организации и проведения ярмарок и выставок в РФ автором сформулирован вывод о необходимости упрощения административных процедур в сфере ярмарочно-выставочной деятельности, разработан перечень рекомендаций по разрешению выявленной проблемы.

Ключевые слова: выставка, заявка, организатор, организация, проведение, продажа, товары, требования, участник, ярмарка.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что ежегодно на территории Российской Федерации проводится огромное количество ярмарок и выставок различного уровня. Так, только за 2020 г. в 90 городах России было проведено 2498 выставок различного уровня, что свидетельствует о масштабности и востребованности ярмарочно-выставочной деятельности [1]. На территории большинства субъектов РФ функционируют специализированные торгово-выставочные центры. Однако, несмотря на большую распространенность ярмарочно-выставочной деятельности, тем не менее, ее организация и проведение характеризуются наличием ряда неразрешенных проблем. Одной из основных является слабая нормативно-правовая основа регулирования данного вида деятельности.

На сегодняшний день организация и проведение ярмарочно-выставочной деятельности регулируется многими нормативно-правовых актов федерального, регионального и местного уровня.

На федеральном уровне необходимо выделить следующие нормативно-правовые акты: Конституция РФ, ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ (далее — Закон № 381-ФЗ), Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в РФ» от 10 июля 2014 г. № 1273-р (далее — Концепция) и др.

На уровне Концепции [2] раскрываются законодательные дефиниции понятий «выставочно-ярмарочная деятельность», «выставка (ярмарка)», «регулирование выставочно-ярмарочной деятельности»; принципы, цели и задачи развития выставочно-ярмарочной деятельности; современное состояние и проблемы развития данного вида деятельности и др.

В Законе № 381-ФЗ требованиям к организации ярмарок и продажи товаров отведена самостоятельная статья 11 [3]. Анализ данной статьи закона позволяет нам прийти к выводу о том, что ярмарки могут быть организованы как государственными и местными органами власти, так и организациями и индивидуальными предпринимателями. Уровень законодательного регулирования проведения ярмарок зависит от ее организатора. Если организация ярмарки иницируется федеральными государственными органами, то проведение ярмарки осу-

ществляется в соответствии с нормами Закона № 381-ФЗ. Если организаторами ярмарки являются региональные и местные органы власти, а также организации и индивидуальные предприниматели, то проведение ярмарки осуществляется на основании законодательных норм регионального и местного уровня.

Организация и проведение ярмарочно-выставочных мероприятий охватывает следующие этапы: подготовительный (организационный), основной и заключительный.

Так, в рамках организационного этапа, в соответствии со ст. 11 Закона № 381-ФЗ, организатором ярмарки осуществляются следующие действия: разработка плана мероприятий по организации ярмарки, определение режима работы ярмарки, порядка организации ярмарки, порядка предоставления мест для продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг) на ярмарке; опубликование в СМИ и размещение в сети интернет информации о проведении ярмарочно-выставочного мероприятия.

Для проведения ярмарок организатором обеспечивается оборудование мест для продажи товаров. Данные места предоставления за плату организациям, индивидуальным предпринимателям, гражданам, осуществляющим продажу товаров. Размер платы за продажу товаров на ярмарке устанавливается ее организатором. При установлении размера платы во внимание принимаются расходы, связанные с обеспечением уборки мест продажи товаров; расходы, обусловленные организацией и проведением ярмарки [4].

В рамках основного этапа осуществляется проведение ярмарки и выставки, проводится продажа товаров. К проведению ярмарочно-выставочных мероприятий, наряду с Законом № 381-ФЗ, применяются также нормы законодательства в сфере защиты прав потребителей, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, пожарной безопасности и др.

На заключительном этапе подводятся результаты проведенной ярмарки (выставки), оформляется отчет о ее проведении. На основании анализа отчета определяется эффективность ярмарочно-выставочного мероприятия, выявляются слабые стороны, недостатки в проведении ярмарки, позволяющие в дальнейшем избежать организационных и иных ошибок.

Как нами ранее отмечалось, правовое регулирование организации и проведения ярмарок осуществляется в соответствии с требованиями федерального и регионального законодательства. Несмотря на отсутствие на федеральном уровне отдельного закона, регулирующего ярмарочно-выставочную деятельность в РФ, на региональном уровне принимаются специальные нормативно-правовые акты, регулирующие организацию и проведение ярмарочно-выставочной деятельности. Так, к примеру, на территории Тюменской области принято и действует Постановление Правительства Тюменской области «Об утверждении Порядка организации ярмарок и продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг) на них в Тюменской области» от 27 декабря 2013 г. № 600-п [5]. В соответствии с п. 2.1 постановления организаторами ярмарки могут быть местные органы власти, организации и индивидуальные предприниматели. Организатором ярмарки разрабатывается план мероприятий по организации ее проведения и подается в орган местного самоуправления соответствующее заявление. О проведении ярмарки органом местного самоуправления принимается решение. В рамках организационного этапа проведения ярмарки устанавливаются: организатор ярмарки; тип ярмарки; место и сроки ее проведения; количество предоставляемых на ярмарке торговых мест, а также размер платы за одно торговое место. Для участия в ярмарке лицо подает заявку в орган местного самоуправления, которым ведется реестр заявок участников и принимается решение о предоставлении торгового места или об отказе в его предоставлении, при наличии законных оснований. При принятии решения о предоставлении торгового места с участником ярмарки составляется договор и выдается документ, подтверждающий оплату пользования торговым местом. В рамках проведения ярмарки в обязанности организатора входит учет участников ярмарки, обеспечение надлежащего санитарно-технического состояния торговых мест, обеспечение сбора и вывоза мусора, ежедневной уборки и др. Товары, продажа которых осуществляется в рамках проведения ярмарки, должны соответствовать законодательно установленным требованиям.

На территории Челябинской области организация и проведение ярмарочно-выставочных мероприятий осуществляется в соответствии с требованиями Постановления Правительства Челябинской области «О Положении о порядке организации ярмарок и продажи товаров на них и требованиях к организации продажи товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на ярмарках на территории Челябинской области» от 16 февраля 2011 г. № 31-П [6]. На уровне данного нормативно-правового акта урегулированы: основные термины, порядок организации ярмарок, требования к организации продажи товаров на ярмарках.

В отношении проведения ярмарок определенного типа на местном уровне также разрабатываются и принимаются муниципальные нормативно-правовые акты.

По результатам анализа норм регионального законодательства, регулирующих организацию и проведение ярмарок и выставок, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на гарантируемую доступность участия граждан в проведении ярмарок и выставок, тем не менее, сложной и длительной является процедура подачи заявок, их рассмотрения и принятие по ним решения. Изложенное свидетельствует о необходимости упрощения административных процедур в сфере ярмарочно-выставочной деятельности.

Во-первых, необходимо сокращать сроки рассмотрения заявок на участие в ярмарках и выставках, целесообразнее во всех субъектах РФ переводить подачу заявок в электронный формат. Так, в настоящее время подтвердила свою эффективность подсистема «Региональные ярмарки» ЕГАС «Оптово-продовольственные рынки города Москвы», действующая в г. Москве. Благодаря использованию данной системы срок рассмотрения заявок на участие в ярмарках сокращен до 20 дней [7].

Во-вторых, организаторами ярмарочно-выставочных мероприятий могут быть как государственные и местные органы власти, так и юридические лица и индивидуальные предприниматели. При этом, на законодательном уровне не урегулированы требования, предъявляемые к организаторам — юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Данный пробел нуждается в устранении. По нашему мнению, на федеральном уровне необходимо урегулировать вышеуказанные требования. Также признаем целесообразным создание профессионального сообщества организаторов ярмарочно-выставочных мероприятий. Кроме того, на федеральном уровне необходимо разработать и вести в электронной форме Реестр недобросовестных организаторов ярмарок и выставок, определив основания признания организатора недобросовестным. Наряду с федеральным, на территории субъектов РФ могут быть разработаны также и региональные реестры недобросовестных организаторов.

В-третьих, необходимо обеспечить формирование единой информационной среды для организаторов и участников ярмарок, а также потребителей. Так, в сети интернет следует не только публиковать информацию о проведении ярмарки и выставки, но также ежедневно актуализировать информацию о свободных торговых местах для участия в ярмарке и выставке.

В-четвертых, торговые места на ярмарках предоставляются в соответствии со Схемой размещения торговых мест. При разработке данной Схемы принимаются во внимание требования пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические требования и др. При этом, анализ норм федерального и регионального законодательства свидетельствует о том, что на законодательном уровне не урегулированы требования к разработке, согласованию и утверждению такой схемы. Данная проблема также нуждается в законодательном устранении.

Таким образом, по результатам анализа организации и проведения выставок и ярмарок на территории

РФ можно прийти к выводу о том, что основными проблемами данного направления деятельности являются, прежде всего, разрозненный характер законодательного регулирования ярмарочно-выставочной деятельности, что обуславливает необходимость систематизации и обобщения правовых норм в данной сфере на уровне постановления Правительства РФ «О ярмарочно-выставочной деятельности в Российской Федерации». При-

нятие такого акта позволит сформировать стандарт единообразия организации и проведения ярмарок и выставок на территории всех субъектов РФ. Кроме того, нуждаются в упрощении административные процедуры, связанные с организацией ярмарок и выставок. В рамках проведенного исследования нами был сформулирован ряд рекомендаций по упрощению данных административных процедур.

Литература:

1. Казаков, С. М. Пандемия — толчок к организации выставок онлайн/С. М. Казаков // Modern Science. — 2021. - № 2-1. — с. 70-75.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции развития выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности в Российской Федерации» от 10 июля 2014 г. № 1273-р // Российская газета. — 2014. - 17 июля.
3. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ // Российская газета. — 2009. - 30 декабря.
4. Улановская, А. Н. Современное состояние выставочной отрасли в Российской Федерации: проблемы и пути их решения/А. Н. Улановская // Российское предпринимательство. — 2018. - Том 19. - № 8. — с. 228-237.
5. Постановление Правительства Тюменской области от 27 декабря 2013 г. № 600-п «Об утверждении Порядка организации ярмарок и продажи товаров (выполнения работ, оказания услуг) на них в Тюменской области». - URL: base.garant.ru/21710035 (дата обращения: 21.05.2021).
6. Постановление Правительства Челябинской области от 16 февраля 2011 г. № 31-П «О Положении о порядке организации ярмарок и продажи товаров на них и требованиях к организации продажи товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на ярмарках на территории Челябинской области». - URL: base.garant.ru/8779994 (дата обращения: 21.05.2021).
7. Аликиева, А. М. Правовое регулирование отношений в сфере выставочно-ярмарочной деятельности/А. М. Аликиева // Сибирское юридическое обозрение. — 2020. - Том 17. - № 2. - с. 250-258.

Уголовно-правовая характеристика взяточничества и проблемы квалификации

Плотникова Екатерина Вячеславовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье автором рассматриваются основные вопросы уголовно-правовой характеристики взяточничества. Отдельный акцент делается на проблемных аспектах данного вида преступлений.

Так, указывается на отсутствие четкого определения взяточничества, его предмета и другое. Как итог, автором предлагаются пути решения таких проблем.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, взяточничество, взятка, предмет взятки.

Criminal-legal characteristics of bribery and qualification problems

На современном этапе взяточничество является одним из самых распространенных коррупционных преступлений. Оно приобретает все новые формы и способы совершения. При этом, взяточничество обладает достаточно высоким уровнем латентности. Это влечет за собой невозможность узнать, сколько на самом деле совершается преступлений данной направленности.

Взяточничество оказывает пагубное воздействие на всю деятельность государственных и муниципальных органов,

подрывает их авторитет в глазах граждан. Происходит нарушение работы всего государственного аппарата. Исходя из этих соображений, законодатель относит данное преступление в главу 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

При этом, необходимо отметить, что по сей день не дано единого и четкого определения взяточничества ни со стороны законодателя, ни со стороны теоретиков.

Если рассматривать данное преступление, то увидим, что оно включает в себе три самостоятельных состава преступлений: дача взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве. В правовой литературе на этот счет существует достаточно большое количество разрозненных мнений.

Так, А. В. Акопян по этому поводу отмечает, что все три состава выступают в качестве самостоятельных, однако они тесно взаимосвязаны между собой, что обусловлено следующими причинами:

— законодателем они рассматриваются в качестве взаимосвязанных;

— они имеют примерно одинаковые признаки, позволяющие относить их к преступному поведению [4, с. 20].

Уголовный кодекс РФ устанавливает, что к взяточничеству относятся любые действия, имеющие целью получение (дачу) взятки должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе [1].

Отметим, что УК РСФСР не устанавливал конкретного определения предмета взятки, указывая лишь на то, что под ним понимается получение взятки в любом виде [2]. Сейчас эта проблема постепенно решается, УК РФ более точно и подробно описывает данную категорию.

Помимо этого, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 закрепляется, что предметом взяточничества наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав [3]. Из этого следует, что УК РФ в качестве предмета взятки устанавливает только выгоды имущественного характера.

Если рассматривать субъективную сторону взяточничества, то оно всегда характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом. Субъект преступления в полной мере отдает себе отчет о совершаемом деянии.

Субъект преступления — специальный — должностное лицо, осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ.

По составу взяточничество является формальным преступлением. В данном случае преступление считается оконченным с момента получения взяткой хотя бы

части взятки. То есть не важно, о каком размере взятки изначально договаривались стороны. Также не имеют значения и иные характеристики предмета взятки.

Следует упомянуть о спорном составе преступления среди правоведов — посредничество во взяточничестве, по которым понимается непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, а также иное содействие взяткодателю или взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

Большинство теоретиков и практиков придерживаются мнения, согласно которому посредничество все же является самостоятельным преступлением.

По данному поводу высказался Гришин Д. А., который указывает: «на сегодняшний день разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации касательно правовой оценки посредничества во взяточничестве с учетом изменений, отсутствуют. Хотя они являются актуальными с позиции увеличения результативности уголовно — правовой борьбы с коррупцией и повышения эффективности социальной, экономической, политической, судебной и иных реформ» [5, с. 86].

Правильное установление посредничества нередко бывает затруднительным. Это связано с тем, что существует такое явление как «мнимое» посредничество, имеющее место в тех случаях, когда посредник получает взятку якобы с целью передачи ее взяткополучателю, однако присваивает ее себе. В данной ситуации действия «мнимого» посредника будут квалифицироваться как мошенничество, а действия взяткодателя, как покушение на дачу взятки.

Администрацией Президента РФ было предложено введение состава за мелкое взяточничество. Такая инициатива возникла в связи с тем, что с 2011 по 2015 годы уголовные дела, возбужденные по факту взяточничества имели размер взятки не более 10 тысяч рублей.

Из данных Судебного департамента при Верховном суде РФ: «за последние 5 лет подавляющее число лиц осуждено за взяточничество в небольших суммах: 1 тыс. руб. 10 тыс. руб. (1 место), 500 руб. 1 тыс. руб. (2 место), до 500 руб. (3 место). Осужденных за взяточничество в крупных и особо крупных размерах значительно меньше. Так, в 2015 г. на 3348 мелких взяточника с размерами взятки до 10 тыс. руб. приходится всего 587 осужденных, сумма взяток которых начинается от 50 тыс. руб. Из них за взятку в особо крупном размере (свыше 1 млн. руб.) осуждено 88 человек» [6, с. 55].

Следует отметить, что далеко не все правоведы поддерживают инициативу введения нормы о мелком взяточничестве, считая такое нововведение абсолютно бессмысленным в связи с тем, что любой размер взятки влечет за собой колоссальную общественную опасность такого преступления. Чулкина Э. Ю. пишет: «данная норма противоречит традиционным в юридической науке взглядам на степень общественной опасности получения взятки, наказание за ко-

торое должно быть строже, чем наказание за дачу взятки; принятие нормы о мелком взяточничестве не устранил проблемы противодействия коррупционной преступности в крупных и особо крупных размерах» [7, с. 13].

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо сделать следующие выводы и дать некоторые рекомендации.

Взяточничество, безусловно, является одним из самых опасных и масштабных преступлений на сегодняшний

день. И факт того, что по сих пор нет четкого определения такого явления затрудняет эффективную борьбу с ним. Считаем, что законодатель должен изложить такое определение в УК РФ в полном объеме, охватить все составляющие данного преступления. У правоприменителей не должно возникать вопросов на этот счет.

Также представляется необходимым детализировать и предмет взятки, несмотря на то, что работы в этом направлении ведутся.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996, утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. Ст. 497.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Российская газета. 17.07. 2013. № 154.
4. Аюбян, А.В. Правовая характеристика статьи 290 УК РФ и сравнительный анализ со статьей 311 УК РФ/А.В. Аюбян // Юридические науки: проблемы и перспективы. Казань: Бук. 2015. с. 20-24.
5. Гришин, Д.А. Освобождение от уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в виде коммерческого подкупа и дачи взятки/Д. А. Гришин // Проблемы права. — 2016. — № 5 (59). — с. 85-88.
6. Чулкина, Э.Ю. О некоторых последствиях выделения уголовной ответственности за мелкое взяточничество/Э.Ю. Чулкина // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2016. — № 4. — с. 53-57.
7. Чулкина, Э.Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд/Э.Ю. Чулкина // Экономика, социология и право. — 2016. — № 1. — с. 12-16.

Реформирование апелляционного и кассационного производства по гражданским делам на основании Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Рашевский Руслан Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Филимонова Маргарита Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

С 1 октября 2019 года вступил в силу Федеральный закон от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который существенно меняет отечественное гражданское процессуальное законодательство. Ряд норм указанного нормативно-правового акта в определенной мере касается производства в судах апелляционной инстанции.

Инициатива реформирования законодательства вызвала неоднозначную реакцию не только среди государственных органов, но и в юридическом сообществе в целом. Так, Правительство РФ раскритиковало нормы законопроекта, которые регламентируют введение института поверенного, исключение договорной подсудности, порядок составления мотивированных решений по делу,

увеличение числа дел, рассматриваемых в упрощенном порядке, порядок судебных извещений и т. д. [2]. В свою очередь, Федеральная палата адвокатов РФ не согласилась с положениями, исключающими составление судами мотивированных решений (авторы инициативы предлагали закрепить их обязательность только для ограниченной категории дел). Впоследствии комментарии к законопроекту были частично приняты во внимание законодателем, и конечная версия федерального закона, подписанная Президентом, по большей части отличается от своей первоначальной редакции.

Преимущественно видимым изменением является создание апелляционных судов общей юрисдикции, которые, в свою очередь, будут выступать второй инстанцией, касаясь судебных актов, не вступивших

в законную силу, вынесенных судами субъектов РФ в качестве судов первой инстанции. Однако, по нашему мнению, данное нововведение не представляется столь значительным, поскольку количество дел, которые рассматриваются судами субъектов РФ по первой инстанции — является относительно невесомым по сравнению с делами, рассматриваемыми мировыми судьями и районными судами.

В совокупности с иными поправками, вносимыми ФЗ № 451-ФЗ, которые касаются обязанности по отправке процессуальных обращений — регламентируется обязанность заявителя апелляционной жалобы направлять лицам, участвующим в деле, копии жалобы с приложениями к ней документами [8].

Закрепленная возможность возвращения дела в суд первой инстанции, предусмотренная статьей 325.1 ГПК РФ, в ситуациях, если им не были разрешены такие вопросы, как заявление о восстановлении процессуального пропущенного срока подачи апелляционной жалобы, представления, замечания на протокол судебного заседания, заявления о вынесении дополнительного решения, — также не является существенным нововведением.

На протяжении длительного периода времени на практике в подобных случаях применялся институт, т.н. «снятия дела с рассмотрения», который упоминался Верховным Судом РФ в его Постановлении Пленума от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции». В абзацах 3-4 пункта 19 Постановления № 13 ВС РФ разъясняет, что «судья суда апелляционной инстанции при наличии информации о поступлении других апелляционных жалоб, представлений, если ранее поступившие апелляционные жалоба, представление еще не приняты к производству суда апелляционной инстанции, возвращает дело сопроводительным письмом в суд первой инстанции для совершения процессуальных действий, предусмотренных статьями 323, 324, 325 ГПК РФ. Если ранее поступившие апелляционные жалоба, представление уже приняты к производству суда апелляционной инстанции, то суд апелляционной инстанции при наличии информации о поступлении других апелляционных жалоб, представлений применительно к статье 169 ГПК РФ откладывает разбирательство дела и при необходимости совершения процессуальных действий, предусмотренных статьями 323, 324 и 325 ГПК РФ, возвращает дело в суд первой инстанции, о чем выносит соответствующее определение» [3].

Следовательно, приходим к выводу, что применительно к апелляционному производству устанавливаются фрагментарные изменения, характера реформы не имеющие [8].

Как настоящая, так и послереформенная регламентация апелляционного производства не в полной мере имеет своей целью решение задачи оптимального пере-

смотра судебных актов, не вступивших в законную силу путем повторного рассмотрения по существу. Напротив, оно сохраняет ряд позиций, которые иногда непросто объяснить с помощью логики, — считает профессор Е. А. Борисова [4].

В юридической литературе отмечается, что на практике у судов апелляционной инстанции сложился широкий перечень оснований для возвращения дел в суд первой инстанции [6].

Н.А. Батурина обращает внимание, что «суды апелляционной инстанции возвращают материалы дела в суд первой инстанции, если апелляционная жалоба была подана по истечении установленного срока обжалования решения суда, судом первой инстанции не были разрешены ходатайства лиц, подавших апелляционную (частную) жалобу, в решении суда не исправлены описки или явные арифметические ошибки, судом первой инстанции не был решен вопрос о принятии дополнительного решения, апелляционная жалоба была подана лицом, не имеющим полномочий на обжалование судебного постановления, есть необходимость проведения служебной проверки (например, по факту нарушения тайны совещательной комнаты), имеется необходимость дооформления материалов дела, а также по ряду других причин» [5].

Объяснения причин сохранения в процессуальном законе институтов передачи части апелляционных функций судам первой инстанции довольно спорны. Представляется, имеют место достаточные основания утверждать о необходимости концентрации всех апелляционных полномочий в суде именно апелляционной инстанции. Такой вариант реформирования процессуального порядка пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу, позволил бы добиться существенной экономии процессуальных средств.

Следует отметить, что принятием ФЗ № 451-ФЗ законодатель «затронул» и производство в судах кассационной инстанции, в которое были внесены изменения как процессуально-правового, так и организационно-правового характера. Представляется, что анализ кассационного производства следует проводить через призму положительных и отрицательных сторон нововведений.

Суды кассационной инстанции — это относительно новое звено в системе судов общей юрисдикции, которые рассматривают дела по жалобам (представлениям) на судебные акты, которые уже вступили в законную силу. Помимо этого, они рассматривают также дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Необходимо отметить, что больше не существует принципа «фильтрации», когда судья единолично без назначения и проведения судебного заседания решал вопрос о весомости доводов кассационной жалобы (представления), и имел право отказать в рассмотрении в судебном заседании суда кассационной инстанции (однако стоит отметить, что указанный аспект относится только к кассационным судам общей юрисдикции. В су-

дебной коллегии Верховного Суда РФ — изначально жалобу по-прежнему проверяет судья единолично). Как отмечает ряд авторов, «указанный этап был лишен каких-либо процессуальных гарантий, обеспечивающих правильность рассмотрения жалобы и защищающих от судебного произвола, поскольку в действительности отсутствовала уверенность даже в том, что каждый раз судьбу жалобы определяет именно судья, а не его помощник» [7].

Таким образом, в настоящее время принятию к производству и рассмотрению подлежат все кассационные жалобы. Помимо этого, также изменился и порядок подачи заявителем кассационной жалобы, в частности, теперь жалоба подается не непосредственно в суд кассационной инстанции, а в суд первой инстанции, который, в свою очередь, подготовив материал дела к рассмотрению, направляет их вместе с поступившей жалобой в соответствующий суд кассационной инстанции.

По нашему мнению, реформирование вышеуказанной процедуры обеспечивает еще большую независимость, а также, что немаловажно — объективность при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции.

В соответствии с нововведениями, в кассационный суд общей юрисдикции обжалуются вступившие в свою законную силу решения, определения и судебные приказы мировых судей, решения и определения районных судов, которые были приняты по правилам как первой инстанции, так и апелляционной, решения и определения судов субъектов РФ, принятые по принципам аналогичным районным судам, а также судебные акты апелляционных судов общей юрисдикции. Таким образом, включение такого нового звена в систему судов, как апелляционные суды общей юрисдикции — расширило круг объектов кассационного обжалования.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Письмо Правительства РФ от 2 февраля 2018 года № 856п-П4 «Заключение на проект федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вносимый в Государственную Думу Верховным Судом Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС Консультант плюс.
4. Борисова, Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2005. с. 147; Малюкина А. В. Концентрация процесса — основа своевременного и правильного рассмотрения гражданского дела. М.: Городец, 2009. с. 40.
5. Батурина, Н. А. Возвращение апелляционной жалобы с делом в суд первой инстанции для устранения недостатков, препятствующих апелляционному рассмотрению // Администратор суда. 2018. № 1. с. 3-6.
6. Спиричева, О. А. Существенные различия арбитражного и общегражданского процесса, влияющие на скорость судебного разбирательства // Администратор суда. 2019. № 1. с. 7-11.
7. Борисова, Е., Головки Л., Яркое В., Тай Ю., Ключевант В., Туманов Д., Юдин А., Ямпольский В. Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? // Закон. 2019. № 10. с. 19-29.

Помимо вышеуказанных нововведений, также изменился срок на подачу кассационной жалобы или представления. Согласно ст. 376.1 ГПК РФ, кассационная жалоба (представление) могут быть поданы в кассационный суд в течение 3 месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного акта [1]. Представляется, что в связи с указанным изменением, как следствие — значительно увеличится число ходатайств о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу кассационной жалобы.

Также, по нашему мнению, необходимо уделить внимание такому аспекту нововведений, как появлению запрета судам кассационной инстанции принимать во внимание дополнительные доказательства, которые не были представлены сторонами в судах предшествующих инстанций.

В настоящее время ГПК РФ предусматривает ряд оснований для отмены судебных актов, в том числе в указанный список входят и «безусловные» основания. Не предусмотрен законодательно закрепленную дефиницию критерия «существенности нарушения норм материального и процессуального права», законодатель, таким образом, улучшает положение заявителей кассационных жалоб, посредством расширения возможности для защиты их прав и интересов в судах кассационной инстанции.

Подводя итог, можно сделать вывод, что законодатель, реформировав систему судов общей юрисдикции, тем самым относительно изменил процесс обжалования судебных актов. В отечественном гражданско-процессуальном законодательстве как на теоретическом, так и на практическом уровне, посредством принятия изменений, вытекающих из ФЗ № 451-ФЗ, реализуются попытки повышения уровня законности при пересмотре дел в вышестоящих судах.

8. Реформа апелляционного производства в гражданском процессе — нереализованная возможность // сайт «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/reforma-apellyatsionnogo-proizvodstva-v-grazhdanskom-protsesse-nerealizovannaya-vozmozhnost/> (дата обращения: 16.05.2021).

Формы взаимодействия граждан и органов исполнительной власти в целях защиты прав и свобод граждан

Рябов Алексей Александрович, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

Ключевые слова: исполнительная власть, Уполномоченный по права человека, общественный контроль.

Взаимодействие граждан с органами исполнительной власти реализует закрепленное в статье 33 Конституции РФ право на обращение в госорганы и органы местного самоуправления. Порядок рассмотрения обращений регулируется Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Обращение гражданина — это комплексное понятие, которое может выражаться в письменной форме или в форме электронного документа в виде предложения, заявления или жалобы, в том числе в устном обращении гражданина в госорган, орган местного самоуправления или их должностному лицу. В Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ даны определения данным видам обращений.

Существуют также коллективные обращения — это обращение 2-х и более граждан в письменной форме, содержащее частный интерес, либо обращение, принятое на митинге или собрании и подписанное организаторами и (или) участниками митинга или собрания, которое имеет общественный характер [4, ст. 2].

Сроки за исполнением обращений граждан установлены ст. 12 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ. Ответ гражданину должен быть дан в течение 30 дней со дня регистрации. Если по каким-либо уважительным причинам подготовка ответа затягивается, в исключительных случаях закон разрешает продлить срок исполнения обращения еще на 30 дней с осуществлением уведомления об этом гражданина. Таким образом, максимальный срок подготовки и направления ответа заявителю составляет 60 дней.

Необходимо заметить, что на анонимное обращение, в котором не указана фамилия заявителя и его почтовый адрес, ответ не дается.

Важное место в организации взаимодействия между гражданами и органами исполнительной власти в сфере защиты прав и свобод играет роль уполномоченного по правам человека в субъекте РФ.

В соответствии со статьей 16.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» должность Уполномоченного учреждается с целью обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. «Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ при осуществлении своих полномочий независим от каких-либо госорганов и должностных лиц, а также неподотчетен им» [2, п. 2 ст. 16.1].

Порядок деятельности Уполномоченного определен в Федеральном законе от 18.03.2020 N 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». При рассмотрении обращений Уполномоченный также применяется порядок, установленный Федеральным законом от 2 мая 2006 года N 59-ФЗ.

Получив обращение, содержащее информацию о нарушении прав и свобод граждан, Уполномоченный имеет следующие права:

- 1) рассмотреть обращение;
- 2) разъяснить заявителю способы защиты своих прав и свобод;
- 3) направить обращение на рассмотрение в госорган или должностному лицу, к полномочиям которых относится рассмотрение данного обращения.

Под жалобой, адресованной Уполномоченному, понимается просьба заявителя о защите и восстановлении своих прав и свобод, нарушенных или нарушаемых, решениями, действиями или бездействиями федеральных органов исполнительной власти, действующих на территории субъекта РФ, если ранее заявитель уже обжаловал данные решения, действия или бездействия в судебном либо административном порядке и не согласен с принятыми решениями.

При рассмотрении жалобы Уполномоченный информирует о принятии данной жалобы к рассмотрению го-

сорганы, решения, действия или бездействия которых обжалуются, а также имеет право запросить у данных органов информацию по существу поступившей жалобы и предложить обосновать свою позицию.

Также в качестве еще одного способа взаимодействия граждан и органов исполнительной власти с целью защиты и реализации прав и свобод стоит выделить участие граждан в осуществлении общественного контроля.

Порядок осуществления общественного контроля определен в Федеральном законе от 21.07.2014 N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Под общественным контролем понимается «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [3, ч. 1 ст. 4].

Участвовать в осуществлении данного контроля гражданине РФ вправе лично либо в составе общественных объединений, а также иных негосударственных организаций. Данное участие является добровольным.

В рамках осуществления общественного контроля за органами исполнительной власти данный контроль осуществляют общественные палаты РФ и субъектов РФ, а также общественные советы при федеральных органах исполнительной власти и при органах исполнительной власти субъектов РФ.

Основными целями общественного контроля в области взаимодействия граждан с органами исполни-

тельной власти в сфере защиты прав и свобод граждан являются:

1. Обеспечение защиты и реализации прав и свобод граждан;
2. Общественная оценка деятельности органов исполнительной власти в целях защиты прав и свобод граждан.

В данной области взаимодействия можно выделить следующие задачи общественного контроля:

1. Развитие и формирования правового сознания граждан;
2. Повышения у граждан РФ доверия к деятельности государства;
3. Осуществление реализации гражданских инициатив, которые направлены на обеспечение защиты прав и свобод граждан;
4. Обеспечение открытости деятельности органов исполнительной власти.

Основными формами общественного контроля являются: общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественное обсуждение, общественные (публичные) слушания.

Осуществление общественного контроля может происходить в нескольких формах одновременно. По результатам общественного контроля подготавливается и направляется в госорганы итоговый документ, в котором отражены место и время, задачи, субъекты и формы общественного контроля, а также обстоятельства и факты, рекомендации, предложения и выводы, установленные в ходе осуществления данного контроля. При необходимости информация о результатах общественного контроля направляется в органы госвласти, осуществляющих государственный контроль (надзор) и (или) органы прокуратуры.

Литература:

1. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).
2. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).
3. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).
4. Закон города Москвы от 18 июня 1997 года № 25 «Об обращениях граждан» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).

Основные проблемы административной ответственности за нарушение правил продажи вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции несовершеннолетним

Савочкина Дарья Олеговна, кандидат юридических наук, старший преподаватель;

Андрусишин Глеб Владимирович, слушатель

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

В статье акцентируется внимание на актуальности применения мер административной ответственности за нарушение правил продажи вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции несовершеннолетним. Рассматриваются и анализируются основные последствия, возникающие при постоянном использовании указанных средств несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние, административная ответственность, вейпы, электронные сигареты, никотинсодержащая продукция.

В Российской Федерации свыше четверти всего населения составляют дети. Обострение социальной и политической обстановки в нашей стране чрезвычайно негативно отразилось на положении несовершеннолетних. Именно поэтому основными задачами государства выступают: обеспечение безопасности детей, защита благосостояния, ограждение их от негативного влияния посторонних лиц для поддержания нормальной жизнедеятельности подростков, укрепления здоровья и непосредственного развития. Однако на сегодняшний день, криминогенная ситуация в стране ухудшается, преобладает проблема утраты нравственных ценностей в обществе, стремление лиц к обогащению, что в полной мере способствует росту административных правонарушений и преступлений, в том числе в подростковой среде.

Считаем, что под влияние указанных факторов в основном попадают несовершеннолетние, на которых внимание общества и государства не сосредоточено в должной степени. В том числе, в раннем возрасте они начинают употреблять алкоголь, наркотические средства, увлекаться курительными принадлежностями и иными вредными веществами.

Несовершеннолетними являются лица, не достигшие возраста 18 лет. В силу социальной незрелости дети и подростки находятся под особой защитой государства, поэтому в России действуют прямые запреты на продажу сигарет, кальянов и иной продукции, а также запрещена деятельность, связанная с вовлечением их в непосредственное употребление любой никотинсодержащей продукции.

Как заметил директор Совета по общественному здоровью и проблемам демографии Виктор Зыков, сейчас реклама и маркетинг вейпов, электронных сигарет нацелены на несовершеннолетних [2, с. 99-102].

Чаще всего подростки начинают увлекаться вейпами, электронными сигаретами и другой никотинсодержащей продукцией следуя примеру взрослых, а также в большинстве случаев взрослые попросту вовлекают их в указанный процесс. Ввиду этого возникает вероятность того,

что после данного увлечения подростки начинают курить табак, который крайне неблагоприятно сказывается на их здоровье и в дальнейшем превращается в пагубную привычку.

Производители электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции утверждают, что по сей день, упомянутые устройства более безопасны для человека, чем обычные сигареты. Причем, очень часто рекламодатели делают акцент на то, что с помощью указанной продукции можно полностью бросить курить. Однако неизвестно, что за продажу подросткам обычных сигарет федеральным законодательством установлена административная ответственность, именно поэтому, им выгоднее продать электронную сигарету и остаться безнаказанным.

За нарушение правил продажи табака лицам, не достигшим 18-ого возраста, предусмотрен штраф до 40 тыс. рублей для продавцов и до 300 тыс. — для юридических лиц, но ответственность за нарушение правил продажи вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции несовершеннолетним на законодательном уровне не предусмотрена [1, с. 115]. Однако в июне 2020 года Госдума приняла во втором чтении законопроект о распространении антитабачного законодательства на вейпы и электронные сигареты, в том числе об административной ответственности за его нарушение.

В случае принятия законопроекта административный штраф для юридических лиц составит от 100 тыс. до 150 тыс. рублей. Сейчас такой штраф предусмотрен за продажу табачных изделий несовершеннолетним.

Еще в 2008 году Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) заявила, что нет никакой научной обоснованности заявлений производителей насчет того, что их товар эффективен в никотинозамещающей терапии [3, с. 51].

В итоге, было принято решение о том, что:

— следует запретить свободную продажу жидкостей с различными вкусовыми добавками, так как они повышают привлекательность вейпов;

— нет достаточных доказательств того, что парогенераторы помогают курильщикам справиться с никотиновой зависимостью;

— к электронным сигаретам должны применяться точно такие же ограничительные меры (в продаже, в рекламе и использовании), как и ко всем табачным изделиям.

Ввиду этого в таких странах, как Канада, Бразилия, Турция, Дания, Италия, Норвегия, Уругвай и так далее реклама, как и реализация электронных сигарет, была запрещена на законодательном уровне.

Курительные принадлежности являются не менее опасными, чем обычные сигареты. Если на пачке сигарет можно увидеть, сколько никотина, смол и иных вредных веществ она содержит, то на упаковке электронных сигарет, вейпов и иных устройствах этого попросту нет.

Специалистами установлено, что в вейпах и электронных сигаретах содержатся мощные канцерогены нитрозамин, диэтиленгликоль, формальдегид, а также ацетальдегид, которые полностью не испаряются и попадают в легкие человека в виде жидкости. К тому же, концентрация указанных веществ в разы увеличивается при нагревании вейпов и других устройств. По данным ВОЗ, некурительный табак используется школьниками в семь раз чаще, чем взрослыми [4, с. 816].

Выделим основные негативные последствия от использования вейпов, электронных сигарет и иных курительных принадлежностей:

— у несовершеннолетних возникает определенная зависимость от их использования;

— вдыхаемые испаряемые жидкости и аэрозоли являются токсичными и опасными для их здоровья;

— материал, из которого изготовлены вейпы и т.д. выделяет токсины, и подростки могут обжечь ротовую полость, используя их [5, с. 2].

На сегодняшний день деятельность по производству, изготовлению, продаже вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции слабо контролируется. Поэтому узнать точный состав аэрозоля и дозировку компонентов невозможно. Производители утверждают, что никотина в указанных устройствах нет, однако, убедиться в этом нет возможности, также узнать, насколько качественно сделаны данные принадлежности.

Помимо этого, продавцы электронных изделий отрицают факт того, что указанные курительные принадлежности содержат вредные вещества, которые негативно сказываются на здоровье, как взрослых, так и несовершеннолетних. Именно поэтому, затруднительно, привлечь данных лиц к административной ответственности за нарушение правил продажи вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции подросткам.

Таким образом, отметим, что административная ответственность за нарушение правил продажи вейпов, электронных сигарет и другой никотинсодержащей продукции несовершеннолетним выполняет большую профилактическую роль в предупреждении вовлечения подростков в процесс потребления и использования курительных принадлежностей.

Одновременно, считаем необходимым, дополнить часть 3 статьи 14.53 КоАП РФ словами: «продажа несовершеннолетнему табачной продукции, табачных изделий, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции, а также вейпов, электронных сигарет и иных курительных принадлежностей».

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020) // Собрание законодательства РФ // — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ — с. 115.
2. Бызова, И.Г., Сумачев А.В. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления вредных веществ: качество законодательных решений и направления совершенствования: статья//Юридическая наука и правоохранительная практика, 2018. — с. 99-102.
3. Дорофеева, Ж.П., Карагодин А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение административных правонарушений: проблемы выявления и возможные пути решения: статья//Наука. Мысль: электронный периодический журнал, 2016. — с. 51.
4. Непокойчицкий, Г.А. Жизнь и здоровье: энциклопедия/Г.А. Непокойчицкий. — М.: Книжный дом «АНС», 2002. — с. 816.
5. Правда или миф — вред электронной сигареты? // электронный сайт 7-ой городской деткой поликлиники в г. Минске // Режим доступа: <https://www.7gdp.by/informatsiya/poleznaya-informatsiya/834-pravda-ili-mif-vred-elektronnoj-sigarety>.

Становление медиации в России

Севолобова Софья Александровна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена исследованию развития института медиации в российском правовом обществе. Автором в ретроспективе рассмотрены предпосылки становления института медиации, выделены основные этапы становления медиации в Российской Федерации. На основании аналитического обзора литературных источников и законодательных документов определены проблемные аспекты развития медиации в России.

Ключевые слова: медиация, разрешение споров, становление, развитие, правовая система.

Formation of mediation in Russia

The article is devoted to the study of the development of the institution of mediation in the Russian legal society. In retrospect, the author examines the prerequisites for the formation of the institution of mediation, highlights the main stages of the formation of mediation in the Russian Federation. On the basis of an analytical review of literary sources and legislative documents, the problematic aspects of the development of mediation in Russia are identified.

Keywords: mediation, dispute resolution, formation, development, legal system.

Институт медиации, в последнее время в западных странах заработал солидную репутацию и вызывает все больший интерес в правовой сфере России. Однако этот актуальный метод альтернативного разрешения споров воспринимается крайне неоднозначно отечественными специалистами в области права. Большинство суждений об этом способе разрешения споров российских правоведов строятся на основании нескольких переведенных с английского или немецкого языка научно-популярных статей, посвященных медиации и несколько упрощенных национальных теоретических идей. Следовательно, актуальной является цель данной статьи — исследование процесса развития медиации в современных условиях становления правового общества в России. Для достижения цели предлагается решить ряд научно-познавательных задач: определить сущность и технологию медиации, стадии процесса, определить требования к лицу медиатора, а также юридические последствия медиации и их реализацию в национальном праве России и других стран мира. Исходя из цели статьи, для исследования института медиации как института гражданского общества и изучения историко-правовых основ альтернативных способов осуществления правосудия использовался исторический метод, сравнительно-правовой анализ, статистический метод с использованием системно-структурного и деятельного подходов.

Медиация в ее современном понимании начала развиваться во второй половине XX в., прежде всего, в странах англо-американского права — США, Великобритании, Австралии, а затем постепенно стала распространяться и в других государствах Запада. Однако, использование посредников для разрешения споров отмечается с давних времен, в частности, историки отмечают подобные случаи еще в торговле финикийцев в Вавилоне. Римское право, начиная с кодекса Юстиниана (530-533 н. э.), исполь-

зовало посредничество. Посредничество закреплялось в немецких кодексах обычного права, оно присутствовало в правовых документах раннего периода и на территории России. Традиции соответствующего правосудия имеют в Российской Федерации (РФ) более чем тысячелетнюю историю и имели место с X века до первой трети XX века. Исчезла эта система с приходом советской власти и введением советского права [6]. В современной РФ медиация пришла уже как наработанная технология в начале XXI века, в частности в 2005 году на государственном уровне была проведена Аппаратом полномочного представителя Президента в ЦФО совместно с Межрегиональным центром управленческого и политического консультирования (МЦУПК) первая международная конференция «Медиация. Новый шаг на пути построения правового государства и гражданского общества» [5].

Среди российских специалистов в рамках данной статьи следует выделить наработки таких, как Новиков А.В., Орсаяева Р.А., Сухоставская Ю.В., Торопова А.А., Шакиров С.Е., Шиянова А.С. и др. Так, Шиянова А.С. рассматривает восстановительное правосудие в историческом контексте, в частности, его истоки, предпосылки возникновения, механизм функционирования. По определению Орсаяевой Р.А., медиация является альтернативной формой разрешения споров, то есть альтернативой судебному разбирательству. Одним из принципов медиации является добровольность, то есть стороны сами решают, договариваться им или нет. Общим между медиацией и исторически сложившейся в России формой восстановительного правосудия, которое было распространено на русских землях в советское время, является, прежде всего, направление усилий на восстановление права путем заключения мирного соглашения между потерпевшим и правонарушителем [2].

Вместе с тем вышеуказанные авторы не рассматривали вопрос досудебного разрешения споров, формы которых становились альтернативой судебному разбирательству. Именно суд после исследования предоставленных сторонами доказательств принимает решение в пользу одной из сторон. Медиация как альтернативная форма разрешения споров дает возможность сторонам самим принимать решения с помощью третьей нейтральной стороны [1].

На сегодня еще не определены формы, принципы и механизмы внедрения медиации в правовую систему России на современном этапе ее развития. Актуальность проблематики восстановительного правосудия определена также необходимостью определения правовых основ возникновения, формирования и функционирования института медиации на Западе и в национальном праве нашей страны, учитывая важные исследования зарубежных и отечественных авторов, которые способствовали бы формированию положительных тенденций развития этого института как одного из элементов гражданского общества России.

Для эффективного регулирования разрешения споров и конфликтов в различных сферах общественной жизни на фоне реформирования национального законодательства в области управления, аспекты преодоления проявлений коррупции, осуществления беспристрастного правосудия и обеспечения надлежащей правовой помощи целесообразно соотносить с вопросами о введении института медиации как процедуры разрешения споров в правовой системе страны. На сегодня уже рассмотрен и тщательно изучен ряд важных вопросов, касающихся перспектив правового регулирования медиации в Германии, США, Польше, обоснования роли медиации как формы осуществления правосудия, вопросов внедрения принципов восстановительного правосудия в России, вопросов применения медиации в экономической и публичной сферах, трудовом праве, семейных делах, моделей регулирования и основных проблем, связанных с осуществлением медиации, значения межкультурной коммуникации в процедуре медиации и роли медиации в процессе снижения уровня конфликтности и демократизации общества [3].

Одной из задач, которая возлагается на институт медиации, является разгрузка судебной системы, предоставление возможности сторонам решить проблему без рассмотрения дела в суде. Функцию правосудия институтов судебной власти частично отдают на реализацию гражданского общества. В этом контексте следует отметить значимую роль судов при построении гражданского общества [1].

Анализ практики судебных и правоохранительных органов по внедрению процедуры медиации в Англии, Бельгии и Германии показывает, что медиация позволяет отойти от потери времени в процессе, от дополнительных и непредвиденных расходов. Статистика развитых стран показывает, что от 83% до 85% всех медиаций заверша-

ются удачно. Даже если соглашение не достигнуто, вовлечение в медиацию увеличивает понимание и удовлетворение сторон участников: медиация, таким образом, оказывает положительное влияние на восприятие участников и их действий в процессе [3].

Процесс медиации представляет собой совокупность фактических и юридических действий, осуществляемых участниками медиации в течение определенного периода времени. Можно выделить пять основных этапов медиации. Первый этап — заключение сделки. Стороны и медиаторы заключают соглашение о медиации. Второй шаг — это выяснение позиций сторон. На третьем этапе происходит выявление интереса, который стоит за позицией каждой из сторон. Четвертый этап — нахождение решения, которое должно устроить обе стороны. На заключительной, пятой стадии происходит заключение сделки по результатам медиации. На медиатора возлагается задача по оформлению консенсуса в письменной форме. Если в роли медиатора выступает нотариус, то он правомочен засвидетельствовать это соглашение. На этом этапе высока также роль адвокатов сторон, которые помогают в юридическом оформлении сделок, проверяют юридические возможности их выполнения [5].

Как отмечается специалистами Федерального института медиации РФ, процедура медиации наиболее широко получила свое развитие в таких городах страны как Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Рязань, Новосибирск, Воронеж, Екатеринбург, Нижний Новгород, где активно работают локальные центры медиации. Помимо этого, медиация развивается в системе Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ и под руководством Российского Союза промышленников и предпринимателей [7].

В России на данном этапе действует законодательно закрепленный в 2010 году Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Основной задачей данного Закона является определение правовых основ предоставления услуг медиации на профессиональной основе, распространение практики мирного разрешения споров несудебными методами с целью разгрузки судов и обеспечения сбалансированных взаимоотношений между институтом медиации и судебной системой. В 2019 году в данный законодательный акт были внесены значительные изменения в части изложения статьи 1, где сфера применения медиации была расширена не только на гражданские отношения, но также на административные и иные публичные; процедура медиации в соответствии с изменениями стала применяться к спорам, которые рассматриваются как в порядке гражданского судопроизводства, так и административного судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах. Также были внесены поправки в изложение статьи 12, касающиеся силы исполнительного документа, которую имеет медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате медиации, реализованной без передачи спора на рассмотрение суда, но при его нотариальном удостоверении. В рамках изменений указан-

ного года было законодательно закреплено статей 16 право осуществлять деятельность медиаторов судьям, пребывающим в отставке [8].

Одним из аспектов, свидетельствующем о становлении процедуры медиации в РФ также является внесение профессии медиатора в список профессиональных стандартов. Данный фактор является важным, так как позволяет определять функции специалиста. В реестр профессиональных стандартов специалист в области медиации, или медиатор, был внесён в 2014 году и, соответственно, утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 15.12.2014 № 1041н. В соответствии с указанным стандартом, профессиональная деятельность медиатора носит код 07.001 и относится к группе занятий специалистов в области права, которые не вошли в другие группы и специалистов в сфере социальных проблем [2].

Проблемой распространения медиации в России становится информирование общества и соответствующих специалистов о ее преимуществах как способа разрешения споров. Данный проблемный аспект должен быть решен как на уровне государства, так и на уровне регионов, социальных институтов. Так, например, в 2019 году в городе Анапа Краснодарского края была проведена Международная практическая конференция «Медиация: опыт настоящего. Перспективы будущего», на которой ведущими специалистами в области медиации из различных регионов, представителями государственных структур и общественных институтов, которые являются потребителями услуг медиаторов, а также профессиональными сообществами были рассмотрены актуальные вопросы развития и проблемы становления института медиации на данном этапе формирования гражданского общества и его правового сознания.

Медиация уже применяется в виде примирения в ходе судебного рассмотрения дела и таким образом, а в роли медиатора, в основном, приходится выступать именно судьям, рассматривающим дело. Позиция большинства ученых, занимающихся медиацией, по вопросу об участии адвоката в переговорах в качестве медиатора достаточно категорична: профессия адвоката несовместима с выполнением роли медиатора. Суть этой позиции сводится к следующему: адвокат обычно является представителем одной из сторон в споре, а медиатор должен быть независимым. Однако на практике решение этого вопроса не является однозначным. Адвокат может выступать в качестве медиатора, реализуя свои функции по оказанию юридической помощи, однако эта деятельность несовместима с представительством интересов одной из сторон, участвующих в процессе медиации.

Литература:

1. Новиков, А. В., Слабкая Д. Н. Процедура медиации. Функции, типы и стадии медиации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1-1. с. 48-54.
2. Орсаева, Р. А. Медиация в разрешении споров: правильное направление // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 6-8 (50). с. 97-100.

Деятельность нотариуса в качестве медиатора, при которой его функции не ограничиваются только управлением переговорами, а направлены также на использование его юридической квалификации для оформления решения в юридической форме, необходимо рассматривать в качестве служебной деятельности в сфере оказания юридической помощи. Правила проведения нотариусом медиации закреплены в нормативных актах, регулирующих порядок осуществления нотариусом профессиональных обязанностей. По общему правилу предоставления нотариусом юридической помощи в качестве медиатора не исключает возможности удостоверение нотариусом сделки, которая заключена участниками медиации.

Однако развитие и распространение медиации в правовую систему России сопровождается рядом проблем, в частности, это низкая правовая культура населения и неприятие новой услуги как альтернативы традиционному судопроизводству, отсутствие государственной финансовой поддержки, проблема выбора квалифицированного медиатора и т.п. Так, только совместная работа ученых, органов государственной власти и профессиональных общественных организаций по изучению и введению института медиации способна преодолеть указанные проблемы и способствовать становлению института медиации в стране [4].

Итак, проанализировав историко-правовые основы альтернативных способов осуществления правосудия, исследования института медиации как формы альтернативного разрешения споров, можно сделать выводы, что восстановительное правосудие в России чаще происходило через мировые общественные суды, а не через медиаторов, но, несмотря на это, уже в современных условиях правовой действительности, с учетом уже модернизированной развитыми странами процедуры медиации и национальных правовых традиций, представляется возможным его осуществление с помощью последних тоже. Сущность медиации не является новой для отечественной правовой действительности, но на современном этапе развития правовой системы недостаточно только определения и понимания того, что этот институт уже существует в российском праве, сегодня необходимо определить возможности функционирования его в современных условиях, его новые формы реализации. Можно надеяться, что он органично войдет в правовую систему России благодаря тому, что не является чужим, а только лишь модернизированным, и пригодным для функционирования не только в правовом пространстве, но и для решения международных конфликтов.

3. Сухоставская, Ю. В. Перспективы развития медиации в России с учетом европейского опыта // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38). с. 39-42.
4. Торопова, А. А. Проблемы применения законодательства о медиации при организации и проведении процедуры медиации // Юрист ВУЗа. 2019. № 4. с. 13-30.
5. Шакиров, С. Е., Дронзина Т. А. Медиация как новый фактор развития модернизации общественного сознания // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2019. Т. 93. № 1. с. 122-128.
6. Шиянова, А. С. История и развитие института медиации // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 5 (32). с. 766-770.
7. Развитие медиации в Российской Федерации // ФГБУ Министерство Просвещения Российской Федерации «Федеральный институт медиации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fedim.ru/mediatsiya-v-rossii/> (Дата обращения: 17.05.2021).
8. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (Дата обращения: 17.05.2021).

Концепция двойственности источников международного частного права

Симонова Анастасия Евгеньевна, студент;

Головкина Юлия Александровна, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье авторы анализируют некоторые источники международного частного права. Также в статье приводятся и анализируются основные доводы сторонников концепции двойственности источников международного частного права. Кроме того, в ходе анализа дается критика данных доводов.

Ключевые слова: международное частное право, международное право, концепция двойственности источников, иностранный элемент, Гражданский кодекс.

Международное частное право представляет собой совокупность норм внутригосударственного законодательства, международных договоров, а также обычаев, которые регулируют гражданско-правовые, трудовые и иные частноправовые отношения, которые осложнены иностранным элементом. Источники международного частного права имеют важное значение в международном частном праве, так как без них невозможно было бы сотрудничество между странами.

Можно сказать, что в международном частном праве, единственным юридическим источником является нормативный юридический акт, то есть законы и подзаконные акты. Однако, также определённую, хотя и незначительную роль играют санкционированные обычаи. Кроме того, в некоторых государствах источниками права наряду с нормативными актами выступают судебные прецеденты. Они также являются источником и международного частного права [1, с. 56].

В Российской Федерации нет единого кодификационного акта по международному частному праву, коллизионные нормы содержатся в отраслевых кодексах таких, как Гражданский кодекс, Семейный кодекс и Кодекс торгового мореплавания. Основным национальным источником является Гражданский кодекс, который содержит нормы международного частного права в разделе 6 «Международное частное право». В данном кодексе впервые даётся достаточно обширный свод коллизионных норм

и принципов применения и толкования иностранного права. Также следует отметить, что в настоящее время законодательно закреплены многие положения, которые были выведены наукой. Такие понятия как взаимность, обратная отсылка, непосредственно применимые императивные нормы, закон тесной связи, личный закон физических и юридических лиц и др. впервые закреплены в российском законодательстве.

Помимо Гражданского кодекса также имеет существенное значение национальный источник коллизионного права и Семейный кодекс, который в разделе 7 «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» содержит нормы международного частного права. Семейный Кодекс внёс существенные изменения в коллизионное регулирование семейно-брачных отношений в сравнении с ранее действовавшим законодательством.

Кроме указанных нормативно-правовых актов отдельные коллизионные нормы содержатся и в ряде других законодательных актах Российской Федерации.

До сих пор остаётся спорным вопрос о вхождении в состав международного частного права национальных материально-правовых норм прямого действия. Материально-правовые нормы, предназначенные для регулирования отношений, осложнённых иностранным элементом, могут находиться и в международных договорах.

В настоящее время эти нормы в большинстве случаев признаются нормами международного частного права. В разделе VI «Международное частное право» ГК РФ имеется норма, в соответствии с которой если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается.

Кроме нормативно-правовых актов пункт 1 ст. 1186 ГК РФ называет в качестве источника международного частного права обычаи, признаваемые в Российской Федерации. Эти обычаи могут быть как национальные (российские), так и международные. Они могут иметь как материальное, так и коллизионное содержание [2, с. 130]. Кроме того, некоторые страны в качестве источника права признают судебный прецедент. Прецедент имеет значение для решения вопросов правоприменительного порядка, дополнения позитивного права путем восполнения пробелов в законе, признания обычая, толкования закона и т. д. Однако, в российском действующем законодательстве признание прецедента в качестве источника права не закреплено. При этом, некоторыми учеными высказывается мнение о необходимости признания судебного прецедента в Российской Федерации, а также о том, что обязательные для судов разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения и толкования права являются источником права. Данные вопросы в настоящее время являются дискуссионными [3, с. 4].

Говоря о международном договоре, следует сказать о том, что он, являясь источником международного права, регулирует отношения между государствами. Кроме того, договоры накладывают на государства обязанность обеспечить применение норм, содержащихся в договоре, повсеместно на его территории всеми физическими и юридическими лицами и его правоприменительными органами, которые подчиняются только национальному праву. Из сказанного можно сделать вывод о том, что для того, чтобы нормы международного договора могли применяться на территории государства и быть юридически обязательными для участников частноправовых отношений, нужно придать им силу национального права. Юридический механизм данного процесса предусматривается внутренним правом государства и обычно именуется трансформацией международно-правовых норм в национально-правовые. Правовые акты о присоединении являются теми правовыми формами, в которых нормы международного договора вводятся в российскую правовую систему. Именно они являются источниками российского права вообще и международного частного права [4, с. 57].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что международный договор не имеет прямого применения во внутригосударственной сфере, а значит также и не является источником внутреннего права, в том числе

международного частного права как одной из отраслей внутреннего права. В трансграничных частноправовых отношениях действие международного договора опосредовано национально-правовыми актами (п. 4 ст. 15 Конституции, законом о ратификации, постановлением Правительства о присоединении и пр.). Эти акты являются теми правовыми формами, в которых нормы международного договора вводятся в российскую правовую систему. Именно они являются источниками внутреннего права вообще и международного частного права в частности. Итогом данной процедуры является то, что международный договор приобретает силу действия национально-правового акта. В свою очередь, данный факт снимает проблему «двойственности» источников международного частного права [2, с. 130].

В последнее время сфера воздействия международно-правовых договоров все более расширяется как на международные коммерческие отношения, так и на международный гражданский оборот. Развитие и обновление таких отношений, потребность в защите прав и законных интересов субъектов международного частного права обуславливают необходимость всестороннего совершенствования применяемых в этой области международно-правовых инструментов.

Учитывая специфику общественных отношений, которые регулируются международным частным правом, а также его места в правовой системе (национальной либо международной), можно выделить определенную особенность источников международного частного права. Данная особенность заключается в двойственности форм выражения и закрепления его норм. Двойственность в контексте источников международного частного права означает, что с одной стороны, источниками являются международные договоры и международные обычаи, а с другой — нормы законодательства и судебная практика отдельных государств [4, с. 64].

В доктрине широко обсуждается двойственность источников международного частного права. Кроме того, ранее названный Гражданский Кодекс Российской Федерации в п. 1 ст. 1186 устанавливает, что право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, «определяется на основании международных договоров Российской Федерации, настоящего Кодекса и других законов, а также обычаев, признаваемых в Российской Федерации». Исходя из данной формулировки можно сделать вывод о том, что Гражданский Кодекс воспринял концепцию двойственности источников [5].

Кроме данного факта ученые, поддерживающие концепцию двойственной природы источников международного частного права, указывают на тот факт, что многие нормы, входящие в его систему, создаются в форме международных договоров. Международный договор действительно играет большую роль в создании норм международного частного права, в частности унифицированных коллизионных и унифицированных материальных част-

ноправовых норм. Однако, как уже отмечалось ранее, это не может служить доказательством того, что договор сам по себе является источником международного частного права [6, с. 68-69].

Кроме того, нужно отметить, что концепция двойственности источников не предполагает разделение международного частного права на две части, так как предмет регулирования в любом случае являются одни и те же отношения, а именно гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом [4, с. 66].

Международное право и национальное право являются самостоятельными правовыми системами, которые не находятся в подчинении у друг друга. Однако в то же время они взаимосвязаны и тесно взаимодействуют. В рамках данных систем фигурируют свои объекты регулирования, субъекты и источники.

Таким образом, концепция двойственности источников международного частного права подвергается критике, так как международные договоры в любом случае не применяются непосредственно, а вводятся в российскую правовую систему определенными актами органов власти. В свою очередь данные акты и являются источниками внутреннего права вообще и международного частного права в частности. Кроме того, в доктрине указывается на то, что международное право и национальное право-это самостоятельные правовые системы, которые не подчиняются друг другу, но тесно взаимодействуют. Однако, в защиту концепции можно сказать, что международные договоры и внутригосударственное право регулируют одни и те же отношения, а именно гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом.

Литература:

1. Международное частное право: учебник/ред.: Г. К. Дмитриева и др. — Москва: Проспект, 2017. — 690 с. — ISBN 9785392195954. — Текст: непосредственный.
2. Ануфриева, Л. П. Международное частное право. В 3-х т. Общая часть. Т. 1./Л. П. Ануфриева. — Москва: БЕК, 2002. — 288 с. — ISBN 5-85639-263-9. — Текст: непосредственный.
3. Тарабан, Н. А. Становление судебного прецедента как источника материального права в условиях глобальной интеграции российской правовой системы/Н. А. Тарабан. — Текст: непосредственный // Администратор суда. — 2019. — № 4. — с. 14-18.
4. Богуславский, М. М. Международное частное право. Учебник./М. М. Богуславский. — Москва: Юрист, 2010. — 462 с. — ISBN 5-7975-0375-1. — Текст: непосредственный.
5. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации Часть 4.: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 30.04.2021: [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года]. — Москва, 2021. — 5496 с. — Текст: непосредственный.
6. Международное частное право: учебник/ред. Г. К. Дмитриева, Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева и др. — Москва: Проспект, 2004. — 688 с. — ISBN 5-98032-349-X. — Текст: непосредственный.

Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации

Степанищева Анастасия Романовна, студент;
Мельникова Виктория Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье дается определение коррупции, распространяющейся в системе государственной службы Российской Федерации, и средствам борьбы с ней на этапах предупреждения и пресечения подобных случаев неправомерного характера.

Ключевые слова: государственная служба, система государственной службы, Российская Федерация, коррупция.

Система государственной службы Российской Федерации характеризуется своей законодательной частью и вопросами регулирования данного состава через Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 23.05.2016) [1]. Согласно положениям данного закона такая система образо-

вана за счет государственно-гражданской службы, военной службы, государственной службы иных видов.

Состав системы определяет и то, что: — регулирование системы происходит на основании соответствующих законов, обращаемых к конкретному виду службы в Российской Федерации;

— законодательная сторона государственной службы образует базу для создания крепкого и устойчивого аппарата управления целым государством.

Акцентируя внимание на основных характеристиках системы государственной службы Российской Федерации, мы отметим необходимость создания открытого и честного аппарата государственного управления. Такое возможно при условии пресечения и предупреждения нежелательных случаев, связанных с коррупцией.

Под коррупцией в системе государственной службы понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами — определение представлено в Федеральном за-

коне Российской Федерации № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2].

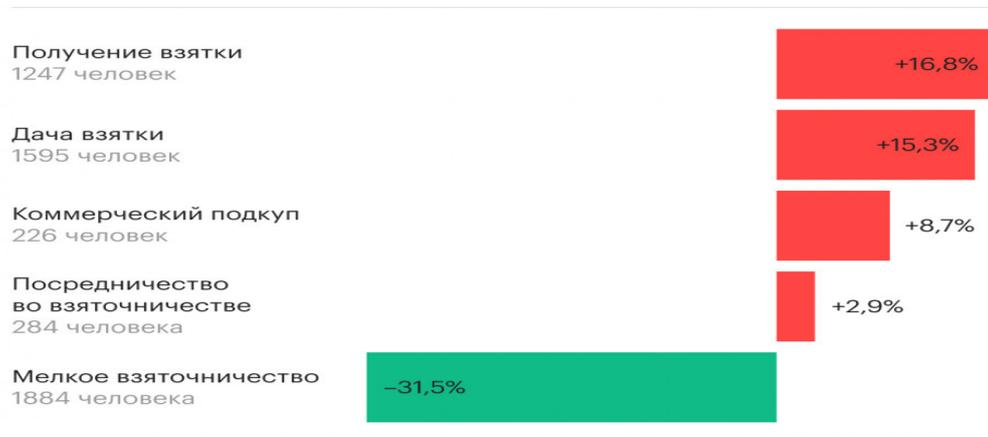
Данное развернутое и точное понимание смысла и содержания коррупции определяет её неправомерный, нерегулируемый характер. В таких отношениях, образованных заведомо отрицательным способом, выступает лицо, кто дало взятку, и лицо, кто приняло её.

В принципе в системе государственной службы определение взяток должно сводиться к минимуму, если аппарат государственного правления желает быть открытым перед собственными гражданами страны. Однако, как показывает статистика, система государственной службы состоит на 60% из взяточничества. Многие дела раскрыты, по статистике судебной практике большинство случаев зарегистрировано по вопросам получения взятки, далее следует — дача взятки, коммерческий подкуп и посредничество во взяточничестве. Это являются наиболее распространенными формами коррупции государственной службы Российской Федерации.

На рисунке 1 отразим динамику роста коррупционных дел, представляемых Судебным Департаментом РБК [3].

Как изменилось число осужденных за коррупцию

В 2019 году по сравнению с 2018 годом

Источники: Судебный департамент, РБК

© РБК, 2020

Рис. 1. Динамика коррупции в Российской Федерации на 2020 год

Увеличение взяток, как коррупционных мероприятий, указывает на серьезные проблемы в регулировании данных вопросов, а также ряд необходимых мер, какие должны включаться в систему государства в настоящее время.

Выделим проблемы.

Во-первых, это нежелание самостоятельно добиваться результатов и осознание того, что проще кому-то дать взятку за собственное развитие и карьерный рост.

Во-вторых, это личная позиция лица, кто получает взятку, и его стремление заработать таким неправомерным способом.

В-третьих, это наличие собственных мотивов, образующихся во времени и в качестве следствия на определенные условия.

Решение представленных проблем может отражаться в следующих средствах пресечения и предупреждения коррупции:

— формирование антикоррупционного поведения в обществе, начиная от малого возраста до лиц старшего поколения. Как известно, культура складывается с годами: то, что привито в детстве, активно развивается по мере взросления человека. Представляется и то, что воспитание правомерности в детях позволит минимизировать коррупцию в дальнейшем;

— антикоррупционная экспертиза документов, нормативных актов — задача, которая требует изучения и подхода к данной проблеме с точки зрения нормативного разъяснения некоторых положений и выделения способности в документах «задвигать» или трактовать по-иному уже сформированную информацию;

— формирование качественных условий отбора и найма кандидатов, решивших осуществлять свою деятельность в системе государственной службы Российской Федерации на основаниях и условиях, сформированных согласно законодательству и внутренним правилам. Создание качественных штат и комплектации персонала позволит отстранить лиц, преследующих собственные интересы в работе, сократить количество взяток, а, следовательно, и число некачественного материала в государстве (отчетности, проектов, смет и прочее);

— соблюдение принципов сохранения государственной тайны при освобождении сотрудников от занимаемой должности в целях минимизации внутренних государственных рисков, связанных со знаниями кон-

кретного лица, ранее имеющего доступ к информации различной категории;

— развитие институтов контроля обществом по всей территории Российской Федерации и формирование возможности обратной связи от лиц, с кого требуется взятка или иное противоправное деяние.

Все способы считаются нами средствами административно-правового характера. Они прописаны в статье 6 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Конечно, по мере развития системы государственной службы данные средства могут быть дополнены или разъяснены еще более точно и достоверно. Однако, в настоящее время наличие таких средств сокращения коррупционных дел практически не влияет на положение государства в данных вопросах. Все мероприятия, связанные с целью сокращения коррупции, должны быть разработаны не только на государственном уровне, но и в обществе, поскольку в большинстве случаев граждане страны поддаются под условия взяточничества по незнанию собственных прав и обязанностей.

Литература:

1. Российская Федерация. Федеральный закон: от 27.05.2003 (ред. от 23.05.2016) «О системе государственной службы Российской Федерации». — Электронно-справочная база/Консультант-Плюс
2. Российская Федерация. Федеральный закон: от 25.12.2008 (посл. ред) № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». — Электронно-справочная база/Консультант-Плюс
3. Новости Судебного Департамента РБК — Электронный источник/Режим доступа: <https://www.rbc.ru/tags/?tag=%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82> (дата обращения 21.05.2021)

Система и структура федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Часть 1

Субоч Елена Викторовна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Данная тема актуальная, т. к. в последние годы всё более отчетливо в научной литературе говорят о возрастающей роли именно исполнительной ветви власти.

Конституция Российской Федерации [1] в ст. 10 провозгласила принцип разделения властей в качестве одной из основ конституционного строя, предусмотрев разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Исполнительная власть имеет подзаконный характер, а потому вторична по отношению в законодательной власти. Однако при рассмотрении фактических возможностей ветвей власти, можно говорить о том, что именно исполнительная власть сосредоточила в себе основные материальные и людские ресурсы, так как именно ей подотчетны, армия, «силовые» структуры государства, государственная собственность.

Имеет свою специфику и правовое регулирование исполнительной власти, осуществляющих ее органов. Это связано с тем, что Конституция Российской Федерации регулирует только статус Правительства Российской Федерации, не закрепляя статус иных федеральных органов исполнительной власти (упоминается о министрах, но не о министерствах). В остальном система и структура федеральных органов исполнительной власти регулируется на уровне подзаконных актов главы государства. Вместе с тем, развитие исполнительной власти показывает то, что происходит постоянный поиск оптимального сочетания органов государственного управления.

За годы действия Конституции Российской Федерации система федеральных органов исполнительной власти претерпевала неоднократные изменения, что связано с постоянным поиском оптимального и сбалансированного государственного аппарата. Однако, как видится, такая цель до настоящего времени не достигнута, что актуализирует исследование системы органов исполнительной власти в период проведения в России административной реформы.

Значимым также является терминологическое использование понятий «система» и «структура» применительно к органам исполнительной власти. В нормативных актах, в концепциях административной реформы все чаще используются понятия «система» и «структура». Применение этих понятий в правовых актах не вызывает возражений. Разработка эффективных систем и структур управления неизбежно требует углубленного анализа сущностных связей в организации и деятельности органов власти. Без такого анализа нельзя, очевидно, намечать правильные пути рационализации этих органов. К тому же понятия «система» и «структура», закрепляемые в юридических нормах, становятся обязательными для практического применения, что повышает требования к четкости определения этих понятий.

В свете того, что 14 марта 2020 года Президентом Российской Федерации был подписан Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [2], который 4 июля 2020 года вступил в силу, исследование правового статуса Правительства Российской Федерации приобретает особый интерес. Предлагаемые поправки затрагивают отдельные вопросы формирования и прекращения деятельности Правительства Российской Федерации.

6 ноября 2020 года был подписан новый закон о Правительстве Российской Федерации — Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [3].

Обращение к исследованию правового статуса высшего исполнительного органа власти, его структуры, организации деятельности значимо в настоящее время. Однако хочется обратить внимание, что высший коллегиальный орган исполнительной власти в соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации формируется на основе предложения Председателем Правительства Российской Федерации членов Правительства Российской Федерации (заместителей и министров) Президенту Российской Федерации. Сказанное, а также учитывая не столь большую законодательную базу и научный интерес по данному вопросу, позволяет отметить, что актуальным является исследование правового статуса Правительства Российской Федерации, его роли в системе федеральных органов государственной власти.

Определяя понятие органа исполнительной власти, различные авторы выделяют целый ряд характеризующих его признаков. Отмечается, что орган исполнительной

власти является: государственным органом, политическим учреждением, целостным самостоятельным структурным образованием государственного аппарата, организованным коллективом людей. Он всегда действует от имени государства, в рамках закрепленной за ним компетенции в целях решения задач, стоящих перед государством и обществом. Этот орган, осуществляя функции исполнительной власти, наделен полномочиями государственно-властного характера.

Так, в учебнике под ред. Л. Л. Попова дается следующее определение: «Орган исполнительной власти — структурное подразделение государственно-властного механизма (государственного аппарата), создаваемое специально для повседневного функционирования в системе разделения властей с целью проведения в жизнь (исполнения) законов в процессе управления (регулирования) экономической, социально-культурной и административно-политической сферами жизни общества».

В предлагаемом Ю. Н. Стариковым определении уточняется, какое именно структурное подразделение и какими средствами происходит реализация ими функций государственного управления. «Орган исполнительной власти — это государственная организация, являющаяся частью системы органов государственной власти в РФ и учрежденная самим государством для исполнения и обеспечения исполнения законов и иных нормативных правовых актов, осуществления функций государственного управления во всех сферах жизни государства и общества посредством использования специальных форм и методов осуществления управленческих действий, обладающая соответствующей структурой, компетенцией, государственно-властными полномочиями и штатом государственных служащих» [5].

Следует отметить, что в настоящее время на законодательном уровне прямо не закреплена единая система и структура федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих федеральный государственный надзор и контроль в той или иной области [6].

Устанавливая рассматриваемую систему, прежде всего, необходимо исходить из смысла понятия «система федеральных органов исполнительной власти», определение которому законодатель не дает, в том числе на конституционном уровне. Специальный федеральный конституционный или федеральный закон, определяющий порядок формирования федеральных органов исполнительной власти, в настоящее время так и не принят, в отличие от других ветвей власти — законодательной и судебной [7, 8, 9]. Кроме того, в Конституции РФ не устанавливаются ни полный перечень федеральных органов исполнительной власти, ни их возможные виды. Применительно к системе федеральных органов исполнительной власти она регламентирует лишь вопросы организации и деятельности Правительства Российской Федерации, которое в соответствии с действующими нормативными правовыми актами [1] осуществляет и возглавляет единую систему исполнительной власти России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11.
3. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45.
4. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник/М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2010. — с. 148.
5. Авдеев, Д. А. Дихотомические особенности федеральной исполнительной власти в России // Современное право. 2011. N 10. с. 54.
6. Туровская, В. А. О некоторых проблемах построения эффективной системы федеральных органов исполнительной власти по надзору и контролю // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2. с. 34.
7. Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8585;
8. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 26 февр.;
9. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 янв.

Система и структура федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Часть 2

Субоч Елена Викторовна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Главное назначение органов исполнительной власти — исполнение законов. Для выполнения своих функций она осуществляет большую исполнительно-распорядительную деятельность, затрагивающую права и интересы граждан Российской Федерации.

Наиболее важной и сложной проблемой является определение целей, функций и полномочий каждого органа федеральной исполнительной власти с учетом его места в государственном регулировании экономических и социальных процессов в Российской Федерации.

В юридической литературе отмечается, что в настоящее время на законодательном уровне прямо не закреплена единая система и структура федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих федеральный государственный надзор и контроль в той или иной области [1].

Устанавливая рассматриваемую систему, прежде всего, необходимо исходить из смысла понятия «система федеральных органов исполнительной власти», определение которому законодатель не дает, в том числе на конституционном уровне. Специальный федеральный конституционный или федеральный закон, определяющий порядок

формирования федеральных органов исполнительной власти, в настоящее время так и не принят, в отличие от других ветвей власти — законодательной и судебной [2, 3, 4]. Кроме того, в Конституции РФ не устанавливаются ни полный перечень федеральных органов исполнительной власти, ни их возможные виды. Применительно к системе федеральных органов исполнительной власти она регламентирует лишь вопросы организации и деятельности Правительства Российской Федерации, которое в соответствии с действующими нормативными правовыми актами [5] осуществляет и возглавляет единую систему исполнительной власти России.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ [6], в систему федеральных органов исполнительной власти входят Правительство Российской Федерации, состоящее из Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, а также министерства и другие федеральные органы исполнительной власти, которые определяются на основе Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и иных феде-

ральных законов. По вопросам, касающимся системы федеральных органов исполнительной власти, не урегулированным законодателем, Президент Российской Федерации может издавать указы, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

В процессе неоднократного реформирования системы государственного управления Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 была образована трехуровневая система федеральных органов исполнительной власти, включающая в себя три их вида: федеральные министерства, службы и агентства.

Представляется, что существенный недостаток Указа Президента РФ № 314 заключается в том, что в нем не было закреплено Правительство РФ в качестве элемента системы федеральных органов исполнительной власти, которую исходя из Конституции РФ и иных нормативных правовых актов оно возглавляет, осуществляя исполнительную власть России. Представляется необходимым устранить указанный пробел.

Исходя из толкования ч. 1 ст. 112 Конституции РФ, данного Конституционным Судом РФ [6], в понятие «система федеральных органов исполнительной власти» входит понятие «структура федеральных органов исполнительной власти», которое включает перечень конкретных органов, обеспечивающих реализацию Правительством РФ возложенных на него задач и полномочий.

В настоящее время в юридической литературе немало внимания уделяется исследованию правового статуса Правительства РФ [7]. При этом внимания заслуживают как вопросы, связанные с осуществляемыми полномочиями, так и со структурой, с порядком формирования высшего исполнительного органа страны.

Конституционный Суд РФ Постановлением от 27 января 1999 г. № 2-П [6] четко разъяснил, что Правительство РФ относится к системе федеральных органов исполнительной власти.

Представляется также важным принятие Федерального закона «О системе федеральных органов исполнительной власти», который бы разрешил споры и дискуссии относительно соотношения исследуемых понятий, включив Правительство РФ в число федеральных органов исполнительной власти в качестве особого органа исполнительной власти. Стоит отметить, что аналогичные предложения высказываются учеными достаточно давно, однако законодатель не предпринял никаких усилий в данном направлении до настоящего времени.

Вместе с тем важной характеристикой Правительства РФ является указание на то, что оно является коллегиальным органом, что, пожалуй, подчеркивает значимость личного участия каждого министра, как члена Правительства РФ. Если прежний закон содержал соответствующее упоминание, то новый Закон о Правитель-

стве РФ не содержит данного положения что видится неправильным.

Согласно ч. 2 ст. 110 Конституции РФ Правительство Российской Федерации состоит из Председателя, его заместителей и федеральных министров.

Стоит отметить, что законодатель не указывает ни на количество заместителей, ни на количество министров¹. Ни в Конституции РФ, ни в Законе о Правительстве не говорится о других членах Правительства РФ, однако, как показывает практика, в состав исполнительного органа могут входить и так называемые министры «без портфеля», а также руководитель Аппарата Правительства РФ, что имеет место в настоящее время. В частности, руководитель Администрации Правительства РФ является заместителем Председателя Правительства РФ.

Порядок формирования Правительства РФ полностью исходит из Конституции РФ. С данной процедурой тесно взаимосвязано положение ч. 1 ст. 112 Конституции РФ, которое предусматривает правила определения структуры федеральных органов исполнительной власти. Толкуя данную норму, стоит обратить внимание, что следует говорить о более широком положении, в частности, речь идет, по сути, не только о как таковой системе федеральных органов исполнительной власти, но и о структуре Правительства РФ, так как министры также образуют состав данного органа.

Закон о Правительстве РФ предусматривает возможность формирования в структуре данного органа Президиума, который предназначен решать оперативные вопросы и состоит из руководства Правительства РФ и ключевых министров. При этом речи не идет о подмене исполнения полномочий Правительством РФ в целом.

В структуре Правительства РФ также создаются координационные органы в виде комиссий и комитетов, а также совещательные органы — советы, назначение которых состоит также в разработке рекомендаций.

Председатель Правительства РФ назначается Президентом РФ после утверждения его кандидатуры Государственной Думой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что порядок формирования Правительства РФ предусмотрен действующей Конституцией РФ, Законом о Правительстве РФ, что создает гарантии конституционности данной процедуры.

Нынешняя система федеральных органов исполнительной власти была установлена Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [8] (далее — Указ № 314), с которым связан новый этап административной реформы. Данный указ закрепил трехзвенную систему исполнительной власти РФ, предусмотрев следующие виды органов:

- 1) федеральные министерства;

1 Интересно заметить, что на законодательном уровне это обычно не делается, однако есть пример: законодательно закреплено, что у Председателя Конституционного Суда РФ есть два заместителя.

- 2) федеральные службы;
- 3) федеральные агентства.

Федеральное министерство выполняет функцию по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности.

Самостоятельным видом федеральных органов исполнительной власти являются федеральные службы.

На них возлагаются следующие функции: как общие функции по осуществлению контроля и надзора в установленной сфере деятельности, так и специальные функции в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны Государственной границы РФ, борьбы с преступностью, общественной безопасности.

В качестве самостоятельной разновидности федеральных органов исполнительной власти выступают федеральные агентства, на которые возложены функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом и правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору. Федеральное агентство может быть подведомственно Президенту РФ или Правительству РФ. Руководит деятельностью федерального агентства директор. В пределах своей компетенции федеральное агентство издает индивидуальные правовые акты.

Таким образом, обобщая изложенное, видится возможной реализация следующих предложений:

- 1) принятие федерального закона «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», который бы позволил стабилизировать систему федеральных органов исполнительной власти;
- 2) подчинение всех федеральных органов исполнительной власти Правительству Российской Федерации, как полномочному конституционному органу, возглавляющему систему исполнительной власти (административный механизм руководства Президентом Российской Федерации, как Верховным Главнокомандующим, блоком административных ведомств, реализующих государственные функции в области обороны и безопасности, необходимо, но должен быть иным, отличным от существующего);
- 3) формирование и закрепление на законодательном уровне федерального реестра государственных функций

с точным их описанием, внесение изменений в который должно производиться исключительно путем принятия отдельных федеральных законов (правонадление отдельных федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций полным или частичным исполнением определенной государственной функции должны осуществлять Президент Российской Федерации или Правительство Российской Федерации, для чего необходимо между ними четко разграничить компетенцию в данном вопросе).

Подытоживая, можно сделать несколько выводов:

Орган исполнительной власти — это государственная организация, являющаяся целостным самостоятельным структурным образованием государственного аппарата и представляющая собой организованный коллектив людей, который, действуя в рамках закрепленной за ним компетенции от имени государства в целях решения задач, стоящих перед государством и обществом, осуществляет функции исполнительной власти в РФ и ее субъектах и наделен для этого государственно-властными полномочиями.

Учитывая особенности формы государственного устройства, а также многообразие органов исполнительной власти, можно говорить о существовании большого числа оснований для классификации таких органов. При этом важно отметить, что систему органов исполнительной власти образуют не только органы, но и должностные лица в личном качестве, что говорит о специфике исполнительной власти.

Порядок формирования Правительства РФ предусмотрен действующей Конституцией РФ, Законом о Правительстве РФ, что создает гарантии конституционности данной процедуры. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что фактически Правительство РФ формируется Президентом РФ, так как несмотря на участие в назначении Председателя Правительства РФ, его заместителей и федеральных министров Государственной Думы (утверждает кандидатуру), Совета Федерации (проводит консультации) решающая роль отводится главе государства, который в случае отклонения Государственной Думой представленной кандидатурой Председателя Правительства РФ не лишен возможности в последующем предложить ту же самую кандидатуру.

Литература:

1. Туровская, В. А. О некоторых проблемах построения эффективной системы федеральных органов исполнительной власти по надзору и контролю // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2.
2. Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8585.;
3. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 26 февр.;
4. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 янв.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014

№ 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 6. Ст. 866
7. Федотова, Ю. Г. Правительство Российской Федерации как субъект обеспечения безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2015. — № 7. — с. 61-64.
8. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 20.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

Результаты интеллектуальной деятельности

Тарасов Артем, студент магистратуры
Самарский государственный экономический университет

В процессе интеллектуальной деятельности человек производит своеобразный нематериальный «продукт», имеющий материальную ценность. Правовая природа результатов интеллектуальной деятельности изучена недостаточно — на протяжении долгого времени несколько раз менялись нормативные подходы. В статье рассмотрены особенности результатов интеллектуальной деятельности как объектов интеллектуальной собственности и выявлены основные признаки.

Ключевые слова: результат интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, исключительные права.

Results of intellectual activity

In the process of intellectual activity, a person produces a kind of intangible «product» that has material value. The legal nature of the results of intellectual activity is not sufficiently studied — for a long time, regulatory approaches have changed several times. The article considers the features of the results of intellectual activity as objects of intellectual property and identifies the main features.

Keywords: the result of intellectual activity, intellectual property, intellectual rights, exclusive rights.

Интеллектуальная деятельность представляет собой работу по созданию нематериальных объектов в области науки, искусства, литературы, техники... Главная ее особенность — умственный, а не физический труд.

Термин «интеллект» означает умственную способность, следовательно, интеллектуальная деятельность выражается в специфической форме человеческой активности и находит свое воплощение в творческом продукте.

Результат интеллектуальной деятельности имеет «идеальную природу», может выражаться в виде художественных образов, численно-буквенных обозначений, знаков, символов, звуковых средств и т.д. и могут быть размещены на соответствующих материальных носителях. [3, с. 2]

Результат интеллектуальной деятельности и приравненное к нему средство индивидуализации выступают своеобразным продуктом, имеющим нематериальное воплощение. Так, на результат, относящийся к объекту, имеющему материальное воплощение (например, стихи, написанные на листе бумаги) не распространяется право собственности (сам по себе лист бумаги не является результатом интеллектуальной деятельности, выступая

лишь носителем нематериального продукта умственного труда).

Результатами интеллектуальной деятельности признаются произведения науки, литературы и искусства; программы для ЭВМ; базы данных; исполнения; фонограммы; вещания организаций эфирного или кабельного вещания; изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; ноу-хау; фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения. [1, ч. 1, ст. 1225]

Правовая регламентация результатов интеллектуальной деятельности в России — относительно новое явление. Результатом интеллектуальной деятельности признается подлежащий использованию нематериальный коммерческий продукт. Если такому продукту предоставляется правовая охрана, его именуют интеллектуальной собственностью. Не предоставляется правовая охрана лишь полезным моделям и промышленным образцам, которые содержат информацию, составляющую государственную тайну, и результатам интеллектуальной деятель-

ности, противоречащим интересам общества, принципам морали и гуманности. [1, ч. 3-4, ст. 1349]

Институт интеллектуальной собственности в теории и практике не перестает оставаться предметом споров многих правоведов. [6, с. 511] По мнению одних исследователей, «интеллектуальная собственность» выступает правовым институтом, другие говорят о недопустимости применения одного и того же правового режима для материальных вещей и нематериальных объектов. Отношения, связанные с использованием последних, регулируются применением режима исключительных прав» [5, с. 391].

Положения ст. 1226 ГК РФ разрешают отчуждать исключительные права, в результате чего могут рассматриваться как монополия правообладателя на использование результатов интеллектуальной деятельности в соответствии с законом. Таким образом, в случае, если законом не закреплены исключительные права на определенные результаты интеллектуальной деятельности, то такие результаты не признаются конфиденциальными, а значит, использование данных достижений свободное и безвозмездное [4, с. 223].

Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Автор результата интеллектуальной деятельности обладает имущественными и личными неимущественными правами. В отличие от имущественных прав, неимущественные остаются с автором при отчуждении имущественных прав иным лицам и действуют бессрочно. Следовательно, личные неимущественные права не должны входить в состав «исключительных прав». Так, наиболее правильным видится подход, где «под исключительными правами понимают лишь имущественные права, которые могут переходить к иным лицам» [2, с. 17], а термин «интеллектуальная собственность» является «собирательным», который включает в себя совокупность личных неимущественных и исключительных (имущественных) прав.

Стремясь разрешить правовую коллизию, в статью 1226 ГК РФ были внесены изменения, согласно которым интеллектуальные права теперь являются обобщающими понятием и включают в себя исключительное право, являющееся имущественным правом, а в некоторых случаях, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие). По сути, термин «право интеллектуальной собственности» был заменен на термин «интеллектуальные права». [3, с. 3]

Понятие «интеллектуальных прав» имеет отношение к таким правам, как, например, право на селекционные достижения, право на топологию интегральной микросхемы. Однако главная роль термина «интеллектуальные права» заключается в обобщении различных субъективных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [2, с. 18].

Таким образом, результатом интеллектуальной деятельности признается подлежащий использованию нематериальный коммерческий продукт. Однако не каждому результату может предоставляться правовая охрана. Сфера правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности находится в стадии развития. Некоторые нормы на сегодняшний день трудны для общественного понимания. Дальнейшее изучение правовой природы интеллектуальной собственности имеет большой потенциал для развития. Результаты интеллектуальной деятельности являются разновидностью продуктов человеческого труда вообще, они обладают определенной экономической ценностью и могут быть присвоены конкретными лицами, — это дает основание говорить о возникновении отношений, аналогичных отношениям собственности. Специфика интеллектуальной деятельности и ее результатов как объектов собственности обуславливает значительные особенности этих отношений, в силу чего они, будучи опосредованы правом, выступают как особая разновидность права собственности: «право интеллектуальной собственности».

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2019 г. № 230-ФЗ — [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2021 г.);
2. Гаврилов, Э. П. Исключительные права на нематериальные объекты // Патенты и лицензии. 2020. № 3. — 177 с.
3. Джанибеков, Б. Н. Правовая природа результата интеллектуальной деятельности // Вестник науки и образования. 2018. — [Электронный ресурс] — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-rezultata-intellektualnoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 04.05.2021 г.).
4. Зенин, И. А. Рынок и право интеллектуальной собственности // Вопросы изобретательства. 2018. № 1. — 251 с.
5. Калягин, В. О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учебник для вузов. М.: Норма. 2018. — 451 с.
6. Право интеллектуальной собственности: учебник для академического бакалавриата/под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Юрайт. 2019. — 612 с.

Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной деятельности в действующем законодательстве России

Тарасов Артем, студент магистратуры
Самарский государственный экономический университет

Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной деятельности является базой для достижения главной цели — законодательно определить порядок использования объекта, созданного в процессе мыслительного и творческого труда. Вопрос предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности приобретает все большую актуальность с развитием науки, техники, информационных технологий.

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность, интеллектуальная собственность, результат интеллектуальной деятельности.

Legal regulation of relations in the field of intellectual activity in the current legislation of Russia

The legal regulation of relations in the field of intellectual activity is the basis for achieving the main goal — to legally determine the procedure for using the object created in the process of mental and creative work. The issue of granting legal protection to the results of intellectual activity is becoming increasingly relevant with the development of science, technology, and information technology.

Keywords: intellectual activity, intellectual property, the result of intellectual activity.

Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной деятельности осуществляется, в первую очередь, за счет норм Конституции Российской Федерации, в частности норм ст. 44: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. Интеллектуальная собственность охраняется законом».

Одним из основных источников правового регулирования отношений в данной области является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ). Четвертая часть ГК РФ отвечает задачам концепции полной кодификации современного законодательства в сфере интеллектуальной деятельности [2, с. 17].

В целях урегулирования отношений в данной области изданием специальных норм ГК РФ было решено несколько задач.

Во-первых, проведено полное сосредоточение в нормах ГК РФ всего законодательства, регулирующего отношения в области интеллектуальной деятельности. В результате, с принятием Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» с 01.01.2008 г. были отменены шесть федеральных законов об отдельных видах интеллектуальной собственности, принятых в 1992-1993 гг. Данная консолидация существенно упростила пользование и применение правовых норм в этой области.

Во-вторых, издание отдельной части ГК РФ способствовало приведению законодательства об интеллектуальной собственности в единую систему, базисом которой выступила идея о субъективных имущественных правах

на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность) как о правах исключительных. Особенностью таких прав является то, что они распространяются на нематериальные объекты.

Большинству общих норм, содержащихся в гл. 69 ГК РФ, корреспондируют в остальных его главах или в большей их части специальные нормы, касающиеся регулирования отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации.

В-третьих, появление части четвертой ГК РФ вновь поставило вопрос о правовом регулировании интеллектуальной деятельности, а именно о соотношении с общими нормами гражданского права. Так, например, для целей правовой регламентации отчуждения исключительных прав, по сути, в статье 1233 ГК РФ была воспроизведена норма пункта 3 статьи 420 ГК РФ.

Требования экономики на сегодняшний день определяют особый режим регулирования отношений в сфере интеллектуальной деятельности.

Специфические объекты гражданского оборота были приравнены к объектам материального права, которые ранее выступали единственной средой гражданско-правового регулирования.

Российская Федерация, являясь участником основных конвенций, касающихся охраны интеллектуальной собственности, стала разработчиком совершенно новых законодательных норм в данной сфере, принимая во внимание условия Международных соглашений.

Сравнивая законодательство СССР и действующие нормы, можно увидеть, что современных законах действует принцип частной собственности как основной

принцип правового регулирования в данной сфере. [4, с. 45]

Интеллектуальная деятельность выступает одним из объектов гражданского права, представляющего материальную и духовную ценность, в отношении которого участники (субъекты) порождают, изменяют и прекращают правовое взаимодействие. [3, ст. 128]

По поводу определения правовой природы интеллектуальной собственности как объекта правоотношений возникло много споров. [5, с. 72]

С одной стороны, в основу правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной деятельности следовало положить проприетарный подход (от лат. «proprietas» — «собственность»). Иными словами, правовая регламентация использования нематериального объекта (результата интеллектуальной деятельности) была приравнена к правовой регламентации объекта материального (вещи).

С другой стороны, «интеллектуальная собственность» — понятие идеальное, и его не следует отождествлять с вещью, поскольку является производной творческого труда физического или юридического лица.

Примечательно, что Россия, как говорилось выше, будучи участником Международных Конвенций, невзирая на унификацию законодательства РФ и международных норм, не признала общепринятую концепцию и придерживается последнего подхода.

Законодательство РФ предусматривает три варианта порядка регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности:

- 1) режим авторского правового регулирования;
- 2) режим патентно-правового регулирования;
- 3) режим коммерческой или служебной тайны.

Правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной деятельности распространяется на нематериальные объекты, а интеллектуальные права могут

реализовывать сразу несколько лиц (за исключением распоряжения личными имущественными правами). Распоряжение может проявляться в отчуждении и лицензировании.

Права, которыми наделены участники правоотношений, условно выделены в две группы: неимущественные и личные имущественные. Неимущественные представляют собой абсолютные права, обеспечиваемые особой охраной (право на имя, авторство и т. д.).

В силу стремительного развития отношений современная правовая база еще не получила достаточного развития. Правовая охрана на данном этапе не нашла способов, способных ликвидировать внушительное количество нарушений.

Думается, что либеральность санкций не препятствует вводу в оборот большого количества контрафактной продукции. Например, среди компьютерных программ доля так называемых «пиратских» версий может достигать до 95%. [3, с. 130] Такая ситуация требует принятия экстренных мер органами государственной власти.

В целях защиты интересов правовладельцев, дальнейшего развития права интеллектуальной собственности, устранения правовых пробелов, необходимо обеспечить подготовку квалифицированных кадров в данной области.

Таким образом, основными источниками правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной деятельности служат Конституция РФ и ГК РФ. В России еще не до конца сформировано научное понимание роли государства в вопросах правового регулирования отношений, возникающих в сфере интеллектуальной деятельности. Во многом это объясняется тем, что данный институт относительно молод. Сфера правового регулирования в данной области находится в стадии развития, однако базис уже сформирован и содержится в четвертой части ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2019 г. № 230-ФЗ — [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.05.2021 г.);
2. Баттахов, П. П. Правовая охрана интеллектуальной собственности и защита интеллектуальных прав // Экономические исследования и разработки. 2020. № 1. — 632 с. URL: <http://edrv.ru/article/09-08-20> (дата обращения: 08.05.2021);
3. Гаврилов, Э. П. Исключительные права на нематериальные объекты // Патенты и лицензии. 2020. № 3. — 177 с.;
4. Тарасьянц, С. В. Особенности правового регулирования интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 12-1. — 278 с.
5. — [Электронный ресурс] — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=4074> (дата обращения: 08.05.2021).
6. Черкасова, О. В. Защита интеллектуальной собственности. Учебное пособие. Екатеринбург, изд-во Уральского университета. 2017. — 102 с.

Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника

Фабрика Тамара Александровна, кандидат юридических наук, доцент;
Копанева Ульяна Павловна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье дана криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, приводятся количество совершенных им преступлений на территории Российской Федерации, а также Республики Башкортостан.

Ключевые слова: криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника.

На сегодняшний день в российском обществе сложилась обеспокоенность состоянием уровня преступности среди несовершеннолетних.

На основании Уголовного кодекса Российской Федерации преступностью несовершеннолетних признается совокупность преступных деяний, совершаемая на определенной территории за определенный промежуток времени лицами в возрасте от 14 до 17 лет, которые с криминологической точки зрения разделяются на группы. Данные группы подразделяются на следующие: в первую группу входят граждане от 14-15 лет, во вторую: 15-16 лет и наконец, в третью входят с 16-17 лет.

Криминологической особенностью преступности несовершеннолетних является её относительно плановый рост на протяжении длительного времени, т. к. данная категория является дрящимся процессом.

Исходя из структуры преступности в целом по стране, можно сделать вывод, что удельный вес преступлений среди подростков невелик, но и недооценивать опасность указанной категории будет неправильно. Говоря о преступности несовершеннолетних, В.В. Попандупуло выделяет три главные характеристики, а именно: «подростковая преступность причиняет вред развитию несовершеннолетнего преступника, способствуя продолжению их криминальной деятельности. Она способствует распространению криминального образа мыслей и способа поведения в «здоровой» подростковой среде, ведет к её криминальному заражению. И наконец, подростковая преступность является мощным источником самодетерминации преступности как таковой. Криминальная зараженность сегодняшних несовершеннолетних продуцирует преступность лиц молодого возраста, транслирует негативный криминальный опыт в будущее». [3, с. 82-89; 5, с. 7-8].

Анализируя состояние преступности подростков в стране, необходимо заметить, что существенно сократилось, как абсолютные, так и относительные количественные показатели.

Необходимо отметить спад количества зарегистрированных преступлений среди несовершеннолетних и при их соучастии. С 2015 года по 2020 год снизилось с цифры 55993 тысяч до 33575 тысяч, снижение составляет 59,9%. Однако от общего числа количества преступлений не произошло значительного снижения. Разберемся в ста-

тистических показателях, а именно общее количество преступлений зарегистрированных на территории страны снизилось, однако на фоне общего снижения преступности процентное снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, не произошло, а наоборот, до 2017 года процентное соотношение снижается, с 2016 года 13,2%, с 2017 года 12,5%, а вот с 2018 года наблюдается снижение лишь на 3,9%.

Это позволяет сделать вывод, что в 2018 году преступность несовершеннолетних возросла. В 2019 году снижение преступности от общего числа преступлений составляет 7,1%, в 2020 году 11,5%. [4].

Данное снижение можно объяснить тем, что за последние несколько лет значительно сократилась общая численность подростков уголовно-наказуемого возраста, проживающих на территории страны. Это можно подтвердить тем, что в указанные годы в России сократилась численность населения в возрасте от 14 до 17 лет, что и отразилось на показателях подростковой преступности. Однако принимая во внимание это обстоятельство, для криминологического анализа правильным будет использование относительных показателей, поскольку в нем уже учтено сокращение численности несовершеннолетних в стране. Так с 2015 по 2020 год коэффициент преступности несовершеннолетних выражает несменяемую тенденцию к снижению и составляет 21,8%.

Исходя из этого, отмеченное уменьшение преступности среди несовершеннолетних произошло в большей степени из-за повышения уровня её латентности.

Рассматривая же по гендерному признаку преступность среди несовершеннолетних, необходимо отметить, что лица мужского пола преобладают в общей массе преступности подростков. [2]. Однако, отмечая небольшую распространенность преступности среди девушек, данное явление скрывает в себе значительную общественную опасность. Так, удельный вес девочек в структуре несовершеннолетних преступников в 2016 г. — 8,2%, в 2017 г. — 14,8%, в 2018 г. — 15,2%, в 2019 г. — 15,6%, в 2020 г. — 16,1%. Исходя из выше представленных цифр, можно сделать вывод о феминизации подростковой преступности.

Таким образом, можно отметить следующую закономерность: спустя 3-4 года в тенденции преступности несовершеннолетних отражаются непосредственно во взрослой преступности.

В последнее время среди молодежи увеличивается количество преступлений, связанных с психическими отклонениями, совершенных в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Вернемся к статистическим данным, а именно: несовершеннолетними совершаются преступления:

— в состоянии алкогольного опьянения, в 2016 г. — 13,3%, в 2017 г. — 38,9%, в 2018 г. — 36,4%, в 2019 г. — 35%, в 2020 г. — 33,7%.

— в состоянии наркотического опьянения, в 2016 г. — 3,2%, в 2017 г. — 2,6%, в 2018 г. — 2,2%, в 2019 г. — 1,3%, в 2020 г. — 0,9%.

Преступность несовершеннолетних отличается своей территориальной распространенностью. В территориальном разрезе сегмент преступности демонстрирует существенные региональные различия. По мнению В. В. Попандупуло, «территорию субъекта Российской Федерации, возможно разделить на 6 групп, причем разрыв между регионами, как наиболее, так и наименее благополучными, оказался практически десятикратным». [3, с. 44].

Региональные различия становятся заметны и при сопоставлении преступности несовершеннолетних в городах и сельской местности. Традиционно считать, что преступность подростков присуща больше городу, чем селу, так они составляют 75%. Например: может послужить исследования подростковой преступности в Республике Башкортостан, где было установлено, что:

— структура преступности несовершеннолетних в сельской местности также отличается от аналогичной структуры городов края;

— уровни преступности несовершеннолетних и криминальной активности подростков в сельской местности выше, чем в городах;

— объем преступлений, совершаемых сельскими несовершеннолетними, больше, чем городскими.

Различие в городской и сельской преступности заключается в образе жизни и социальных условиях. В сельской местности удельный вес выше: краж, изнасилований, убийств и покушений на убийство, преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью средней тяжести. В городах удельный вес выше: грабежей, разбоев, угонов автомобилей или иных транспортных средств без цели хищения. [5]. Структура групповой преступности в городах составляет 70%, а в сельской местности 50%.

Говоря о данных криминологических исследований, М. М. Бабаев, замечает: «до 80% преступлений совершаются несовершеннолетними вблизи места учебы или жительства». [1, с. 304].

Подводя итог основным криминологическим параметрам преступности несовершеннолетних, отметим, что,

несмотря на отмеченное сокращение её количественных показателей, она несет неблагоприятные качественные изменения:

— стремительно увеличивается доля подростков, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения;

— расширяется сфера криминальных интересов;

— повышается криминальная самостоятельность и инициативность несовершеннолетних преступников;

— прослеживается устойчивый рост показателей повторной преступности;

— происходит феминизация подростковой преступности.

Причем эти процессы уже оказывают свое негативное влияние на «взрослую» преступность, равно как и на преступность в целом.

Так, являются резонансными примерами следующие трагические события. 17 октября 2018 года произошло массовое убийство в Керченском политехническом колледже, в результате взрыва и стрельбы погиб 21 человек из числа учащихся и персонала учебного заведения, включая нападавшего, 67 человек получили ранения. Нападавшим являлся 18-летний студент колледжа Владислав Росляков. Так, после данного факта произошло изменение оружейного законодательства, заместителем председателя Государственной думы Ириной Яровой был разработан законопроект, который предусматривает установление особого порядка при получении охотничьего билета и лицензии на приобретение огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия лицами в возрасте от 18 до 21 года.

Следующим примером негативного влияния на «взрослую» преступность, равно как и на преступность в целом, является случай массовой стрельбы в г. Казани, которое произошло 11 мая 2021 года. Аналогичные действия сопровождали 19-летнего нападавшего Ильназа Галявиева. В данной трагедии погибло 9 человек, 20 человек находятся в состоянии от среднего до тяжелого в госпитале (по состоянию на 14 мая 2021 года). Аналогичным образом предлагаются изменения в законодательстве в сфере лицензии и приобретения огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия.

Подводя итог выше сказанному, преступность подростков возможно выделить в самостоятельный вид преступности, характеризующийся присущими только ей количественными и качественными показателями её динамики на протяжении несколько лет, обусловленными, прежде всего личностью преступника, и в основе всего этого лежит неустойчивая психика и эгоцентризм мотива.

Литература:

1. Бабаев, М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность. М.: Юрист, 2016. — с. 304 с. 98
2. Информационный портал «РосПравосудие». [Электронный ресурс] // URL: //https://rospravosudie.com/. (Дата обращения: 21.04.2021).

3. Попандопуло, В.В. Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль: Дис.. канд. юрид. наук. Краснодар: КубГУ, 2017. — с. 42-44,82-89.
4. Сайт Министерства Внутренних Дел по Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // URL: //https // 02.мвд. рф/slujba/Otcheti_dolznostnih_lic/Otcheti_rukovoditelej_territorialnih_otd/otchet_rukovoditeley_terr_ot; (Дата обращения: 21.04.2021).
5. Статистика преступности (преступлений) по Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // URL: //https // www.yourist-ufa.ru/crime-statistics-rb/588-9-2012. (Дата обращения: 21.04.2021).

Некоторые аспекты вооруженного хулиганства (на примерах судебной практики)

Федоров Александр Равильевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье проанализирована судебная практика по делам о вооруженном хулиганстве.

Ключевые слова: вооруженное хулиганство, оружие, общественный порядок, уголовная ответственность.

Охрана общественного порядка и общественной безопасности всегда стояла перед уголовным законодательством нашего государства, о чем свидетельствует исторический анализ уголовного права.

Актуальность исследования связана также и с тем, что нестабильность политической обстановки после распада СССР; социальные потрясения, произошедшие в 90-ых гг. XX века; экономические кризисы предопределили и культурный кризис, на фоне которого случился рост преступности в целом, и преступлений против общественной безопасности в частности. Травмированное тяжелыми социальными и экономическими условиями поколение склонно к проявлению агрессии, а также неуважения к обществу, его ценностям, что угрожает общественному спокойствию и порядку. Важно также отметить то, что хулиганство часто сопряжено с более опасными преступлениями против личности.

Распространению хулиганства способствует и тяжелая обстановка, связанная с ростом алкоголизма и наркомании. Восприятие реально окружающей действительности измененным в результате приема алкоголя или наркотических веществ сознанием часто сопровождается повышенной агрессией, желанием самоутвердиться и т. д., что в итоге приводит к совершению противоправного, запрещенного уголовным законом деяния.

Лица, совершающие хулиганские действия, действуют с прямым умыслом, демонстрируя свое открытое презрение к социальным ценностям, принятым нравственным и этическим нормам поведения, бросая вызов государству и отдельным личностям либо группам людей, очевидно, рассчитывают на свою безнаказанность, что, безусловно, провоцирует рост таких противоправных деяний.

Об актуальности настоящей темы исследования свидетельствуют и многочисленные законодательные поправки, принятые в отношении ст. 213 Уголовного кодекса РФ [1]. Однако действующая на сегодняшний день конструкция

состава преступления, предусмотренного данной статьей, продолжает неоднозначно толковаться лицами, осуществляющими правоприменительную деятельность в области общественных отношений, связанных с охраной общественного порядка и общественной безопасности.

Особую проблему составляет отграничение деяния, предусмотренного ст. 213 УК РФ, от смежных составов преступлений экстремистской направленности, против личности, против порядка управления и т. д.

Квалифицированные признаки хулиганства предусмотрены частями 2 и 3 ст. 213 УК РФ.

Применение оружия всегда несет более серьезную опасность для общества в силу его поражающих свойств. До 2003 г. особо квалифицированным хулиганством считалось вооруженное хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. После реформирования уголовного законодательства в 2003 г. уголовная ответственность за вооруженное хулиганство смягчилась, и такой способ совершения преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, стал рассматриваться как квалифицированный состав, закрепленный в ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Согласно Федеральному закону «Об оружии» под оружием понимаются «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов» [2]. Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ в случаях, когда встает вопрос «являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, требуются специальные познания, по делу необходимо проведение экспертизы» [3].

Оружие в уголовном праве может рассматриваться в качестве предмета преступления и орудия преступления. Если хулиганство сопряжено с преступлениями,

в котором оружие представляется в качестве предмета преступления, то такие деяния необходимо квалифицировать по совокупности с соответствующей статьей Уголовного кодекса РФ.

Важно отметить, что в диспозиции ч. 2 ст. 213 УК РФ указано в качестве квалифицирующего обстоятельства применение не только оружия, но и предметов, используемых в качестве оружия. Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» «под предметами, используемыми в качестве оружия при совершении хулиганства, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека» [4].

К таким предметам судами общей юрисдикции были отнесены: металлический предмет в виде прута (палки) [6], нож [7], металлический рашпиль [8] и др.

При отнесении предметов к предметам, используемых в качестве оружия, важно упомянуть п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором к таковым относятся перочинный или кухонный нож, топор, механические распиливатели, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами [5].

Важно отметить, что предметы, похожие, например, на пистолет, учитываются при квалификации деяния по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Так, например, гражданин N проник в помещение персонала ГБУ РС (Я) «Якутский республиканский психоневрологический диспансер», демонстрировал работникам учреждения «удерживаемый в правой руке предмет, имитирующий пистолет, используемый в качестве оружия, который согласно заключению экспертизы № от ____ является игрушкой, имитирующей пистолет и к огнестрельному оружию не относится, потребовал освободить пациента» [9]. Якутский городской суд привлек преступника за такие действия к уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Аналогично

квалифицируются деяния, совершенные с применением непригодное оружие, сувенирное оружие, то есть такое, которое способно оказать психическое давление на пострадавших, но заведомо для виновного лица не в состоянии причинить им телесный вред.

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, понимаются умышленные действия, которые совершаются субъектом с целью использования оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Законодатель при квалификации деяния по ч. 2 ст. 213 УК РФ не ограничивается использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия, распространяя уголовную ответственность и на случаи применения. Это связано не только с причинением физического вреда, но и психическим насилием над потерпевшим. Представляется обоснованным, что современное отечественное законодательство, к сожалению, недостаточно полно регламентирует ответственность преступника за применение психического насилия, еще хуже дела обстоят с правоприменительной практикой. Вместе с тем, зачастую именно психическое насилие становится причиной самых печальных последствий, таких как убийство или причинение вреда здоровью преступнику.

Некоторые авторы [10, с. 73] недоумевают по поводу разграничения вооруженного хулиганства и хулиганства с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, которое закреплено в ч. 3 ст. 213 УК РФ и предусматривает более строгую уголовную ответственность. Представляется обоснованным, что такое законодательное решение связано с борьбой с террористической деятельностью.

Таким образом, вооруженное хулиганство представляет собой квалифицированный вид преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ. Такое законодательное решение представляется обоснованным, поскольку применение или угроза применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, имеет более высокую общественную опасность.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021)// «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об оружии»// «Российская газета», N 241, 18.12.1996.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»// «Российская газета», N 48, 19.03.2002.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»// «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 1, январь, 2008.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»// «Российская газета», N 9, 18.01.2003.
6. Приговор Отраденского городского суда (Самарская область) № 1-87/2020 от 9 сентября 2020 г. по делу № 1-87/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/eou6JRjbKUlj/> (дата обращения: 10.05.2021).

7. Приговор Олонецкого районного суда (Республика Карелия) № 1-49/2020 от 3 сентября 2020 г. по делу № 1-49/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VzcsQjXYLCdp/> (дата обращения: 10.05.2021).
8. Приговор Наримановского районного суда (Астраханская область) № 1-87/2020 от 9 сентября 2020 г. по делу № № 1-66/2020 от 30 июля 2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cRJH0qcOoYoR/> (дата обращения: 10.05.2021).
9. Приговор Якутского городского суда № 1-1478/2020 от 20 июля 2020 г. по делу № 1-1478/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wHuAfqoSK6Y5/> (дата обращения: 10.05.2021).
10. Кудашкин, С. К. К вопросу об ответственности за групповое хулиганство // Евразийская адвокатура. 2019. № 6 (43). с. 72-78.

Понятие и виды группового хулиганства

Федоров Александр Равильевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассмотрены особенности квалификации хулиганства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой.

Ключевые слова: групповое хулиганство, соучастие, организованная группа, группа лиц.

Кроме вооруженного хулиганства, квалифицированным видом данного преступления является групповое хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение обществу, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой согласно ч. 2 ст. 213 УК РФ [2]. Для квалификации противоправного деяния по ч. 2 ст. 213 необходимо учитывать положения, закрепленные в ст. 35 УК РФ.

Для признания преступления, совершенного группой лиц, необходимо не менее двух соисполнителей. Наличие исполнителей необходимо для любой формы соучастия. Для исполнителя характерно полное либо частичное исполнение объективной стороны преступления. Если хулиганство было совершено двумя соисполнителями, одно из которых не может являться субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, например, в силу неспособности или недостижения установленного закона возраста для несения уголовной ответственности, то признанный субъект признается совершившим преступление в составе группы лиц.

Среди ученых отсутствует единое мнение о соотношении понятий группа лиц и соучастие [3, с. 153]. Так, согласно первой точке зрения, группа лиц предполагает только соисполнителей, а соучастие предполагает распределение ролей — организатора, соисполнителей, пособников и подстрекателей.

Согласно другой точке зрения, соисполнительство представляет собой форму соучастия по характеру объективной связи соучастников [4, с. 32]. Необходимо отметить, что, как правило, в судебной практике группой лиц признается образование, состоящее из соисполнителей.

По характеру субъективной связи соучастников можно выделить соучастие по предварительному сговору

и без такого. Для соучастия без предварительного сговора возможны две ситуации:

1) один из соисполнителей начинает совершать преступление без расчета на чью-либо помощь, а соучастники присоединяются в процессе;

2) соисполнители уже совершали преступления вместе, поэтому между ними есть негласная договоренность оказывать друг другу помощь в случае совершения преступного деяния.

Группа лиц не характеризуется устойчивостью связей между соисполнителями, поэтому для группы лиц характерна именно первая ситуация, когда один соисполнитель начинает совершение преступления, а другие включаются в процесс совершения в целях оказания помощи в силу родственных, дружеских или иных связей.

Также необходимо отметить, что групповое хулиганство может принимать самые разные формы. Например, умысел одного соисполнителя может быть направлен вообще на совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ — «Мелкое хулиганство» [1], в то время как другой соисполнитель может продемонстрировать оружие, своими действиями, создавая значительно более высокую общественную опасность. В этом случае, группы лиц как квалифицирующего признака состава, предусмотренного ст. 213 УК РФ, очевидно, не будет, а к уголовной ответственности будет привлечен только второй исполнитель. Такое положение вызывает критику среди авторов [3, с. 154], которые предполагают, что конструкция данной статьи должна содержать не признак применения оружия, а вооруженность группы, наличие оружия у группы лиц. В противном случае, совершение хулиганства группой лиц возможно в случае, если один из соисполнителей применяет оружие из хулиганских побуждений, а другой имеет мотивы экстремистской направленности. Тогда вообще складывается ощущение, что речь идет о двух разных преступлениях.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [5] отмечено, что для квалификации деяния, запрещенного ч. 2 ст. 213 УК РФ, в составе группы лиц по предварительному сговору не имеет значения, всеми ли участниками применялось оружие или только одним из соисполнителей. Такая позиция представляется обоснованной, так как предварительный сговор подразумевает достижение соглашения заранее о способе совершения преступления, соответственно умысел безоружных соисполнителей расширяется до вооруженного хулиганства.

При этом необходимо отметить, что доказать наличие такого предварительного сговора представляется крайне сложной задачей для органов предварительного расследования. Вместе с тем, о наличии предварительного сговора может свидетельствовать совместность и согласованность совершения преступных деяний. Так, например, Кировским районным судом г. Казань были квалифицированы деяния, совершенные Ш., К., П. в качестве хулиганства с применением предметов, используемых в качестве оружия группой лиц по предварительному сговору. Ш., К., П. перед совершением преступлением приискали медицинские маски с целью остаться неизвестными, спортивный снаряд — биту, которое в процессе совершения преступления использовал только К. путем нанесения не менее пяти ударов по телу потерпевшего, а Ш. и П. в это время наносили по телу потерпевшего удары ногами [6]. Несмотря на установление единого умысла в ходе предварительного сговора, возникшего у соисполнителей, суд учел, что тот факт, что основной вред был нанесен действиями К., поэтому назначил ему наказание в виде реального срока — 2 лет 6 месяцев, а Ш. и П. — 2 лет 6 месяцев условно.

Также может иметь место ситуация, в которой имеет место предварительный сговор, например, на совершение хулиганства по экстремистским мотивам, однако в его содержании отсутствовало условие о применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Тогда по ч. 2 ст. 213 УК РФ будут квалифицированы действия только вооруженного соисполнителя, а действия остальных — по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору представляет более высокую общественную опасность, поэтому выделяется законодателем. Для группы лиц по предварительному сговору характерно наличие предварительной договоренности об обстоятельствах совершения планируемого преступления (о месте, способе совершения преступления, в отношении объекта преступления и т. д.).

Таким образом, совершение хулиганства группой лиц по предварительному сговору предполагает стадию приготовления к совершению противоправного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Приготовление к преступлению подразумевает создание условий для достижения своих преступных целей. Само по себе приготовление к совершению хулиганства не может стать основанием для уголовной ответственности, поскольку преступление, состав которого предусмотрен ст. 213 УК РФ, относится к преступлениям средней тяжести. Стадия приготовления к преступлению может содержать в себе действия, направленные на успешную реализацию преступного замысла, например, изготовление или приискание, приспособление орудия или средства преступления; поиск соучастников, готовых оказать помощь в совершении преступления. Сама по себе стадия приготовления, как правило, представляет сложность для доказывания, поскольку орудием преступления может стать предмет, используемый в спортивных или хозяйственных целях, однако обладающими свойствами, которые могут причинить вред жизни и здоровью человека.

Между стадией приготовления к преступлению и непосредственно самим совершением преступлением должно пройти некоторое время, договоренность, достигнутая во время совершения преступления, не может считаться стадией приготовления, поэтому представляется обоснованным, квалифицировать такое деяние в качестве совершенного группой лиц без предварительного сговора.

Поскольку хулиганство относится к составам, требующих наличия умысла, то каждый участник группы лиц по предварительному сговору должен осознавать негативные последствия содеянного.

Для организованной преступной группы характерно наличие устойчивых связей и предварительная объединенность членов группы на совершение одного или нескольких преступлений. Для признания связей в группе устойчивыми судебная практика выделяет следующие признаки.

Во-первых, организованную преступную группу отличает высокая степень организованности, которая может выражаться в наличии иерархии, строгой дисциплины, распределении функций в процессе совершения преступления между соучастниками, наличие планов на добычу и использование оружия.

Во-вторых, организованную преступную группу отличает стабильность участия лиц в ней, взаимопомощь при совершении преступлений, которые могут различаться по своему характеру. Соучастники при совершении группового хулиганства заранее рассчитывают на поддержку друг друга при осуществлении преступного замысла.

В-третьих, в организованной преступной группе индивидуализируются способы совершения преступлений, соучастники вырабатывают свой «стиль», который может выражаться не только в характере преступной деятельности, но и в наличии специальных опознавательных знаков, форме одежды и т. д.

Предварительная объединенность выражается не только в наличии предварительного сговора, а в до-

стижении общих объективных и субъективных целей на совершение одного или нескольких преступных деяний. Так, в судебной практике о достижении общих объективных и субъективных целей при совершении хулиганства объединенной преступной группой может свидетельствовать единство мотивов, заключающихся в пренебрежении к общепринятым нормам и правилам поведения и самоутверждении в глазах обществу [6]. В качестве доказательств наличия предварительной объединенности могут использоваться, например, данные о выяснении до совершения преступления о численности и физической подготовке участников социальной группы, против которой обращены

преступные замыслы организованной преступной группы.

Важно, что для преступлений, совершаемых организованной преступной группой, характерно наличие четко разработанного плана и строгое распределение ролей. Поэтому необходимо отметить роль организатора в таких преступлениях. Так, в судебной практике отмечаются конкретные действия, совершаемые организатором для совершения преступления, например, назначение даты и времени сбора соучастников, места дислокации членов организованной преступной группы, правил поведения и конспирации участников, планирование преступных действий каждого из соучастников.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 20.04.2021)// «Парламентская газета», N 2-5, 05.01.2002.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021)// «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Косарев, И. И. Ответственность за хулиганство, совершённое в составе группы лиц // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 153-155.
4. Савельев, Д. В. Соучастие в преступлении. Преступная группа: учебное пособие для вузов/Д. В. Савельев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 133 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»// «Российская газета», N 260, 21.11.2007.
6. Напр., Приговор Дубовского районного суда № 1-72/2019 от 8 августа 2019 г. по делу № 1-72/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Nk3jTVTfGJom/> (дата обращения 14.05.2021).

Обязательность решений Европейского суда по правам человека

Фирсова Злата Мевлудиновна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы обязательности решений Европейского суда по правам человека, постановления ЕСПЧ в сфере защиты трудовых прав и совершенствования подхода России к внедрению решений Европейского Суда в судебную практику России.

Ключевые слова: Россия, Европейская конвенция, Европейский Суд по правам человека.

Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию о правах человека в мае 1998 года. Первое судебное решение против России было вынесено в 2002 году. К числу нарушений, выявленных судом, относятся нарушения права на жизнь (статья 2), права на справедливое судебное разбирательство (статья 6), запрещения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (статья 3), права на свободу и личную неприкосновенность (Статья 5), права на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции (статья 8), свободы выражения мнений (статья 10), права на эффективные средства правовой защиты (статья 10, 13), а также об обязательстве сотрудничать с судом (статья 38). Россия

остается страной, в отношении которой подано наибольшее число заявок. Роль Европейского Суда по правам человека в России сейчас под вопросом. В 1998 году Россия стала участницей Европейской конвенции по правам человека и, соответственно, Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. С тех пор ЕСПЧ играет важную роль в стране. Верховный Суд Российской Федерации и судьи проходят подготовку по Конвенции, и суды часто ссылаются на прецедентное право ЕСПЧ. Российские жертвы нарушений прав человека могут обратиться в ЕСПЧ. Каждое седьмое дело ЕСПЧ относится к России, пропорционально численности населения страны. Суд вынес решение против России по значительно большему

количеству дел (94%), чем в среднем по всем странам, находящимся под юрисдикцией Суда (84%).

Отношения между Россией и Советом Европы долгое время были непростыми. Совет Европы периодически высказывает озабоченность по поводу неспособности страны в полной мере применить решения ЕСПЧ. Российские власти обычно соблюдают штрафные санкции (например, выплачивают компенсацию заявителям), но гораздо более неохотно решают лежащие в их основе вопросы, например, путем внесения изменений в законодательство или административные процедуры, которые послужили поводом для подачи жалобы. Озабоченность России вмешательством ЕСПЧ в ее суверенитет была выражена в 2010 году делом Маркина об отпуске по уходу за ребенком для отцов-военнослужащих, в котором Европейский Суд раскритиковал Конституционный суд России. В этом случае Россия в конечном итоге выполнила решение ЕСПЧ, однако в декабре 2015 года новый закон отменил решения ЕСПЧ. Возможно, это также позволит России избежать выплаты компенсации в размере 2 миллиардов евро, присужденной (бывшей нефтяной компании) ЮКОСа по решению ЕСПЧ 2014 года. Такое выборочное исполнение решений ЕСПЧ явно ограничит возможности Суда по защите прав человека в России.

Также Россия имеет смешанные показатели в области гендерного равенства — участие женщин на рынке труда традиционно было высоким, и впечатляющие 38% руководящих должностей занимают женщины, по сравнению со средним показателем 21% в ЕС. Российские женщины также лучше образованы (85% в высшем образовании по сравнению с 68% мужчин). Однако, несмотря на все это, они зарабатывают на 39% меньше, чем их коллеги-мужчины, и более склонны работать на низкоквалифицированных и ненадежных должностях. Работодатели часто отказываются нанимать женщин, опасаясь, что им придется финансировать щедрые пособия по беременности и родам, а некоторые открыто пренебрегают антидискриминационным законодательством, рекламируя мужчин.

В 1997 году ЕС и Россия заключили соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Это до сих пор является правовой основой отношений между ЕС и Россией, даже если реализация большинства аспектов была приостановлена после аннексии Россией Крыма. Согласно этому соглашению, и Россия, и ЕС привержены поддержке демократии и прав человека. В соответствии с этим обязательством в период с 2005 по 2013 год каждые шесть месяцев проводились «консультации по правам человека» между

ЕС и Россией. Они были подвергнуты критике со стороны Международной федерация прав человека как «простое дипломатическое упражнение», которое ничего не сделало для улучшения ситуации с правами человека в России. ЕС по-прежнему поддерживает российские правозащитные НПО через свой Европейский инструмент.

Даниленков и др. против России, постановление от 30.07.2009. Работники организации были уволены в результате структурной реорганизации портовой компании после участия в двухнедельной забастовке, в ходе которой выдвигались требования о повышении зарплаты и об улучшении условий труда, охраны здоровья и страхования жизни. Нарушение статьи 14 (запрещение дискриминации) в совокупности со статьёй 11: государство не обеспечило четкой и эффективной судебной защиты от дискриминации по признаку принадлежности к профсоюзу.

Ранцев против Кипра и России, постановление от 07.01.2010. Заявителем по делу выступал отец молодой девушки, погибшей на Кипре, куда она отправилась работать в 2001 году. Он жаловался на то, что полиция Кипра не сделала всё возможное для защиты его дочери от продажи в рабство и для наказания лиц, виновных в её гибели. Он также жаловался на то, что власти России не провели расследования по факту продажи его дочери и её последующей гибели, а также не приняли мер для её защиты от торговцев людьми. Суд отметил, что, как и при рабстве, при торговле людьми человеческие существа рассматриваются как товар, который покупается и продаётся, и принуждаются к труду, соответственно сама торговля людьми запрещена статьёй 4. Суд посчитал, что власти Кипра нарушили статью 4, поскольку они не ввели в действие надлежащие правовой и административный механизмы по борьбе с торговлей людьми, а также потому, что полиция не защитила гражданку Ранцеву, несмотря на то, что обстоятельства ясно указывали на то, что она могла быть жертвой торговли людьми. Также имело место нарушение статьи 4 со стороны властей России, так как они не расследовали обстоятельства того, где и как гражданка Ранцева была нанята на работу, кто был её нанимателем, и какие методы при этом использовались.

Таким образом, считаю необходимым принять Федеральный закон, который бы регулировал порядок исполнения решений ЕСПЧ в Российской Федерации, где будет указано не только правовое положение и статус решений ЕСПЧ, но и процедура исполнения данных решений.

Литература:

1. Бурков, А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. //Адвокат. М. 2010.
2. Ваксян, А. З. Европейский Суд на защите прав и свобод человека // Гражданин и право. 2009. № 5.
3. Валеев, Р. М. Курдюков Г. И., Международное право. Особенная часть. — М., — 2018. — 573 с.

Проблемы компенсации морального вреда в рамках процедуры реабилитации

Чайка Александра Юрьевна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

Статья посвящена проблемам компенсации морального вреда в рамках процедуры реабилитации. Сложностями, не способствующими обеспечению единообразия правоприменительной практики, является неразработанность в рамках уголовно-процессуального законодательства единой концепции «морального вреда», а также процедурных аспектов его исчисления. Существует особый запрос на выработку единообразной методологии в области оценки суммы денежной компенсации за моральный ущерб. В статье проанализированы различные представления по поводу способов унификации существующего регулирования, сделаны авторские выводы.

Ключевые слова: реабилитация, незаконное и необоснованное осуждение, незаконное и необоснованное уголовное преследование, невиновный, моральный вред, компенсация морального вреда.

Problems of compensation for moral damage within the framework of the rehabilitation procedure

Keywords: rehabilitation, unlawful and unjustified conviction, unlawful and unjustified criminal prosecution, innocent, moral injury, compensation for moral injury.

Необходимость возмещения морального вреда вытекает из признания факта невиновности лица в совершении преступления, поскольку все предположения о его виновности с этого момента теряют основания [3, с. 1465].

Изучение специальной юридической литературы по предмету исследования позволяет прийти к выводу о том, что моральный вред, причиненный реабилитированному, охватывается неблагоприятными для лица последствиями незаконного уголовного преследования или судебной ошибки в форме нравственных и физических страданий, нарушения физического или психического здоровья, субъективных переживаний, душевной боли. По мнению некоторых авторов, нет возможности компенсировать моральный ущерб в денежной форме, в связи с чем следует вести речь о формах ликвидации неимущественных последствий правонарушения, устранения или «заглаживания морального вреда» [7, с. 102].

В ч. 2 ст. 136 УПК РФ, ст. 1100, 1101 ГК РФ незаконное уголовное преследование наделяется статусом основания и для взыскания судом морального вреда, который, как известно, возмещается в денежной форме. Однако сама правовая природа морального вреда, связанная с наличием комплекса психических, нравственных страданий индивидуума, крайне затруднительна для ее оценки, в том числе в целях последующей компенсации. Анализ правоприменительной практики по вопросу компенсации морального вреда позволяет отметить отсутствие единообразия в части критериев определения размера возмещения. На характер и особенности таких страданий влияние оказывает огромное число факторов, абсолютное большинство из которых зависит от индивидуальных, в том числе, психофизиологических особенностей индивидуума. В подобных условиях, суды нередко при отсутствии к тому до-

статочных оснований снижают суммы, заявленные истцами. Полагаем, что это как раз обусловлено тем фактом, что отсутствует определенность исчисления тех или иных нравственных страданий в денежном эквиваленте.

Так, С. обратилась в суд иском к Министерству финансов РФ о компенсации морального вреда в порядке реабилитации, указав, что в отношении нее вынесен оправдательный приговор по ч. 2 ст. 293 УК РФ. Уголовное преследование было начато 14 августа 2015 г., в отношении нее была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, уголовное преследование в отношении нее было окончено 13 марта 2017 г. В обоснование заявленных требований истец ссылаясь на то, что она сначала подозревалась, а затем была привлечена в качестве обвиняемой, а затем, позднее, выступала в качестве подсудимой в совершении халатности.

Мотивируя заявленные требования, истица, наряду с объективными основаниями, такими как продолжительность уголовного преследования, обратила внимание суда на собственные личностные качества. Так, значительное число морально-нравственных переживаний было связано с порицанием коллег. Состороны следствия она постоянно чувствовала давление. Указанные обстоятельства причиняли ей переживания и глубокие нравственные страдания, которые, в свою очередь, негативно отразились на ее состоянии здоровья. В качестве нормативной основы заявленных требований истица ссылаясь на положения статей 151, 1070, 1100 ГК РФ, заявляя требования о взыскании в свою пользу более двух миллионов рублей на возмещение компенсации морального вреда. Суд учел при определении размера компенсации те обстоятельства, что С. обвинялась в совершении преступления, относящегося к категории

преступлений средней тяжести, продолжительное время находилась в статусе подозреваемой и обвиняемой, в отношении нее действовала мера пресечения.

В то же время суд критически отнесся к ряду доводов истицы, в частности, не принял во внимание показания свидетелей о том, что С. сильно переживала возбуждение в отношении нее уголовного дела, пояснив, что обладала обостренным чувством справедливости. Не учел суд при определении размера компенсации морального вреда и тот факт, что в отношении истицы была проведена служебная проверка, по результатам которой ее привлекли к дисциплинарной ответственности, понизив в квалификационном звании на одну ступень, так как судом не было выявлено наличие причинно-следственных связей между фактом служебной проверки и возбуждением уголовного дела в отношении С.

Учитывая, что обязанность обосновать размер причиненного морального вреда возлагается на истца, суд пришел к выводу, что заявленный размер компенсации доказан не был. На основании доводов истца суд пришел к выводу о завышении истцом суммы, подлежащей ему в качестве компенсации морального вреда, а также о том, что причиненный истцу моральный вред с учетом принципа разумности и справедливости может быть компенсирован выплатой в размере 200000 рублей [9].

Если обратиться к судебной практике компенсации морального вреда, связанного с незаконным осуждением реабилитированного, содержавшегося под стражей, то можно отметить более высокий размер подобной компенсации, при сохранении, однако, тенденции к снижению размера заявленных истцом требований. К примеру, Б. в своем иске указал, что моральный вред в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности и обвинения в совершении особо тяжких преступлений истцом оценен в 2000000 рублей, в результате незаконного содержания под стражей — в 3462000 рублей из расчета 3000 рублей за один день. Суд, с учетом принципа разумности и справедливости, пришел к выводу о взыскании морального вреда в размере 1500000 рублей [10].

Таким образом, несмотря на то, что при содержании лица под стражей суммы присуждаемой компенсации морального вреда несколько выше, чем при нахождении лица на совободе, последний зачастую все же существенно ниже, чем размер заявленных истцом требований. Однако ключевая проблема связана не только со снижением размера компенсации, но, прежде всего, с отсутствием какой-либо методологической основы для его установления.

Так, Верховный суд в своем Определении от 02 февраля 2021 года обратил внимание на данную проблему. И. была оправдана приговором Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 26 декабря 2016 г., вступившем в законную силу 17 апреля 2017 г. Полагая, что незаконным уголовным преследованием, продолжавшимся 3 года и 6 месяцев, ей причинен моральный вред, И. просила зы-

скать компенсацию в размере 3000000 рублей. Решением Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 24 июня 2019 г. искивные требования удовлетворены частично: с Российской Федерации в пользу И. взыскано в счет компенсации морального вреда 50000 рублей. То есть заявленный истицей размер компенсации был снижен в пятьдесят раз, без приведения каких-либо к тому мотивов.

В этой связи, Верховный суд обратил внимание на то, что, оценивая размер достаточной компенсации морального вреда, суд должен стремиться к тому, чтобы сумма была адекватной и реальной. Вынесение же судебного акта, аналогично вышеприведенному, негативно сказывается на правопорядке в обществе, создавая у потерпевшего впечатление пренебрежительного отношения к его правам [9].

Как думается, ВС РФ в своем определении верно обратил внимание на проблему установления размера компенсации морального вреда в условиях отсутствия сколько-нибудь значимых критериев ее расчета, однако ограничился лишь указанием на необходимость более внимательно подходить к данному вопросу.

Некоторые авторы придерживаются позиции о полной невозможности выработки внедрения научной основы, обеспечивающей единообразие расчета размера компенсации морального вреда в рамках процедуры реабилитации. Так, по справедливому замечанию Марченко С.В., нет инструмента для точного измерения абсолютной глубины человеческий страданий, а также для определения их денежного эквивалента [4, с. 13].

Кроме того, в ряде случаев суд приходит к довольно абсурдным выводам. Так, например, в Апелляционном определении от 28 апреля 2016 года Кемеровского областного суда представитель ответчика просит отменить решение суда первой инстанции, поскольку не согласен с доводами относительно того, что сам факт необоснованного возбуждения уголовного дела предполагает нравственные страдания. Однако истец по данному делу был задержан 22 июня 2010 г., в этот же день ему были предъявлено обвинение и только 12 декабря 2014 г. судом было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования [8]. Вызывает удивление, что суд отменил решение в части компенсации морального вреда по мотивам недоказанности факта причинения морально-нравственных страданий.

Здесь внимания заслуживает подход, закрепленный законодателем в отношении компенсации морального вреда вследствие нарушения прав потребителя. В силу ст. 15 Закона о защите прав потребителей сам факт нарушения прав потребителя презюмирует обязанность ответчика компенсировать моральный вред. Как думается, подобная правовая презумпция должна быть закреплена и в отношении вреда, причиненного осужденным, впоследствии оправданным, подсудимым, в отношении которого суд вынес оправдательный приговор, а также обвиняемым и подозреваемым, предварительное рассле-

дование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям

Также наиболее важной и сложной проблемой правоприменения является область методологии оценки суммы денежной компенсации за моральный ущерб. Так, например, А.А. Подопригора в своей работе поддерживает идею создания верхнего и нижнего пределов присуждаемой денежной компенсации реабилитируемым [6, с. 82]. Как думается, установить нижний предел размера компенсации будет крайне затруднительно, поскольку указанный размер — это все же очень индивидуальная характеристика, в немалой степени зависящая от личностных факторов пострадавшего лица.

Ученые и юристы неоднократно предлагали различные методы оценки суммы морального ущерба. Суть их заключается в разработке базовых критериев для закрепления в законодательстве. Выдвигались разнообразные, в той или иной мере, научно обоснованные формулы, исчисления размера причиненного вреда [5, с. 105]. Согласно ст. 151 и 1101 ГК РФ суд определяет размер компенсации за моральный ущерб в денежном эквиваленте, с учетом таких характеристик, как степень виновности правонарушителя; степень физических и психических страданий; разумные и справедливые требования. Однако не вызывает сомнений крайне субъективный характер подобных критериев.

Полагаем, будет позитивно воспринято внедрение практики производства соответствующих экспертиз в целях получения достоверных и объективных данных о характере морального вреда. Основой для вынесения экспертного заключения будут выступать справки от врачей, психологов; независимые расчеты, что повысит

обоснованность, справедливость претензий, а также решений [1, с. 146]

Таким образом, создание и утверждение указанных объективных методов должно быть научно обоснованным методом психологического исследования, который уже давно используется за рубежом и активно доказывает это. В качестве основы психофизиологических критериев оценки причиненного морального вреда, можно использовать Международный классификатор болезней 10-пересмотра — МКБ-10, рубрика F43 — «Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации» [2, с. 153].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

— говоря о размере компенсации, можно сказать, что самым оптимальным решением для реабилитируемых граждан со стороны законодателя было бы установить размеры компенсации, исходя из сложившейся судебной практики. В целях унификации аспекта компенсации морального вреда можно закрепить правило о необходимости проводить экспертизы, направленные на выявление характера и степени душевных страданий. В связи с этим, можно предложить изменения в ст. 196 УПК РФ следующего содержания: «б) характер и степень перенесенных психофизиологических страданий, а также психофизиологическое состояние реабилитированного, обратившегося за компенсацией морального вреда в исковом порядке».

— следует закрепить на уровне законодательства правовую презумпцию морального вреда вследствие незаконного осуждения. Наличие подобной презумпции позволит прекратить судебную практику отказа в компенсации морального вреда по исследуемому основанию по мотиву его недоказанности.

Литература:

1. Ахъядов, Э.С.-М., Мусаева А.В. Определение размера компенсации морального вреда // Известия Чеченского государственного университета. 2019. № 1 (13). с. 145-147.
2. Верещагина, А.В. Определение размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование // Журнал российского права. 2015. № 11 (227). с. 151-159.
3. Зейц, А. Возмещение морального вреда по советскому законодательству // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 47. с. 1465.
4. Марченко, С.В., Лазарева-Пацкая Н.В. Проблемы компенсации морального вреда в зеркале российского права // Адвокатская практика. 2004. № 5. с. 13-18.
5. Поляков, Б.А. Метод определения размера денежной компенсации морального вреда реабилитированным лицам // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 3 (3). с. 105-108.
6. Подопригора, А.А. Реабилитация в уголовном процессе России: дис. ... канд. юр. наук Ростов-на-Дону, 2004. 179 с.
7. Шиминова, М.Я. Компенсация вреда гражданам. Гражданско-правовое регулирование/М.Я. Шиминова; Отв. ред. Н.С. Малеин. М.: Наука, 1979. 184 с.
8. Апелляционное определение Кемеровского областного суда по делу 33-5479/2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).
9. Определение Верховного суда от 02 февраля 2021 года по делу № 45-КГ20-25-К7 № 2-3257/2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Ленинского районного суда города Саранска Республики Мордовия от 13.07.2017 по делу № 2-1723/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).
11. Решение Химкинского городского суда Московской области от 20.06.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).

ИСТОРИЯ

Украинский вопрос в политике Австро-Венгрии и Германии накануне и в период Первой мировой войны

Алейников Константин Игоревич, студент магистратуры
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В статье рассматривается один из сложных и актуальных вопросов новейшей истории — предпосылки и особенности формирования независимого украинского государства, который впервые с особой силой проявился накануне и в ходе Первой мировой войны. Автор рассматривает роль Австро-Венгрии и Германии в формировании независимости украинского государства и народа.

Ключевые слова: украинский вопрос, независимое украинское государство, украинское национальное движение.

Многие регионы Украины на протяжении длительного времени являлись провинциями Австро-Венгерской империи. Этот факт сыграл важнейшую роль в формировании особенностей различных сфер общественной жизни не только регионов, находившихся под скипетром Габсбургов, но и всего украинского государства.

Перед началом, а также в годы первой Мировой войны международные политические планы Германии и Австро-Венгрии тесно коснулись украинского национального вопроса. Что касается Австро-Венгрии, то она не имела четких планов. Однако украинский фактор был использован Австро-Венгрией для того, чтобы ослабить Россию, поддержав в нашей стране украинское национальное движение. Но поскольку в состав Австро-Венгрии на тот момент входили некоторые украинские земли, такие как Закарпатье, Галичина и Буковина, подобная политика могла стать угрозой для самой Австро-Венгерской империи.

С целью создания ряда буферных государств в провинциях, расположенных на западе и граничащих с Германией или Австрией, канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег в своем меморандуме 11 августа 1914 г. отметил, что Германия планирует вызвать восстание в Украине. Однако намерение канцлера не было окончательным, поскольку для осуществления указанного плана требовался благоприятный ход войны на Востоке, поскольку создание буферных государств было призвано иметь оборонно-стратегическую цель.

Указанная позиция Германии получила поддержку и от австрийского министра иностранных дел Бертольда, который считал необходимым заявить, что главная цель ключевых государств в войне — это ослабление России, чему активно поспособствует рост украинского нацио-

нального движения и формирование независимого украинского государства [6].

Отметим, что образование Украинского государства также помогло бы Австро-Венгрии решить ряд внешнеполитических вопросов, к примеру, таких, как вопрос сферы влияния на Балканах и сокращение границы между Российским и Австрийским государствами.

С позиции Австро-Венгерского внешнеполитического ведомства отсутствие сильного покровителя у Украины может привести к угрозам со стороны России в отношении независимого украинского государства, а потому Украине необходимо находиться под совместным немецко-австро-венгерским протекторатом. Протекторат Германии над Украиной также представлялся достаточно выгодным и для самой Австро-Венгрии, поскольку, во-первых, таким образом уничтожатся социалистические движения в Украине, шедшие с немецко-российской границы, и во-вторых, немецкая внешнеэкономическая деятельность через Черное море позволит Австро-Венгрии открыть выход к Балканам [1].

В свою очередь, Центральные державы заявили, что вопросом независимости Украины следует заниматься исключительно после решения «польского вопроса». Таким образом, исход украинского вопроса и позиция Центральных держав напрямую зависели от ситуации на Восточном фронте. В 1915 году в ходе удачных военных действий русская армия была отброшена с территории Польши, Галиции и западных районов Украины, в результате чего «польский вопрос» был решен [7].

Для того, чтобы не потерять Восточную Галицию, австрийский посол предложил Германии проект создания коронного края, который должен был находиться в составе Восточной Галиции, Буковины и пограничной по-

лосы Надднепрянской Украины. В свою очередь, Германия считала необходимым продолжать поддерживать национально-освободительные движения, стремительно набравшие обороты в России с целью экономического и военного ослабления нашей страны.

В своем заявлении в Рейхстаге рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег отметил, что Германия всегда защищала и продолжает защищать мир и дружбу наций. Этой же позиции Германия придерживается и в украинском вопросе. Кроме того, рейхсканцлер отметил поддержку Германии в вопросе образования самостоятельного и независимого украинского государства [3].

Немецкие политики и ученые разделились во мнении касательно украинского вопроса. В публицистике отчаянно пропагандировалась сила и мощь Украины, как самостоятельного государства, полностью отделенного от России. Как отмечает немецкий публицист П. Рорбах, естественные богатства Украины настолько велики, что если оторвать Украину от экономики России и дать возможность выйти в мировое экономическое сообщество, то Украина станет одной из самых богатых стран мира. Украину также считали экономическим сердцем России, поскольку она присвоила себе множество неопределенных богатств украинского народа и украинской земли. Таким образом, необходимость отделения Украины от России стала одной из самых освещаемых тем в немецкой прессе. Все понимали, какое огромное стратегическое значение имеет освобождение Украины для реализации колониальной политики Германии. Кроме того, выгодное геополитическое положение Украины позволяло Германии заполучить наиболее короткий и безопасный путь от центральных азиатских государств, а также выход к Черному морю [2].

Немецкий социолог и историк М. Вебер сформировал собственную антироссийскую концепцию, основная идея которой заключалась в том, Россия представляет собой угрозу Германии как национального государства. Также М. Вебер отмечал, что российская угроза в скором времени может проявиться и на востоке, что могло бы означать разделение мировой территории. В связи с этим М. Вебером было предложено изменить политику международных отношений на востоке с Польшей. По мнению историка, налаживание отношений на востоке представлялось возможным только в случае отказа Германии от выработанной ей годами политик экспансии и колонизации.

Однако Германией был отвергнут способ решения сложившегося вопроса, который предложил М. Вебер, поскольку немецкая политика была полностью великодержавной и своей задачей видела «частичное расчленение России» [4].

Украинский вопрос продолжал активно обсуждаться исследователями, политиками, историками на страницах немецкой прессы. Было предложено великое множество вариантов решения данного вопроса, однако наиболее привлекательным казалось решение восста-

новления старых исторических границ между Россией и Украиной.

Еще один способ решения украинского вопроса был предложен Г. Кляйновым. Автор очередной теории подчеркивал заинтересованность Германии в возникновении самостоятельного и независимого Украинского государства, отмечая при этом в качестве основного препятствия отсутствие полной социальной структуры в обществе украинского народа. Г. Кляйнов отмечал, что население Украины — по большей части представители крестьянства. В свою очередь, социально активная и национально-сознательная интеллигенция, которая могла бы в разумной мере поддержать идею становления независимого Украинского государства, находилась только в крупных городах.

Если обратиться к ситуации в Австро-Венгрии, то существенное обострение политической и экономической обстановки говорило о необходимости заключения сепаратного мира с Россией. Однако, было очевидно, что Россия не заинтересована в заключении сепаратного мира с Австро-Венгрией при условии приобретения Украиной признаков самостоятельного и независимого государства. В связи с этим австрийскими дипломатами перспектива формирования независимого государства на территории Украины рассматривалась как один из важнейших факторов противодействия возможности заключения сепаратного мира с Россией [5].

Итак, на рубеже XIX-XX веков на политической арене мирового сообщества сформировалось два мощнейших военно-политических блока. Первый блок был представлен Четверным союзом, в который и входили Германия и Австро-Венгрия, с другой стороны — Антанта, в состав которой входила Россия. Немецкое политическое руководство с началом военных действий откровенно заявило о своем желании оттеснить Россию как можно дальше на восток. Украина же на тот момент занимала достаточно выгодное геополитическое положение, а потому представляла большой интерес для двух враждующих между собой коалиций, поэтому накануне и в период Первой мировой войны именно Украинское государство стало эпицентром противостояния двух враждующих между собой военно-политических блоков. При этом интересы и предпочтения самого украинского народа оставались за пределами внимания ведущих мировых государств [1].

Соперники в будущей войне, пытаясь подорвать единство противника, поддерживали и финансировали сепаратистские движения украинцев как в Австро-Венгрии, так и в России, вели активную идеологическую обработку некоренного населения и негосударственных наций. И если в России украинское движение объяснялось происками австрийских и немецких политиков, то в Австро-Венгрии преследовали украинцев за прорусские симпатии.

Таким образом, украинский вопрос, возникший на международной арене накануне Первой мировой войны в годы ведения военных действий так и не был решен.

В сознании украинского народа, ставшего марионеткой в игре двух крупнейших враждующих между собой военно-политических блоков, лишь установилось осознание того, что данный вопрос возможно будет решить не в результате дипломатических ходов, а путем борьбы за независимость и самостоятельность.

Литература:

1. Баринов, И.И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма // История и современность. 2012. Вып. 1 (15). с. 79.
2. Без права на реабилитацию. Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов: в 2 кн. 2006. Кн. 1. с. 195, 16.
3. Военно-статистическое описание // Главное управление Генерального Штаба. Пг.: Изд. отдела генерал-квартирмейстера. 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. с. 151.
4. Марчуков, А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920-1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. с. 69, 115.
5. Миллер, А.И. Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. с. 83.
6. Австро-Венгрия. Военная подготовка в Галиции // Сборник Главного управления Генерального штаба. 1914. Вып. 62. с. 26-27.
7. Австро-Венгрия. Военная подготовка населения // Сборник Главного управления Генерального штаба. 1914. Вып. 58. с. 44-45.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Особенности имиджа и элементы его структуры на примере образа Ирака в российских СМИ

Самойлов Илья Петрович, аспирант;
Кадхим Ваел Мохаммед, студент магистратуры
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

Совокупность процесса конструирования и продвижения имиджа в рамках того или иного СМИ — это одна из наиболее приоритетных задач коммуникации любого государства. В рамках данной статьи авторами рассмотрена структура и особенности имиджа Ирака в российских СМИ.

Ключевые слова: имидж, государство, СМИ, аудитория, особенность, формирование, образ.

В целом, для того чтобы в полной мере и в наиболее качественном ключе провести исследование, заявленное в названии данной статьи, нам крайне важно иметь общее представление и понимание Ирака как государства, в целом. Ирак — это государство, которое представляет Юго-Западную часть Азии, в связи с этим, граница связывает Ирак с такими странами как Кувейт, Саудовская Аравия, Сирия и т. д. Так, что же будет касаться центральной части Ирака, то она занята Месопотамской низменностью [2].

В процессе рассмотрения такого понятия как «имидж», применительно к Ираку, мы можем говорить, что оно тесно связано с гражданской войной в 2014 году, в ходе которой была потеряна инфраструктура, отвечающая за внешний образ и привлекательность. Саму целостность имиджа Ирака, на данный момент времени, не могут оценить и сами граждане данной страны. В целом это означает, что в рамках подобных условий, где существенная часть населения страны является неграмотной, вся общая деятельность СМИ становится крайне важной в процессе формирования как внутреннего, так и внешнего имиджа. Также стоит отметить тот факт, что в связи со всеми политическими тенденциями, которые наблюдаются в Ираке, информация о данном государстве интересна для российских граждан, которые и являются потребителями новостей, что публикуются в российских СМИ.

Можно говорить о том, что наиболее привлекательными СМИ, которые инициируют имидж Ирака для российской аудитории, являются «Russia Today», «Life.ru», а также «РБК» и т. д. Так, логично предположить, что ознакомление с имиджевой информацией касательно Ирака происходит на страницах данных СМИ в Интернете или же аккаунтах в социальных сетях.

Вне всяких сомнений, Ирак — это значимое государство, которое можно считать одним из ключевых элементов информационного поля СМИ России, поскольку в рамках исторического контекста между странами имеется давняя связь. Далее, ключевой особенностью формирования имиджа Ирака в СМИ России является и то, на какие именно события ссылаются журналисты и то, какие речевые конструкции они применяют. Далее можно отметить некоторые конструкции: «полностью уничтожили схрон для химических боезарядов», «нанесли воздушный удар по школам», «повесят всех неугодных властям политиков», «обстрелян военный конвой представителей американских ВС» и т. д. Так, можно говорить о том, что все вышеуказанные нами заголовки могут становиться структурно-негативным элементом имиджа Ирака в рамках СМИ России [3].

Что касается структурно-положительным элементом имиджа Ирака в рамках СМИ России, то таковым мы можем считать раскрытие положений о древней и богатой истории Ирака, которая в данном случае, может в полной мере раскрывать особенности и восприятие народа, а также имиджа всего государства. В целом, в рамках логического подтверждения данного факта мы можем говорить, что сейчас насчитывается большое количество рассуждений на тему тот, что ислам появился в России в 922 году н. э. напрямую из Ирака.

Однако особенное внимание в рамках имиджевой информации в сетевых СМИ России об Ираке может охватывать исключительно негативные аспекты и особые положения, пробуждая агрессию в рамках дискуссий, присущих сообществам СМИ России в социальных сетях «Вконтакте» и «Facebook».

Еще одним положительным элементом имиджа Ирака в рамках СМИ России является то, что Российская Феде-

рация на протяжении многих лет остается одним из ключевых партнеров Ирак в таких областях как экономика, энергетика, а также в рамках нефтяной и горнодобывающей сферы, ирригации и сельского хозяйства. Так, в целом, опираясь на вышеуказанные авторами факты, следует говорить о том, что процесс отношений между государствами является важным уже с точки зрения качества и целостности политической обстановки на Ближнем Востоке [1].

Таким образом, мы можем сделать заключение о том, что на текущий момент времени наблюдается тот факт, что тема агрессии и всей негативной составляющей имиджа Ирак в рамках СМИ России занимает существенное место, которое конструируется с момента возникновения в России тех средств массовой информации, которые можно охарактеризовать как современные.

Литература:

1. Касаев, Э. О нефтяных проектах России и Ирака // Киберленинка [электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neftyanyh-proektah-rossii-v-irake/viewer>
2. Козловский, А. Настоящий Ирак/А. Козловский. — М.: Наука, 2013. — 152 с.
3. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты/Г. Н. Трофимова. — М.: РУДН, 2011. — 436 с.

К вопросу о региональных политических партиях и их необходимости в современных политических условиях

Сергеева Елена Владимировна, студент;

Приданкина Татьяна Сергеевна, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье рассмотрен вопрос необходимости воссоздания института региональных политических партий. Критический обзор идей нескольких работ исследователей, последовательно отстаивающих важность данного института для политической жизни страны, позволяет нам прийти к выводу, что в условиях современной публичной политики, создание подобных политических институтов выглядит не только противоречащим существующим законам, но и потенциально неэффективным политическим институтом, а в некоторых аспектах и обладающим негативными последствиями для партийной системы страны шагом.

Ключевые слова: политические партии, региональные политические партии, партии в субъектах РФ, партийное законодательство.

Вопрос партийной системы Российской Федерации является одним из ключевых в политической риторике и политологических исследованиях последних трех десятилетий. И одним из наиболее интересных и спорных аспектов в позиции авторов, изучающих вопросы, связанные с развитием и функционированием политических партий, является вопрос, связанный с необходимостью восстановления института региональных политических партий, которые преимущественно сосредоточены на работе в конкретном регионе. Попытаемся рассмотреть вопрос развития подобной системы в условиях совре-

В целом, при всем этом имидж Ирака как государства, вбирающего в себе весь исторический, культурный и политический потенциал, формируется, как мы можем заметить, преимущественно с негативной точки зрения или же вообще не формируется. Данный аспект целиком и полностью указывает на то, что в рамках данной ситуации происходит искажение мнения об Ираке со стороны потребителей информации СМИ России, а также об частичном или же полном несоответствии информации с текущей действительностью. Так, начиная с 2003 года, когда США осуществили первую военную операцию в попытке свергнуть Саддама Хусейна, в рамках информационного поля СМИ России тема Ирака, чаще всего, поднимается в связи с возникающими негативными политическими проблемами, последствиями, а также ликвидацией этих самых проблем.

менного правового регулирования и текущей практики партийной работы.

Изучая вопрос становления и развития института региональных политических сил, мы видим, что создание подобной возможности проистекало из строго говоря слабого контроля за развитием политических институтов в начале и середине 90-х годов прошлого века. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее последовательные защитники идеи развития политических партий в субъектах РФ, описывая генезис политических партий в правовом поле, делают особый акцент на поли-

тических партиях, развивавшихся в России в период активного становления партийной системы. [1] Однако, исследователи данной группы, игнорируют тот факт, что до появления специального закона (ФЗ № 95-ФЗ от 11.07.2001 «О политических партиях»), вопрос правового положения политических партий регулировался ФЗ № 82 от 19.05.1995 «Об общественных объединениях», еще ранее, вопрос политических партий решался с учетом Закона СССР от 09.10.1990 № 1708-1 «Об общественных объединениях» и соответствующей законодательной базой РСФСР.

Между тем мы видим, что специфика двух указанных нормативных правовых актов, предшествовавших действующему закону, не позволяла в полной мере раскрыть содержание значения политических партий в отечественной правовой системе. Было бы просто не логичным ограничивать право на создание политических объединений, которые, согласно правовой регламентации, были частью общественных объединений, решавших важные социально-значимые задачи в том числе и на уровне субъектов РФ. В подобных условиях, развитие политической партии из политического кружка сформированного в провинции, было логичным продолжением процесса демократических преобразований. Более того, большая часть политических партий, были сформированы на основе подобных общественных объединений.

Вместе с этим, многие исследователи, говоря о том, что необходимо создание механизмов позволяющих функционировать политическим партиям регионального масштаба [2], упускают из виду, тот факт, что региональный аспект в работе политических партий, как мы видим, раскрывается недостаточно. Практика подготовки предвыборных программ политических партий, отличных от общефедеральных является не то, что не распространенной, а является скорее исключением в современной политической практике. Так, региональные политические программы раскрываются исключительно в ряде республик, входящих в состав РФ. В политической практике партий не принято создавать целенаправленно комплексные программы, ориентированные на жителей конкретного региона.

Помимо этого, необходимо отметить, что авторы исследований, в которых говорят о важности региональных политических партий, упускают само представление законодателя о политических партиях, действующих в регионе, данное во втором абзаце п. 5 ст. 3 ФЗ от 11.07.2011 № 95-ФЗ «Под политической партией, представленной в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации, в настоящем Федеральном законе понимается политическая партия, список кандидатов которой допущен к распределению депутатских мандатов в законодательном (представительном) органе государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации». Фактически, законодатель видит необходимым выделение политических партий, действующих на уровне субъектов РФ, од-

нако не конкретизирует особенности, вытекающие из этого статуса вслед за этим положением.

При этом, не смотря на ограничения связанные с количеством отделений политических партий (которые должны быть сформированы не менее чем в половине субъектов РФ), нам бы хотелось особо отметить, что законодатель не запрещает формировать руководящие и иные органы вне столицы РФ, а потому, создание политической партии регионального масштаба имеет, фактически, только одно формальное ограничение, связанное с количеством представительств (что не является значительным ограничением для многочисленных «партий-спойлеров»). В подобных условиях, создание партий, ориентированных на представление интересов жителей конкретной местности или национальной или социальной группы, с учетом использования механизмов создания «партий-спойлеров», хотя и формально не противоречит законодательству (при условии соблюдения общих требований), но противоречит духу закона. Тем не менее, в случае ориентира на создание политической партии на национальных или религиозных основах, хоть и противоречит законодательству, но позволяет «страждущим» достигнуть собственной цели, учитывая особенности этно-конфессиональной картины страны и активность демографических процессов.

Как справедливо доказывает в своем исследовании А.В. Головинов, одной из самых значительных проблем современной партийной системы является наличие доминирующей партии, имеющей прямое и неограниченное влияние на законодательный процесс и на работу исполнительных органов власти [3]. Интересно, что в подобных условиях, существование не двухпартийной системы, и отсутствие стремления к созданию двухпартийной системы [4], говорят о том, что создание новых политических партий, преследующих интересы всего населения, и политических партий, преследующих интересы конкретных региональных групп, даже с учетом разрозненности системной и несистемной оппозиции, не выглядит перспективной идеей.

С учетом сложившихся общественных процессов (достаточно ярким проявлением в массовом сознании аполитичности, отражением которой можно считать достаточно низкий уровень явки на выборах), создание региональных политических партий, и последующее за этим еще большая сегментация политического пространства приведет, на наш взгляд, только к снижению уровня политической активности населения. В условиях доминирования конкретной политической партии, создание подобных институтов выглядит просто бесполезным.

Вторым негативным фактором в сложившихся условиях можно считать вероятную консолидацию региональных политических элит (прежде всего оппозиционных) вокруг региональных политических партий. В подобных условиях, политическая конкуренция в регионах, конечно, может усилиться, однако в масштабах всего государство, подобное решение может привести

к тому, что политическая конкуренция в федеральном масштабе только снизиться. Консолидированные вокруг масштабной политической силы, оппозиционные политики, позволяют создавать социальные институты, которые играют свою небольшую роль в партийном строительстве и публичной политике всей страны. Создание же региональных политических партий может поставить точку над консолидирующим процессом в оппозиционной среде.

В-третьих, мы считаем не изученным вопрос эффективности политических партий регионального масштаба, действующих в конкретном регионе. Тем не менее, как заявляли политики середины-конца 90-х годов, партии, созданные при конкретном политике, давали не более 3% голосов. Однако, узнаваемость современных политических

партий и реальный уровень их политической поддержки остается достаточно низким, а потому создание региональных политических партий, противоречит и политическим задачам, связанным с получением власти через выборные процедуры, ради которых и создаются политические партии.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в нашем понимании в условиях неустойчивости партийной политической системы создание института региональных политических партий может стать не столько фактом, противоречащим содержанию Конституции (в части запрета на создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности), сколько фактом, противоречащим задачам создания конкурентной политической среды.

Литература:

1. Алимов, Э.В. Партийное строительство в Российской Федерации: некоторые тенденции конституционно-правового регулирования // Журнал Российского права. № 5. 2017. с. 27-37. Алимов Э. В. Некоторые тенденции конституционно-правового регулирования партийного строительства в Российской Федерации // Журнал Российского права. 2016. № 2. 2016. с. 46-55.
2. Дураев, Т. А. Правовые проблемы взаимодействия государства и политических партий в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. № 4. 2018. с. 472-476
3. Головинов, А. В. Особенности реализации конституционного принципа идеологического многообразия в законодательстве о политических партиях // Известия Алтайского государственного университета. № 3 (91). 2016. с. 43-47.
4. Спиридонов, К. А. Становление двухпартийной системы в России // Социология власти. 2008. № 4. с. 22-28. Михайлов А. Е. Реализация принципа демократизма Российского законодательства (на примере становления двухпартийной системы) // Юридическая техника. 2020. № 1. с. 189-194.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 22 (364) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 09.06.2021. Дата выхода в свет: 16.06.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.